

О ТВОРЧЕСТВЕ ЕЛЕНА АСЛАНЯН

Елена Асланян представила свои произведения в редакцию электронного научно-культурологического журнала «RELGA» по Ин-тернету (№№ 4(106), 7(109) и 11(113) 2005г.). Елена, бес-спор-но, обладает писательским дарованием, все ее рассказы и повести от-личает стройное по-строение сюжета, четкость и определен-ность граж-данской позиции, сочетание в героях социального и лич-ностного начал как единого целого. Все творчество Елены Ас-ла-нян пронизано высокими человеческими чувствами и поисками духовности, к которой неизменно стремятся ее герои.

Кроме всего прочего, Елена Асланян обладает чувством юмо-ра, которое проявляется как в авторском тексте, так и в речи ге-роев. Для напряженных жизненных ситуаций, в которой живут ее герои, даже в произведениях, казалось бы, далеких от юмо-рис-ти-ческого начала, неожиданная ирония (и, что особенно ценно, са-мо--ирония), выраженная подчас в одной короткой фразе, спа-са-ет от драматического восприятия действительности, давая надеж-ду читателю, веру в то, что жить, несмотря на все тяжелые пери-пе-тии судьбы, стоит...

Писательница хорошо владеет русским литературным язы-ком и стилем, ее слова открыты к сердцу читателя, которого она чув-ствует и уважает. Все ее сюжеты взяты из жизни, более того, соз-дается впечатление, что они автобиографичны. Так точно опи-са-ны детали жизненных ситуаций и психологические нюансы от-но--шений между героями.

Все, о чем сказано выше, основано на русскоязычных текстах. Но уверен, что на армянском языке произведения Елены Асланян зазвучат также убедительно. Поэтому их надо печатать и переводить.

Полагаю, что творческие возможности писательницы еще не раскрыты, и лучшие ее произведения еще впереди!

Гл. редактор сетевого журнала «Релга»,
доктор филологических, профессор

А.И. Акопов

Имя Елены Асланян стало известно широкому кругу читателей и профессиональных редакторов после публикации двух её рассказов «Занэ» и «Беженский круг» в третьем номере «Литературной Армении» за 2004 год. Рассказы пронзили своей искренностью и внутренним светом. Это – рассказы очевидца, пере-жившего со своим народом трудности обретения независимости, блокады и военного конфликта. С первых же строк стано-вит-ся ясно, что автор обладает талантом и собственным стилем, изю-мин-кой которого является юмор.

Меня особенно заинтересовали юмористические произведе-ния Елены, где проявляется безукоризненный вкус автора, никог-да не теряющего чувства меры.

Хотелось бы отметить рассказ «Дочь курда», вызывающий интерес совершенно новыми акцентами отображения геноцида армян в Турецкой Армении. Чувствуется большая работа автора над историческим материалом, поражает захватывающий сюжет рассказа, которому автор придал черты приключенческого жан-ра, – что делает его интересным для иностранного читателя. Но, в первую очередь, этот рассказ необходим армянскому читателю но-вого, молодого поколения.

Мне, как профессиональному редактору, приятно, что поя-вил-ся новый автор с собственным оригинальным стилем. Вдвой-не приятно, как мужчине, что в центре внимания Елены Асланян всегда находится женщина, армянка, – сильная и нежная, стойкая и женственная.

Секретарь СП Армении

Ованес Григорян

ДОЧЬ КУРДА

Анаит Мушеговна рассеянно взяла зачётку и, не дослушав ответ сту-дента до конца, поставила отличную оценку. Академи-чес-кая тишина и так называемая отстранённость от мирской суеты аудитории никак не вязались с хаосом, возникшим от пронес-ше-гося по стране урагана перестройки и от разгула естественной сти-хии – лежали в руинах, похоронивших под собой сотни детей и взрослых, Лениакан и Спитак, тысячи беженцев из Азербай-джа-на заполнили пансионаты и гостиницы, а также кризис госу-дар-ственной власти,– что казалось, наступил апокалипсис.

На кафедре, куда она зашла после экзамена, собрались пре-по-да-ватели и обсуждали единственный для них выход из кризиса – отъезд. Уехать подальше из стонущей от ран страны. Одно де-ло – со-бираться на совершенно безопасные митинги и горланить про про-дажность Горбачёва, и совсем другое – находиться на рас-ша-ган-ном ими же корабле государственности в вызванной их мо-лит-вами буре.

Анаит, всегда молчавшая, вдруг резко прервала своих коллег:

– Надо жить в своей стране. Строить на своей земле дома, са-жать вокруг них цветы и уметь защищаться от любителей прийти на готовое. Моих родителей силой выгоняли из их домов, а вы доб-ровольно, сами, бежите из страны. Моя улица почти опустела. Каж-дый второй дом продаётся. Все бегут как крысы с корабля. Неу-жели не понимаете, что без родины вы везде нежеланный бро-дьяга без дома. Неужели не понимаете, что бесплатный сыр бы-вает только в мышеловке и за все эти "беженские блага" на-сту-пит пора платить. А платить вы все будете своими детьми.

Никто ей не возразил. Между ними всегда была стена непо-ни-мания, они все были советскими, родившимися и выросшими в Со-ветском Айастане, а она – пришлая, из Сирии. В Сирии нашли при-ют после геноцида 1915 года в Турции много армян. Но ни сер-дечность гостеприимных арабов, находивших в пустынях уце-лев-ших и создавших условия для выживания армян на своей зем-ле, ни возможность переезда на Запад не могли утолить страш-ную тоску по потерянной родине. И люди приезжали в Совет-скую Армению и любили её, как землю обетованную. И не могли по-нять отношения к ней тех, кому повезло родиться здесь и из-бе-жать страшной участи западных армян.

– Посмотрите на бакинских армян. Неужели их пример не стал вам наукой?

Царило мрачное молчание. Был январь 1990 года и мир, уже не в первый раз после Сумгаита, потрясли события на улицах со-вре-менного и промышленно развитого Баку с горящими на кост-рах живыми армянами. Представители Народного фронта успеш-но провели операцию по депортации армян, оказывая яростное воо-ружён-ное сопротивление частям

Советской Армии, пытав-ших-ся навести порядок в обезумевшем от крови и средневековых ужа-сов городе.

Анаит Мушеговна сдала экзаменационные ведомости и зато-ро-пилась домой, чтобы окунуться в домашние дела и на время из-ба-виться от тревожных дум. Она была тюркологом. На этом на-стоя-ла её мать. Она с детства говорила с ней по-турецки и с ма-ниа-кальной настойчивостью повторяла: "Ты должна знать этот язык. Ты вернёшься туда. Обязательно вернёшься. А за тобой пой-дут и остальные."

Её мать и отец были одними из сотен уцелевших из мил-лио-нов армян, обречённых турками на смерть. Матери Анаит – Шех-наз, её как второго ребёнка родители обязаны были назвать ту-рец-ким именем, – тогда было четыре года, но она очень хорошо по-мнила, как их вытаскивали из домов вооружённые солдаты, строи-ли в колонны и объявили, что "сопровоят" в Алеппо. "Со-про-вождение" части колонны, где была Шех-наз с матерью, – бра-та и отца отделили сразу же, – завершилось уже на окраине Диар-бе-кира, где на беззащитных женщин с детьми напа-ли курды и "че-тены" – выходцы с Северного Кавказа. Под смех и одоб-ри-тель-ные возгласы жандармов они срывали одежду с несчаст-ных, – это был их барыш, золото и деньги же честно возвращали тур-кам, – и забивали их утыканными гвоздями молотами. И не бы-ло жалости в глазах предков тех, кто сейчас умно и красно-ре-чи-во разглагольствует о свободе для "своего" народа, без тени сом-нения отказывая несколько десятилетий назад в праве на жизнь народу, жившему на своей земле с тех пор, как об-ра-зо-ва-лась земная твердь.

Мать с Шехназ были в центре и за доли секунды та сама ски-ну--ла с себя одежду и повалилась на землю, прикрыв собой дочь, и буквально че-рез мгновение они оказались под грудой окро-вав-лен-ных тел. Им просто по-везло. Турки, которые после побоища, про--шли по телам, добывая раненых, не заметили, что они живы. Ночью пришли нищие, в надежде подобрать что-либо и, мать Шех--наз, услышав, как они проклинают убийц, по-звала их. Так они ушли с нищими. Через пару месяцев мать с большой пред-ос-то-рож-ностью, ночью, отдала Шехназ в греческий монастырь. И при----ходила к дочери время от времени вместе со старухой-ни-щен-кой. А од-нажды старуха-нищенка пришла одна, и, дав Шехназ не-с--колько монет, отводя влажные глаза в сторону, сказала ей, что её мать нашла работу далеко, и долго, наверное, не будет приез-жать. Мать не вернулась вовсе. Из монастыря Шехназ опре-де-ли-ли в си-рот-ский приют для сирот-армян в Сирии. Она выжила, выросла и вышла замуж за такого же сироту-ар-мя-ни-на Мушега.

Такова была история, которую рассказывали отец и мать Анаит.

Они с семьёй приехали из Сирии в Армению в начале 60-х го-дов и поселились в городке Арарат. Кроме Анаит у них было ещё два сына. Отец часто повторял, что назвал свою дочь в честь своей матери. От его истории выживания также стыла кровь в жи-лах. Всё было как и везде.

Из Харпута их колонну под охраной семидесяти жандармов вы-вели на юг. Тех, кого убили не сразу. Уже на третий день тур-ки стали насиловать и убивать, позволяя курдам делать то же са-мое. Практически ежедневно по пути следования колонны жите-ли курдских деревень совершали набеги и уводили женщин и де-во-чек. Так у них с матерью отняли двенадцатилетнюю сестру. На со--роковой день остатки колонны достигли вос-точного Евфрата и здесь их начали топить. Река была усеяна трупами, но деся-ти-лет-ний Мушег, умевший хорошо плавать, почувствовал, что имен-но в воде у него есть шанс на спасение. Крепко поцеловав на про-ща-ние мать, они договорились найти друг друга в Алеппо, он сам вошёл в воду. Турок-подросток, прибывший сюда со своими соплеменниками на забаву и разбой, схватил его за горло и с возбуждённым криком стал топить в воде. Мушег, которому инстинкт самосохранения заменил и зрение, и сознание, подобрал камень со дна и ударил турка в пах. Тот, взвыв, отпустил мальчика на секунду, присев в воде. И тут же этим же камнем Мушег нанёс ему удар в глаз. Турок упал в воду вниз головой и захлебнулся, наверное, это был единственный случай оказания сопротивления. Мушег поплыл, он плыл на спине, приказывая себе выжить и встретиться с матерью. Его подобрал рыбак – араб. В арабской деревне к нему отнесли с большой симпатией, предлагали остаться. Но он должен был попасть в Алеппо. Среди оставшихся от нескольких тысяч нескольких десятков, достигших Алеппо, матери Мушега не оказалось...

Он обожал свою дочь Анаит, баловал и позволял делать ей всё, выполнял все её капризы, вкладывая в эту любовь иссушающую тоску по матери и сестре.

Анаит очень тяжело пережила смерть отца, случившуюся год назад. Тяжелее всех. И ей казались совершенно неуместными хло--поты матери о поездке в Турцию. Но Шехназ не успокаивалась, и каждый день звонила и требовала, чтобы Анаит поехала с ней в Диарбекир,

пользуясь невиданной ранее возможностью для советских армян посетить юго-восточную Турцию – Западную Армению. Уже были присланы от родственников в Сирии визы с разрешением посетить Турцию. Но Анаит не видела в этом смысла. Поехать, увидеть разорённую землю, так и не освоенную жестокими убийцами, не сумевшими проглотить её, даже уничтожив её детей, казавшимися для них единственной помехой для полного овладения ею. И когда мать неожиданно слегла, всё-таки возраст, 79 лет – даже для очень здорового человека диктует свои условия, – Анаит подумала, что вопрос о поездке разрешится сам собой.

И когда прозвенел телефонный звонок и Анаит, уставшая после экзамена, услышала материнский голос, она даже не могла предположить, что сама через неделю поедет туда, но уже без матери.

– Анаит, сегодня обязательно приходите вместе с Валерой. Только ты с мужем. Есть очень важный разговор.

Когда Анаит сказала мужу, что они должны поехать в Арарат, он устало вздохнул. Но поехал. В доме никого не было. Семья сына, с которой жила Шехназ, в полном составе отправилась на свадьбу, а мать, сославшись на нездоровье, осталась дома. Разумеется, не случайно.

– Анаит, я очень прошу выслушай меня, не перебивая. Твой отец Мушег – лучший в мире отец и супруг, но не он дал тебе жизнь.

У Анаит из горла вырвался хрип.

– Только не перебивай меня, – со стоном сказала Шехназ, – не знаю почему господь двумя горстями послал мне страдания и оставил жить в муках до конца жизни....

Мать причитая, заплакала. Валерий бегом принёс воды, и обняв тещу, сказал:

– Говори, мама. Мы слушаем.

– После приюта я работала в магазине у одного армянина и вышла замуж в 18 лет за Варужана. Он тоже был сиротой. Почти всё наше поколение были сиротами. Он искал работу, и когда предложили ему поехать строить дорогу и пообещали хорошую зарплату и жильё, мы поехали на границу Сирии и Турции. Всё было хорошо. Я впервые в жизни была счастлива с любимым мужем. Но через месяц после нашего приезда и три месяца моего замужества на нас напали курды. Они налетели на конях из-за границы рано утром, стреляли и грабили. Варужана убили на пороге дома, когда он выскочил с ружьём, успев даже убить кого-то. Один из нападавших схватил меня за волосы, укутал в одеяло, посадил на лошадь и ускакал.

Анаит трясло как в лихорадке. Она только повторяла:

– Нет, мама, нет мама, нет...

– Он привёл меня к себе домой. И объявил, что теперь я – его жена. Он сказал, что даст мне возможность справиться с трауром по мужу. Но если я буду упрямиться и не захочу ответить на его "благородство" добром, он сделает меня своей рабыней. У него были свои представления о благородстве. И я стала его женой.

Анаит закричала. Валерий бросился к ней и крепко обнял её.

– Родилась моя первая дочь Фидан, потом – вторая дочь Хене. За мной всё это время следили, я не выходила даже за ворота дома. Со мной хорошо обращались. Он дарил мне золото и был очень почтителен. Но я не переставала ненавидеть его. И думала только о том, как бы сбежать. Когда родилась ты, он назвал тебя в честь своей матери Ширин, двух моих девочек забрала к себе све-кровь, и за мной перестали следить. Он не дотрагивался до меня, пока я кормила тебя грудью, но срок подходил, и я сбежала с тобой на руках, оставив двух своих старших дочек...

Анаит потеряла сознание. Когда она пришла в себя, ей казалось что она проснулась после страшного кошмара и всё, что звенело у неё в ушах – просто сон.

– Мне помогли арабы. Они всегда помогали нам. Даже воры, узнавая, что ты – армянка, помогали. Я добралась до Алеппо, нашла друзей. Тебе был почти год, когда мы с Мушегом встретились и поженились. Мы с ним пытались вернуть моих девочек. Он нашёл посредников-арабов, и они встретились с Хуссеном-Исо, так звали твоего отца, и предложили большие деньги за них. Он расвирепел, набросился на них, его еле успокоили. Он сказал, что найдёт и вернёт свою дочь Ширин, рождённую в его доме и названную в честь его матери, а с со мной поступит как с неверной женой. И тогда один из арабов сказал: "На всё воля Аллаха, и без помощи Аллаха твоя жена не нашла бы сил сбежать от тебя. И волей Аллаха на тебя теперь пал позор рогача, за то, что ты уподобился турку-убийце и похитил чужую жену. А теперь твоя дочь, твоя кровь,

похищена из твоего дома, обращена в веру своей матери и переименована в честь матери своего нового отца". И тот заплакал, как ребёнок. Дочерей он так и не отдал.

– Ты поэтому так рвалась туда, мама, – прошептала Анаит, – они ведь все сейчас там живут.

Шехназ закрыла глаза и застонала. Валерий пошёл на кухню и приготовил чай.

– Выпейте чаю и успокойтесь.

Шехназ вдруг схватила его руки и, орошая их слезами, взмолилась:

– Валера, сынок, я заклинаю тебя, пусть Анаит поедет, увидит их, привезёт их фотографии...

– Конечно, мама, только не плачь. Ты – самая замечательная женщина, которую я когда-либо встречал. Анаит поедет. Может, даже к лучшему, что ты ехать не можешь. Я постараюсь поехать вместе с Ано.

– Я не хочу, чтобы мои сыновья и внуки узнали об этом сейчас.

Валерий переглянулся с Анаит:

– Хорошо. Как ты считаешь нужным.

Они уехали, не дожидаясь возвращения хозяев дома. Анаит сразу же прошла в спальню и легла в постель.

Ночью она увидела сон. Белое пространство, в котором вдруг проступили очертания трёх женщин в чёрных покрывалах, оставивших открытыми только глаза. Женщины молчали и не двигались, но белое пространство вдруг запульсировало, пронизанное чудовищной силой энергией. И вдруг одна из женщин вытащила руку из-под накидки и подняла её вверх. С этой ладони в белое пространство тоненькой ниточкой покатила дорожка, сначала узкая, а потом широкая. И эта дорога прорезала пространство, оживляя его, наполняя звуками и красками, и устремляясь дальше вперёд. А фигуры трёх женщин, уменьшаясь в размерах, оставались над этой дорогой. Анаит проснулась – была глубокая ночь. Рядом спал Валера. Спали дети.

Она сразу поняла, кто были эти женщины. Каждый армянин, даже наполовину, и даже на четверть знает без объяснений – что значит приход к нему во сне трёх женщин в чёрных покрывалах. Это – знак редкостной удачи под сенью покровительства высшей силы, которая всегда приходит неожиданно, потому что сама решает когда, к кому и зачем надо прийти, не вступая в контакт и не требуя благодарности. На Анаит вдруг снизошло спокойствие, пролившееся исцеляющим бальзамом на натянутые нервы. И она снова заснула уже крепким и приносящим силу сном.

На следующий день на работе она узнала, что к ним в университет приехали двое британцев: женщина-журналист и парень-оператор, собирающиеся снимать фильм об армянах, Армении, Арарате, Западной Армении – сегодняшнем юго-востоке Турции, о дне сегодняшнем и вчерашнем, и что ищут переводчика, способного стать также гидом и сотрудником. Она закрыла глаза и, на мгновение уйдя в непознанные тайные глубины мироздания, сказала – "спасибо".

Она пошла к ректору, с которым беседовали сейчас англичане и сказала секретарше, что у неё для них есть важное сообщение. Когда британцы узнали, что она свободно говорит на турецком, английском, арабском, а также может объясняться по-курдски, то от избытка чувств захлопали в ладоши. Ну а когда Анаит объявила, что у неё есть готовая виза, и она может хоть завтра отправиться с ними, женщина вскрикнула:

– I can't believe, – и попросила воды.

Решено было взять билеты на ближайший рейс в Алеппо. Он должен был вылететь через неделю. Этого времени было достаточно, чтобы урегулировать свои дела.

Все дела были сделаны в предпоследний день перед отъездом, и вечер, наконец, можно было посвятить размышлениям о себе – новой и незнакомой. Анаит стояла перед трюмо в спальне в новом сногшибательном пеньюаре – пеньюары были её слабостью. Она не жалела на них денег, покупая не для себя, нет – для дочери на выданье, для невестки, но потом всё это оказывалось на ней. Жизнь начинается после пятидесяти. Когда дети выросли и стали самостоятельными, и ты уже можешь полностью отдаться работе, творчеству и ... любви, не откладывая на потом, потому что никакого "потом" просто нет. И поэтому нет больше места капризам, скандальчикам, самоутверждениям, принципам – только женственность в самом высшем своём проявлении.

Она примеряла золотое ожерелье – подарок мужа, привезённый им из недавней поездки в Эмираты. Возможно, так выглядела в её годы ухоженная и обласканная судьбой восточная царица. По-прежнему прямой была спина, гибкой талия, длинной шея, стройными ногами и ни грамма жира – любимые ею английские костюмы сидели на ней как на манекене, юбки всегда она носила до колена. Только волосы приходилось красить и подрезать, а когда-то они были почти до колен.

Да, она была обласкана судьбой – и как дочь, и как мать, и как жена-любовница, и как личность. Учёная степень, любимая работа, здоровые и умные дети, всю заботу о них и домашних делах взяли на себя её мать пополам со свекровью, и любовь – несгораемая страсть любимого и любящего мужа.

Она встретила его сразу, как приехала из Сирии, в 24 года. До этого ничего у неё не было и быть не могло – закрытая привилегированная школа для девочек, потом университет без всяких там вечеринок и прочего баловства, но это её и не интересовало. Она ждала поездки в Сказку, где обязательно встретит принца. Так и произошло. Она познакомилась с Валерой, когда подавала документы в аспирантуру. Здесь, в Ереване можно было встречаться с парнем, ходить с ним в кино или кафе.

А когда Валерий её поцеловал в первый раз, проводя до подъезда, она от счастья чуть не потеряла сознание. И помчалась на следующий день в Арарат, рассказать матери и спросить, что можно ей делать, а че-го – нельзя. Реакция матери её тогда поразила, и только сейчас она поняла её. Мать разрыдалась, и целуя лучистые от счастья глаза дочери, сказала:

– Всё можно, дочка, всё, что сама захочешь. Ничего не бойся, не бойся, что скажут люди. Делай всё, что захочешь.

Валерий, коренной ереванец, был безупречен, как и полагает-ся прин-цу из сказки. Он сам никогда не переступал предела до-зво-ленного обычаями и традициями. Всё у них было после свадьбы, красивой, пышной по-армянски свадьбы, но только без венча-ния в церкви. Времена тог-да были коммунистические. Анаит, конечно, не была комсомолкой, но Валерий был, а его отец, известный врач, профессор, был коммунистом. Анаит не могла без смеха вспоминать их первую брачную ночь, когда Валерий, у сте-ны спальни снимая с неё белое платье и осыпая поцелуями обнажаемое тело, вдруг отпрянул в ужасе, и поволок её на кровать:

– Ну ладно, я – дурак, а ты? Мы же чуть-чуть...около стенки ... А что утром бы показали?

Когда утром пришли замужние двоюродные сёстры Валеры за простынёй – родных сестёр у него не было вообще – их было три брата, – она от стыда заперлась в туалете. Её оттуда еле выманили золовки. Одна из них совершенно серьёзно рассказала, как, согласно деревенским обычаям её мужа, она была вынуждена пройти с ним в спальню прямо в середине свадьбы, и гости сидели и ждали, когда её свекровь даст команду продолжить свадьбу. "Это был самый худший день в моей жизни. Мой негодяй меня не предупредил, знал, что никакой свадьбы тогда не будет, и я была поставлена перед фактом. А когда в спальню сразу же после этого вошла свекровь с родственницами, вытащили из-под меня простыню, а потом одели меня в другое платье и потащили опять на свадьбу, я проклинала тот час, когда согласилась выйти замуж", – уже со смехом рассказывала она.

Да, судьба, будто компенсируя страдания, с лихвой отпущенные на долю матери, бабушек, была к ней благосклонна. А как судь-ба отнес-лась к её единокровным сёстрам Фидан и Хене, и как бы она жила, если бы осталась Ширин? Была бы так же счастлива, как Анаит?

В спальню вошёл Валерий и лёг на своё место.

– Теперь, когда ты узнал, что я – дочь курда, ты больше меня не любишь? – как-то очень спокойно произнесла Анаит.

Валерий привстал с места и от шока не мог вымолвить ни слова:

– Ты это серьёзно? Тебе в голову мог прийти подобный абсурд?

– Но почему ты тогда не подошёл ко мне, не обнял – я уезжаю послезавтра. Ты не должен был отходить от меня ни на минуту, а ты избегаешь меня...

Валерий стремительно встал и подойдя к ней, обнял:

– Человеку, пережившему шок, подобно тебе, хочется, как правило, остаться наедине с самим собой. Поэтому я не лез к тебе с разговорами, тем более, ты была так занята этими свалившимися с неба англичанами.

Анаит обняла его что есть сил и тихо заплакала.

– Для меня твоё происхождение вовсе не было неожиданностью. Знаешь, что я подумал, когда в первый раз увидел тебя: "Как прекрасна эта берберийка". Эти палочие чёрные глаза, смуг-лая кожа, кошачья гибкость, а эти длинные волосы, чуть ли не до колен. Я даже помню, что ты была в джинсах – тогда мы даже про джинсы не слышали. И тоненькая, как тростинка. Я был сражён наповал сразу же и мечтал как о невероятной удаче просто заговорить с тобой.

Анаит улыбнулась в ответ:

– А знаешь, что я подумала, когда ты подошёл ко мне и сказал: "Девушка, хотите я с Вами позанимаюсь русским языком. Здесь все должны знать русский", знаешь?

Анаит рассмеялась:

– Я подумала : "У меня есть шанс закрутить роман с русским". Ты был светлый и голубоглазый, у тебя было русское имя. Для меня было таким разочарованием узнать, что ты – армянин.

– Вот как?

– Да. И вообще ты испортил мне жизнь. Нет чтобы погулять и бросить. Взял и женился. А так у меня второй был бы, третий, четвёртый, пятый, может быть. Ну, в пятого бы я, конечно, вцепилась бы зубами и постаралась бы выйти замуж. Но зато было бы, что вспомнить.

– Ах ты ... неблагодарная женщина, – Валерий ущипнул её в низ живота, она страшно этого не любила и в молодости могла даже укусить.

Анаит взяла обе его руки и поцеловала их:

– Анаит, что ты делаешь, не надо...

– Мне так страшно уезжать... Возможно, если бы не мама, не её материнское горе, и это её желание узнать о своих дочерях, я никогда не захотела бы увидеть своих родных сестёр, отца...

– Захотела бы.

Валерий привлёк её к себе:

– Если бы я был уверен, что ты хочешь, чтобы тебя отговорили ехать, я бы отговорил и не пустил. А сейчас расслабься. Сейчас ничего нет в мире, кроме тебя и меня. Совсем скоро тебя ждёт нелёгкая дорога. Для меня слабым, но всё же утешением является то, что ты едешь с британцами. А ты им рассказала, к кому едешь?

– Нет. Расскажу в Алеппо.

Алеппо встретил их солнцем, праздничным гомоном на своих одновременно старых и современных улицах. Анаит обожала и этот город, и страну – наследницу одной из древнейших цивилизаций в мире, и народ. Здесь прошла её юность, здесь жили её род-ственники и старые друзья. Старые связи пришлось кстати, когда надо было решать технические вопросы, связанные с подпи-сями, вопросами безопасности, маршрутом, машиной и тому подобным.

Она не вмешивалась, когда Джессика с Питом обсуждали разные варианты маршрутов. Всё равно, все дороги для них начинались бы с Нусайбина, пограничного с Сирией городка. И ког-да Джессика, распечатав данные из Интернета о Нусайбине, обер--нулась ко всем, находящимся в офисе и возбуждённо про-кри-чала:

– I say, folks! Sensation! Nusaybin has ruins of the ancient Nisibis, the residence of early (2d cent. b.c.-1st cent. a.d.) Armenian kings..

Анаит как будто не расслышала её. Она тихо сказала:

– Там живут мои сёстры и отец.

Их встреча была тяжёлой. Отца Анаит пришлось даже силой уложить в постель – ему стало очень плохо. Он не выпускал руки Анаит и молча плакал. А сёстры ждали мать. Ждали все эти годы. От них не скрыли правду. Они знали, что их матерью была армянка и она ушла с младшей сестрой. Они смотрели на фотографии матери и даже не плакали, выли. Анаит показалось, что сёстры смотрят на неё с ненавистью. Они, переглядываясь друг с другом, слушали рассказ Анаит о себе, о муже, о детях, о её работе, об Армении, и Фидан вдруг резко прервала её:

– Если бы мать и нас забрала с собой, то мы тоже были бы, как ты.

Фидан была на четыре года старше Анаит, это была уже беззубая старуха, вся в морщинах, выцветшими глазами, не-опратно выбившимися из-под косынки седыми прядями, и бесформенным тучным телом, которое казалось ещё толще от множества цветастых юбок, надетых одна на другую. Её похитил в четырнадцать лет один курд из дальней деревни, человек в два раза старше неё и уже имевший жену, правда, бездетную. Моральный ущерб отцу был компенсирован баранами. А дальнейшая участь Фидан зависела от того, родит она сына или нет. Она родила двух сыновей и трёх дочерей. Сыновья и внуки мужского пола, достаточно взрос-лые, чтобы держать оружие, погибли в 1985 году в вооружённой стычке с турками, когда пытались защитить свою деревню от уни-чтожения. Деревня была уничтожена, кто успел – убежал. Тогда она и переехала к отцу на границу с невестками и маленькими внуками.

Хене внешностью мало отличалась от старшей сестры. Её в шестнадцать лет отец выдал замуж за человека грамотного и учёного, который, оставив жить молодую жену с родителями, приезжал и уезжал, не спеша перевезти жену и родившихся детей в город. Потом пришло известие, что его посадили в тюрьму за выступления против турецкого правительства. Хене с тех

пор о муже не слышала, оставшись в тридцать лет с тремя детьми на руках. Её старший сын политикой не интересовался и разводил скот, кормя всю семью, но внуки ушли в горы, в вооружённые курдские отряды.

Анаит с болью в сердце слушала их рассказы о притеснениях и гонениях со стороны турок и сказала:

– Как всё это похоже на то, что турки делали с армянами в 1915 году.

Мгновенно наступила настороженная тишина. Анаит заметила недобрый блеск в глазах невесток своих сестёр. Её сёстры опять переглянулись и Фидан сказала:

– Здесь об этом не принято говорить.

– Отец, – обратилась к отцу Анаит со слезами на глазах, она не могла больше молчать и хотела наконец получить прямой ответ, – разве курды не понимают, что произошёл геноцид армян на юго-востоке Турции, на этих же самых землях – Диарбекир, Малатия, Арапкир, Муш, Ван, – армян, которые жили здесь всегда, которые создавали государства за тысячи лет до нашей эры, и которых изгнали из их собственных домов силой оружия.

– Я был тогда маленький, мне было тогда 5 или 6 лет, я ничего не помню, – пряча глаза, сказал отец, целуя её руки. – Доченька, я столько лет ждал тебя, почему мы должны сейчас говорить о таких вещах.

– Потому что, если бы о таких вещах говорили, тебе бы не пришлось столько лет меня ждать, отец. И, возможно, не продолжалась бы литься кровь на этой несчастной земле. Потому что нельзя строить счастье на несчастье другого, потому что нельзя быть счастливым в доме, который построил не ты, а занял его, перерезав его хозяев.

– Придёт время и это поймут многие, – после тяжёлой паузы сказал Хуссен-Исо, – как понял я, потеряв тебя. Армяне здесь жили всегда, и они должны вернуться, и только слепец или глупец этого не видит из-за своей слепоты и глупости. Места и солнца здесь хватит на всех. А сейчас расскажи мне о моих внуках-армянах.

– Мой старший сын Армен закончил университет, – Анаит рада была сменить тему, – он – физик, сейчас работает над дис-сер-тацией. Совсем недавно приехал из Гренобля во Франции – там была конференция. Его жена – врач, лечит нас всех. Совсем не-давно у них родился сын, назвали Мушег. А дочка, Асмик, сейчас встречается с очень хорошим парнем.

Хуссен-Исо неожиданно встал и вышел.

И тут старшая внучка Фидан вдруг спросила:

– А что значит – встречается?

– Ну, это когда парень и девушка нравятся друг другу, но пока не уверены, что хотят пожениться. Или уверены, но учатся, напри-мер, или копят деньги на квартиру, чтобы жить отдельно. Они хо-дят вместе в гости к друзьям, к родственникам, в кафе, на диско-теки. В общем, дружат и любят друг друга, но не как муж и жена.

– Я тоже хочу учиться, хочу дружить, встречаться, – страстным шёпотом вылетели слова из самого сердца юной девушки.

Из горла Фидан вырвался негодующий возглас, и тут, как по команде, мать девушки набросилась на дочь и стала бить по голове.

– Хватит, ладно, – распорядилась Фидан, – и давайте уходите отсюда все. Идите займитесь своими делами. В доме полно работы.

Когда дети разошлись, она обернулась к Анаит:

– А ты попридержи свой язык. Забыла, где находишься?

К горлу Анаит подступила тошнота, ей вдруг захотелось уехать в ту секунду.

Положение спас Хуссен-Исо, вошедший с каким-то свёртком на руках. Он не спеша развернул его, там были золотые украшения.

– Это золото вашей матери и моей матери Ширин. Аллах послал мне троих дочерей, других детей у меня нет. И сейчас, когда наша Ширин с нами, я хочу раздать всем поровну, что есть. Это – тебе, Фидан, это – твоё, Хене. А вот это ожерелье подарила Шехназ моя мать, когда родилась ты, Ширин. Ваша мать ничего не взяла, когда ушла, поэтому мы долгое время думали, что её похитили, и искали не там, где надо. Но на всё воля Аллаха.

Сёстры со слезами на глазах взяли в руки золотые украшения, хранившие тепло материнских рук. Фидан и Хене стали их целовать.

Хуссен-Исо тем временем вытащил из кармана ещё один свёрток и развернул его. Там был нож с золотой рукояткой в инкрустированных ножнах.

– Когда-то я был смелым воином и лихим наездником. Это – мой нож и талисман. Я хочу, чтобы он в память обо мне достался именно Армену, твоему сыну, Ширин. Передай его моему внуку и скажи своим детям, что они всегда были и будут в сердце старого Хуссена-Исо, и в сердце каждого человека из нашего рода до седьмого колена. И я буду молить Аллаха каждый день, чтобы они приехали на эту землю не как гости и туристы, а уже как хозяева.

Фидан и Хене, всхлипывая от слёз, согласно закивали.

Анаит обняла отца. Она поцеловала его в дряблую морщинистую щеку, и преодолевая чувство вины, сказала:

– Отец, мне пора уезжать. Завтра утром.

– Нет, Ширин, как можно так, ты была с нами так мало. Я сам попрошу англичан.

– Это очень опасно, – Анаит спряталась за благовидным пред-логом, – пока здесь относительно спокойно, но уже завтра опять могут начаться столкновения.

На сердце была боль, но оставаться больше она не могла. Джессика с Питом были тоже удивлены. Анаит проводила с ними на съёмках столько времени, сколько надо было, до Мардина, куда они собирались ехать завтра снимать сирийскую христианскую и развалины армянской церкви – был всего час езды на машине. И можно было бы вернуться вечером, и так провести ещё неделю. Но Анаит сказала, что не хочет подвергать их всех опасности, и они облегчённо вздохнули.

Утром следующего дня они были в Мардине, ведущим свою историю со времён Великого Потопа, и любовались прекрасным видом Месопотамской низменности со скалистого уступа, на ко-то-ром расположен этот прекрасный древний город. Благодарная земля хранила следы творения армянских зодчих, которые украшали её с тех самых времён дворцами и храмами, следы, оставленные армянскими сынами, которые, наряду с сирийцами, евреями, а потом и арабами, курдами и турками жили на ней, и продолжали бы жить и сегодня, если бы курды и турки не решили бы, что солнце должно "светить" только для их народа, убивая теперь в этом страшном споре друг друга.

До Диарбекира, – "страны Бакров" , было где-то около двух часов езды. Вот и Евфрат, на котором расположен этот один из древнейших в мире городов, насчитывающий более 5000 лет, род-ной город матери Анаит. Город, в котором, возможно, родилась бы и она, и тысячи других армянских детей. Город, в котором нет места теперь и туркам. Анаит запомнилась встреча в Диарбекире с молодым учителем истории, турком по национальности. Они встретились около знаменитых городских стен из чёрного базальта. Трудно было удержаться от восхищения, видя творения человеческих рук в шесть километров длиной, четырьмя главными воротами, множеством маленьких ворот и семидесятью двумя башенками. Сулейман, так звали его, подошёл к группе иностранцев и сказал:

– Правда, турки имеют потрясающие памятники старины?

– Но эти стены построены с III века по XI, а турки пришли сюда поз-же, – возразила Джессика, – стены начали строить в III веке по приказу рим-ского императора, римляне захватили эти земли в I веке до нашей эры, тогда здесь жили армяне. Мы снимаем фильм об армянах, что Вы о них знаете?

– Ничего, – Сулейман искренне пожал плечами, – а разве они когда-нибудь здесь жили?

Джессика рассмеялась:

– Сулейман, дорогой друг, совсем недалеко от Диарбекира Тиграном Вторым была построена столица Армянского царства – Тигранакерт. Этот город насчитывал 100 000 жителей и был жемчужиной Востока в те времена. Тигран Второй приглашал в свой огромный театр греческие труппы, и это описано во всех античных источниках: невероятные дворцы, улицы, дома Тигранакерта, его роскошь. Это было здесь, всего в нескольких километрах от того места, где мы сидим. Этот город до основания разрушил римский полководец Лукулл во время своего похода в Армению.

– Лукулл? – переспросил Сулейман, – Тот самый Лукулл, который прославился "лукулловыми пирами"?

Джессика с Питом рассмеялись.

– Нет, я немного знаю о Лукулле, – смутился Сулейман, – Он победил Митридата, был сторонником Суллы, соперником Помпея и даже, если не ошибаюсь, выступал против Спартака.

Сулейман всё-таки был неплохим историком.

– Да, это – тот самый Лукулл, – доброжелательно улыбнулась Джес-сика, – но армяне никуда не делись со своей земли после его похода. Они остались жить и опять строили, и вот эти

стены тоже, наверное, строили армяне, – ведь они жили здесь тогда. Только тогда ваш город назывался Амид. Армяне пережили и нашествие персов, и арабов, и сельджуков, и отоманов. И жили здесь до 1915 года. Да вот, мать нашей Анаит родилась здесь...

Анаит не хотела переводить эти слова, но Сулейман уловил по-английски "... mother was born in Diyarbakir".

– Ваша мать родилась здесь? – удивлённо спросил он у Анаит.

Когда Сулейман выслушал краткую историю депортации армян из этого города в 1915 году, он судорожно проглотил слюну.

– Здесь сейчас нет места и нам, туркам. Курды угрожают нам и даже убивают нас. Они считают себя хозяевами этой земли. Может быть, если бы здесь жил ещё кто-то, армяне, как вы утверждаете, они так не говорили бы.

Попрощавшись, он поцеловал Анаит и Джессике руки, как истинный джентльмен, поблагодарил за сведения, весьма ценные для него, профессионала, пожелал удачных съёмок и застенчиво попросил прислать ему видеокассету с фильмом, разумеется, он оплатит все расходы. Джессика с Питом добродушно закивали головами и взяли его адрес.

Таких встреч было много и в Малатии, и на средиземноморском побережье, где они снимали фильм о Киликии – последнем суверенном государстве армян, и в Эрзеруме, Муше. Путешествие протекало без происшествий, гладко, как и было предсказано Анаит в её вещем сне. И оно подходило к концу. Вот они уже в Ване, городе-легенде на озере Ван. На лодке они отплыли к острову Ахтамар. Именно с этим островом связана романтическая легенда о тайной любви девушки Тамар и пловца, который плыл к ней ночью на свет костра-маяка. Они снимали современный Ван, сегодня – провинциальный маленький городок, его жителей, которые понятия не имели, что когда-то Ван был столицей одного из древнейших государств мира – Урарту. Тогда у него было другое название – Тушпа. Близость к русской границе помогла спастись ванцам от резни. Здесь кое-что об армянах знали. У многих курдов были дальние родственники в Армении, которые, также спасаясь от резни, бежали туда к армянам, чтобы сохранить свою собственную древнюю религию – езидство.

Вот и пограничный город – Карс, Анаит облегчённо вздохнула, когда они пересекли турецко-армянскую границу.

Проезжая мимо одной из деревень по трассе, ведущей в Ереван, они вдруг увидели два больших "Икаруса". Рядом с ними стояли по-домашнему одетые женщины и дети с заплаканными глазами. Пит сразу же остановил машину, и взяв видеокамеру, они подошли к странным пассажирам. Это были мирные жители из Карабаха. Правительство Азербайджана знало только один способ решения проблемы Карабаха – это резня мирного армянского населения. Нет населения – нет проблемы. Но на этот раз проверенная практикой турецкая тактика дала осечку. Мужчины не дали зарезать ни себя, ни свои семьи.

– Нам ни сантиметра, ни грамма чужого не нужно, – говорила в камеру молодая женщина по имени Карина, – мы только хотим мирно жить на своей земле. Они на бронетехнике хотели ворваться в нашу деревню рано утром, но часовые предупредили нас, и наши мужчины встретили их танки гранатами, дав нам возможность убежать с детьми. Мы сейчас не знаем, как они там, живы, убиты, в плену....

– Лучше плакать, провожая сына с оружием на войну, чем плакать, видя, как изуверы насилуют твою дочь у тебя на глазах, – плакала рядом её свекровь.

У Анаит потемнело в глазах. Она сразу материнским сердцем почувствовала, где может быть сейчас её сын Армен. Войдя в квартиру и увидев бледное, поникшее лицо невестки, она автоматически спросила:

– Как вы тут?

– Армен ушёл на войну, – отрешённо сказала она, – две недели назад. Папа просил его дожидаться Вас, но он не послушал. Пока никаких вестей нет.

– Он вернётся, вернётся победителем, – с неожиданной уверенностью вдруг сказала Анаит. – Талисман. Он будет хранить его.

Невестка со страхом посмотрела на неё, подумав, что у свекрови помутился от потрясения рассудок.

Анаит бросилась к своим чемоданам и вытащила нож Хуссена-Исо. Она показала нож невестке, та от изумления открыла рот:

– Какое чудо! А рукоятка из золота?

– Да. Это – нож и талисман моего отца. Он подарил его своему внуку. И Армен вернётся, обязательно вернётся.

Она поднесла нож к губам и поцеловала его, и сразу почувствовала отдачу. Тут же по нервам, с головы до кончиков ног, по телу распространилась сила. Сила, которой должна обладать женщина, чтобы дожидаться сына с войны.

ГЕТАШЕН – ОБРАТНОЙ ДОРОГИ НЕТ

Был такой фильм про Великую Отечественную войну «Обратной дороги нет». Маленький Самвел из Геташена любил этот фильм больше всех других. Больше даже, чем про танкистов и собаку, больше, чем про Штирлица. Сердце мальчика, потом юноши, а затем уже парня – всегда сжималось, когда видел он Майора, в исполнении одного из лучших актёров советского кино Олялина, создавшего, возможно, самый трагичный и сильный образ Мужчины на войне. Предчувствие сдавливало Самвелу дыхание, когда видел он кадры этого, так незаметно всегда проходившего на экранах, замечательного фильма – едут на телеге старик в ушанке и Майор. И старик говорит, что, мол, с он-то с Майором своё отжили, а вот молодёжь жалко. И виновато вздыхает, когда в ответ на вопрос, сколько ему лет, Майор отвечает:

– Двадцать девять.

Весной 1991 года, когда автохтонное армянское население Геташена и Шаумяна было подвергнуто этнической чистке в результате проведения операции «Кольцо», Самвелу было двадцать семь. Мануш, его молодая жена, как раз пеленала их сына, когда деревенскую утреннюю тишину взорвал истошный женский крик. Тут же в угол их дома попал снаряд, и Мануш со стоном рухнула на колени. Самвел подбежал к жене, в спину ей попал осколок снаряда, смерть была мгновенной.

Самвел так и сидел на полу с мёртвой Мануш, не слыша ни плача своего ребёнка, ни плача чужих детей и женщин. Он оставался неподвижен, когда вдруг рядом с кроваткой сына появились двое солдат.

– Что с малым-то делать? Родителей убило, видно. Давай я догоню женщин, отдам его им.

– Да, нет, вроде, дед живой. Смотри, живой.

К Самвелу начало возвращаться сознание, когда один из солдат приблизил ему плачущего сына в пелёнках:

– Беги, дед, беги, дочку не воротишь, а вот малого спасти надо. Сейчас сюда звери придут. Давай, торопись, дед, уходи.

Другой солдат оттащил труп Мануш и рывком поднял Самвела на ноги. Ребёнок плакал.

– Вон, смотри, бутылка с соской.

Самвел заметил слёзы в глазах одного, который поднёс соску ребёнку.

– Приказ у нас, понимаешь...

«Какая дочка?» – промелькнуло у Самвела в голове. Впрочем, какое это имело значение.

Вот так, шагая метр за метром прочь от земли предков, он до-гнал, наконец, группу односельчан, преданных и брошенных верховной властью на произвол судьбы. Не в первый, впрочем, раз.

В течение двух часов, в конце XX века, в век покорения космоса и всеобщей компьютеризации, был положен конец тысячелетней истории его края, – без шума, без возмущения «цивилизованной» западной общественности и протестов защитников прав человека. И только вертолёты, присланные из Еревана, говорили этим несчастным, что есть маленькая, оболганная Мать-Армения, которая, истекая кровью после землетрясения, погромов армян в Сумгаите, Баку, Кировабаде, из последних сил, делала всё возможное для спасения своих детей, теперь уже из Геташена и Шаумяна.

Самвел не сел в вертолёт. Он отдал сына своей родственнице:

– Мануш убили снарядом. Я должен вернуться и похоронить её. И ещё должен заплатить долг своей земле, я должен ей двадцать два врага.

Мануш было двадцать два года.

После двадцати двух зарубок на своём автомате, Самвел перестал вести счёт убитым врагам. Он молился каждый день и благодарил Бога за каждый прожитый день и возможность отомстить

уже за других, за осквернённые могилы своих предков, за убитых друзей, – целой жизни не хватит армянину, чтобы вернуть все долги врагу, наверное, не перешедшим бы грань человечности в Сумгаите, Баку, Кировабаде, Агдаме, Шеки, если бы не равнодушие и прямое потворство «сильных мира сего», которое, естественно, вызвало ощущение безнаказанности. Но, что прощали в департаментах и апартаментах, то не прощали в выжженных и разграбленных армянских домах.

Самвелу, уроженцу здешних мест, способного с закрытыми глазами пройти по любой тропке, спрятаться в родной земле так, что враги, проходя рядом, его не замечали, – доверяли самые опасные рейды в тыл противника, его люди были неуловимы, удары всегда неожиданны. Интересно, как распространяется информация в условиях войны. «Тени из Геташена» боялись как огня, безошибочно угадывая его почерк на горле снятых часовых и оставленных «подарках».

Ну а когда, группа «Тени» неожиданно вышла на физиулинском направлении карабахского фронта в тыл отряду афганских наёмников, в результате чего больше половины их осталось в такой далёкой от их родины армянской земле, так и не получив обещанных манатов, а остальные сидели уже ниже травы и тише воды, дожидаясь решения своей участи в степанакертской тюрьме, с Самвелом захотел увидеться сам командующий.

– Ну вот, отец, а говорят, молодые должны воевать. Мой отец рвался сюда, мы его на смех подняли, старик, да ты пройти сто метров не сможешь. Вот теперь позову его сюда, к тебе под командование.

– А сколько лет Вашему отцу, товарищ генерал?

– Шестьдесят. А сколько тебе, отец?

– Двадцать девять.

Командующий молча обнял Самвела.

– Есть семья? – глухо спросил он, просто чтобы что-то спросить.

– Сын, – немного удивлённо ответил Самвел, и вдруг его прорвало, – мне в Ереван надо, товарищ генерал. Больше двух лет сына не видел.

«Есть, есть обратная дорога, Майор», – разговаривал Самвел со своим единственным другом из детства, сбывая бороду, подстригая седые космы, подрезая ногти. Обратно к мирной жизни, где спят на простынях, едят с семьёй за столом, ходят с сыном на прогулку в парк. У Самвела зануло сердце, когда он увидел свой любимый Ереван, неухоженный, с заколоченными магазинами и редкими автомобилями, со стихийными нищими базарами на улицах, где отчаявшиеся люди пытались продать что-либо из дома, но всё равно живой, красивый, смеющийся, побеждающий Ереван.

Самвел провёл целый день в визитах по родственникам и односельчанам, переходя из одного дома в другой, пока, наконец, нашёл следы родственницы, которой отдал сына. Она выехала с семьёй из Армении, а его сына согласилась приютить у себя семья геташенцев, которая потеряла своего сына на войне. Дали телефон, он позвонил:

– Здравствуйте, я – Самвел, отец Алёши.

В трубке послышался всхлип, потом сдавленный женский голос назвал адрес.

Он вдруг с ужасом подумал, что не узнает сына, если ему на него не укажут. А потом в голове молнией пронеслась мысль, от которой у него остановилось дыхание. А что будет дальше, после того, как он встретится с сыном? Куда он его заберёт? У него нет ни дома, ни жены рядом, которая плохо ли, хорошо ли, заботилась бы о семье. У него есть только место на Войне, и больше ничего.

Особенность землячества, где все друга знают, где благодаря «деревенской почте» все в курсе всегда друг о друге. Самвел знал эту семью, которая обосновалась в Ереване давно. Павел, глава семьи, был директором швейного цеха, а его жена Гоар, преподавала в институте. Их восемнадцатилетний сын погиб в Карабахе за неделю до появления вертолётчиков с геташенцами в Ереване.

Дверь Самвелу открыл Павел, они прошли в гостиную.

– Самвел-джан, – Павел поморщился, поглаживая сердце, – Алёша меня называет папой, а Гоар – мамой. Нужно время, чтобы подготовить ребёнка... Я прошу тебя, он очень маленький...

– Да, я понимаю, – глухо ответил Самвел.

Через минуту из соседней комнаты вышла Гоар с ребёнком на руках и опустила перед Самвелом:

– Вот, Алёшенька, это дядя Самвел, наш друг.

Ребёнок с радостным смехом подбежал к Самвелу и, взобравшись к нему на колени, крепко обнял.

– Какой ласковый ребёнок, – Самвел кашлем попытался остановить вырывающиеся из груди рыдания, – он со всеми такой?

– Нет, – тихо ответила Гоар, – он даже меня так не обнимает.

Всё было, как в нормальной семье – обед за столом, прогулка с сыном, ночь, проведённая у мирно спящего ребёнка, находящегося в полной безопасности. Только натянутость от молчаливого ожидания, это рвущееся из глаз Гоар «не отдам» напоминало Самвелу о том, что всё это – не его.

Вечером следующего дня, когда Алёша уснул, состоялся разговор, которого ни он, ни Павел с Гоар избежать не могли.

– Что ты собираешься делать, Самвел? – спросил его Павел.

– Я должен вернуться на Войну.

– Тогда Алёша останется у нас, – выпалила Гоар.

– Я и так в неоплатном долгу перед вами. Вы вынянчили моего сына с пелёнок, научили ходить, говорить...

– Он может жить у нас всегда, – закричала Гоар, – Да, да, – отмахиваясь от пытающегося заткнуть ей рот мужа, – всегда. Даже если ты останешься жив после Войны, женишься, Алёша будет пасынком у твоей жены. Несчастливым, понимаешь... А я ему – мать. Ему у нас очень хорошо, ты никогда не сможешь создать ему таких условий...

Павел с трудом вытолкнул Гоар в соседнюю комнату, запер дверь, из-за которой донёсся женский плач.

– Самвел-джан, забудь, всё, что сказала эта несчастная. Она и в живых осталась после смерти нашего сына только благодаря Алёше. Но Алёша – твой сын, и я не позволю ей помешать тебе забрать сына, когда только пожелаешь. Если ты на самом деле собираешься вернуться на Войну, Алёше лучше остаться у нас до твоего возвращения. Ну а если, захочешь забрать прямо сейчас – воля твоя.

– Я должен подумать, – ответил Самвел, закрыв лицо ладонями.

Утром он сказал Павлу и Гоар, что хотел бы оформить официально их опеку над его сыном.

– Возможно, для меня нет обратной дороги с Войны – ни в родной Геташен, ни к любимой Мануш, ни в мирную жизнь. Если мой мальчик стал так дорог вам, я буду спокоен за него.

– Нет обратной дороги, значит, надо найти другую, – Гоар с плачем обняла Самвела. – Найдётся другая дорога. Есть к кому, и есть куда. Должна быть такая дорога, Самвел-джан, должна быть... Ты только возвращайся...

«ЭТО – НЕ МОЙ СЫН...»

Шамирам сидела в холле «лягушатника», куда водила своего шестилетнего сына учиться плавать, за приятной беседой со своей новой приятельницей, мамой такого же шестилетнего мальчика. Это было для них не просто способом скоротать время, а совершенно принципиальный поворот к цивилизованной жизни после долгих мрачных лет без электричества, а значит, и без телевизора, без тепла, без воды, когда говорить, кроме как о талонах на гуманитарную помощь и очередях, было не о чем, а, вообще-то, и не хотелось. Особенно тягостно было оказаться тогда зимним вечером на совершенно пустых тёмных улицах когда-то шумного и наполненного ночными огнями города. Тёмные громады домов, откуда не пробивался ни один лучик света, напоминали фильмы о второй мировой войне. Впрочем, шла война, не уступающая той по жестокости. Тем более, приятно было сейчас осознавать себя победительницей вместе со своим народом, потому была там, где был собственный народ, потому что разделяла с ним все трудности, потому что именно в эти страшные годы подарила жизнь двум детям, сыну и дочке, что расценивалось обществом как подвиг, равнозначный воинскому.

И сейчас, когда жизнь начала возвращаться в нормальное русло, во многие семьи вернулись смех и благосостояние, но, к сожалению, не во все. Здесь, в холле бассейна сидели женщины, которые могли себе позволить оплатить занятия плаванием для своих детей. Поэтому появление седой женщины в изношенных, похожих на мужские, туфлях и несурзном свитере вызвало негативную реакцию у постоянных клиенток, которая проявлялась в высокомерных взглядах и демонстративном игнорировании. Тут же выяснилось, что приводимый ею ребёнок –

«бесплатник», что дало повод посплетничать насчёт «пройдох», так, чтобы это дошло до её ушей. Она сидела в самом конце холле и вязала, ни на кого не глядя, и, казалось, не слыша.

Шамирам со своей подружкой обсуждали новый номер «Бурды», когда та вдруг спросила:

– Ты случайно не знакома с этой старушенцией? Она как-будто тебя знает, постоянно скидывает на тебя взгляд.

– Нет. Первый раз вижу.

Шамирам посмотрела на женщину и встретилась с ней взглядом, который та быстро отвела.

Что-то знакомое было в этих глазах, но припомнить удалось не сразу.

– Знаешь, я, кажется, её узнала. Мы вместе лежали в роддоме, в обсервации. У меня была анемия, а у неё ребёнок был в очень тяжёлом состоянии.

– Ты что-то пугаешь, Шами. В шестьдесят лет не рожают.

– Она на год младше меня.

– Этого не может быть. Даже, учитывая, что ты на десять лет выглядишь моложе своего возраста, она тебе годится даже не в матери, – в бабушки.

– У меня фотографическая память.

– Прошло много лет, у тебя тогда всё время была высокая температура, анемия – вещь серьёзная, ты не могла так хорошо запомнить. Вот, лучше посмотри на это платье – какая элегантность. И фасон простой, запросто можно будет сшить. Будет в чём тебе встретить мужа из Нидерландов. Надо быть в форме, чтобы не дай бог, европейки не показались лучше нас.

Муж Шамирам вскоре должен был вернуться из длительной служебной командировки, и она жила ожиданием встречи с ним, страдая от разлуки, но и гордясь в то же время его успехами. Впрочем, в бытовом плане ей было не трудно, она жила со своими родителями, которые практически делали всю домашнюю работу и помогали ей во всём. Поэтому у неё было время для себя, для шейпинга, её фигуре завидовали восемнадцатилетние девушки, а незнакомые люди пугали её со старшеклассницами.

Вечером, дома, она отчётливо всё вспомнила и была абсолют-но уверена, что седая женщина в бассейне была Занэ. У Шамирам и Занэ в один и тот же день родились мальчики, потом их одновременно перевели в обсервацию. Улыбчивое и энергичное лицо Занэ, заметно выделялось среди потухших и бледных лиц. Для радости причин было мало, здесь либо сами женщины были тяжёло больными, либо новорожденные, у многих мужа были на фронте, от мыслей, что всех ждёт завтра и как и на что растить детей в ледяных квартирах, – раскалывалась голова. Занэ ходила по палатам, подсаживалась на кровати, смешила всех фронтовыми байками – она была медсестрой на фронте и участвовала в боевых действиях – и между делом с удовольствием угощалась. В больницах не кормили, и пациенты ели то, что приносили родственники. К Занэ никто не приходил. Она всем рассказывала о своём муже, полковнике, за которым поехала на войну, и который её очень любит. Но всем было ясно, никакого мужа у неё нет, и её ребёнок – незаконнорожденный. Многие на неё косились. Но Ша-ми-рам, у которой муж имел «броню», считая себя в долгу перед теми, кто не на словах, а на деле проливает кровь на войне, защищая интересы своей родины, поддерживала дружеские отношения с неунывающей Занэ, в глубине души восхищаясь её стойкостью и понимая, что за задорным смехом кроется женская несложившаяся судьба.

И однажды, когда Занэ пришла к ней в палату и рассказывала какой-то грубый солдатский анекдот, явно игнорируя смущённые и раздражённые взгляды, вошла медсестра с заплаканными глазами. Девушка, работавшая вместе с ними здесь до того, как уйти добровольно на войну, погибла.

– Видно, порядочная была девушка, поэтому и погибла. А то некоторые «сестрички» едут только для того, чтобы детей делать с чужими мужиками на дне окопов, где их пуля ни за что не достанет, – зло сказала одна из пациенток, не сводя с Занэ испепеляюще-презрительного взгляда. Две другие засмеялись. Шамирам сжала руку Занэ, но та вскочила на ноги, как распрямившаяся пружина.

– На дне окопа? А ты хоть одну минуту там была? А ты видела какие они выходят из боя?!

А вы знаете, как они плачут от боли, раненные. А вы видели, как они смеются, когда снаряд попадает в друга, сидящего рядом с тобой и говорившего с тобой полсекунды назад, а сейчас превратившегося в кровавое месиво. И ты делаешь всё – для них для всех! Вылизываешь им раны, чтобы сохранить им жизнь! Отдаёшь всё, что они просят, чтобы они не сошли с ума! Причём, прекрасно понимая, что ни от кого не дождёшься даже простого «спасибо». Меня даже мой собственный отец не имеет право осуждать, а уж тем более такая крыса, как ты! Сама, небось, не

вылезала с митингов, ночевала на площади у костра – «борьба, борьба до конца». Все вы Жанны д'Арк горланить и митинговать! А как кровь проливать в «борьбе до конца» – так сразу в крыс превращаетесь!

Занэ ушла. Все сидели подавленные. Шамирам пробрал озноб в прямом и переносном смысле – у неё резко подскочила тем-пература, и как сквозь туман до неё дошли чьи-то всхлипывания.

На следующий день Занэ выписали. Медсестры, принеся детей, смеясь, стали рассказывать, как Занэ, которую никто не встретил, одна с ребёнком, спеленатым в больничное бельё, пешком пошла к метро. Но, наткнувшись на хмурые взгляды, быстро замолчали.

События шестилетней давности разволновали Шамирам. Но, с другой стороны, ей приятно было вновь увидеть Занэ живой и здоровой, увидеть её сына, красивого мальчика, улыбчивого, совсем как его мать когда-то. На следующий день, придя в бассейн, она подседа к Занэ:

– Здравствуй, Занэ. Помнишь, мы вместе лежали в роддоме. Наши мальчики даже родились в один день, если я не ошибаюсь.

Занэ посмотрела на Шамирам взглядом раненого животного:

– Я не знаю, когда родился мой мальчик. Это – не мой сын. Я его не ро-жала. Я его нашла на фронте и усыновила. Он знает, что я – приёмная мать.

Шамирам почувствовала, как холодный пот заструился по позвоночнику. Горло как-будто обхватили ледяной рукой и сдавили, она вдруг заметила, что в холле стоит тишина и все внимательно их слушают.

– Да-да, конечно. Он был тогда очень плох, поэтому вас и привезли к нам. Но сейчас он такой сильный и красивый мальчик.

– Спасибо.

Занэ сложила вязание в сумку, встала и пошла через холл в раздевалку, сквозь строй насмешливых взглядов и кривых ухмылок благополучных дам – гримасы благодарной Родины за отстоянную на войне честь, за спасённые жизни своих сыновей, за рождение ещё одного сына, который в будущем для своей страны ста-нет опорой и защитой.

Шамирам посмотрела прямо перед собой и увидела в зеркале, висевшим напротив, своё отражение. И в ужасе закрыла глаза. Ей показалось, что десять лет, – на которые она выглядит моложе, – она украла у Занэ.

БЕЖЕНСКИЙ КРУГ

– Ой, Виля, какие ещё плюсы! Плюсы так вдруг превращаются в минусы, – так что никогда на плюсы и минусы не раскладывай. И самое правильное – выходить замуж за первого, кто посватался, а не разбираться где плюсы и минусы. Потом или с калькулятором дома останешься, или с одними минусами. Вот, возьмём, например, меня, – Лиля сделала глубокий вдох, набрав в лёгкие побольше воздуха.

В группе, набранной по Программе Помощи Беженцам, согласно которой на довольно крупные гранты организовывались курсы по переквалификации, был всего один мужчина и он опрометью убежал во время большого перерыва, давая возможность женскому коллективу вдоволь посудачить на «вечные темы». Виле было восемнадцать, и именно поэтому она не стеснялась поднимать вопросы брака. В коллективе были всего три замужние женщины, но признанным экспертом была Лиля.

– Когда я выходила замуж, я сама себе завидовала. Сплошные плюсы были – ну, по моим критериям, конечно. Во-первых, была отдельная квартира, – Лиля загнула правой рукой мизинец на левой руке. – Во-вторых, он – умный. Я всегда мечтала, чтобы муж был очень умный и интеллигентный, в-третьих, он – некрасивый. Аллен Делон – всегда чужой, особенно, если деньги зарабатывает.

Лиля разогнула три согнутых пальца и широко взмахнула руками.

– И что осталось сейчас от этих плюсов? Ничего! Квартира в Баку с шикарным ремонтом пропала, свекровина квартиры тоже пропала. Живём все впятером в одной комнате в общежитии. Ни мебели не вывезли, ни ... В общем, всё пропало. Плюс превратился в минус. Теперь, то что – умный. Тут своих умников не знают куда девать. Пробовал в университет устроиться, в Политех, –

езде отказали. Без работы сейчас. Второй плюс стал минусом, уж лучше тупой был, шоферил или на стройке работал – деньги зарабатывал.

– Ну ведь третий плюс – то что некрасивый, должен остаться, – возразила Виля.

– Ну какой это плюс, если без работы сидит и денег не зарабатывает. Он и так никому не нужен! Третий плюс стал минусом. – Лиля рассмеялась первая.

– Хорошо было бы, если бы нас трудоустроивали после этих курсов, – тихо сказала Марита, когда стих общий смех. – Самим тут, без связей, знакомых устроиться практически нет шансов. Что толку от этих курсов, если не применять выученное на практике! Через неделю всё забудем.

– Ну ещё трудоустроить нас! Их принцип – научить нас мастерить удочки, чтобы потом самим ловить рыбу, а не ждать, когда нас придут и накормят. Это было на втором этапе, когда просто раздавали «рыбу», – чечевицу и муку. А сейчас уже мы подошли к третьему этапу, – с горечью произнесла Римма.

– А что было на первом этапе? – спросила Виля, не подозревая, какую бурю эмоций она вызывает этим.

– А на первом этапе разрушили наши дома и «неполноценную» жизнь в недемократическом тоталитарном государстве. Им бы такое! – в глазах Риммы блеснула ненависть.

– Кому война, кому мать родна. Кто-то теряет всё, как мы, а кто-то на этом всё выиграл, – философски заметила Лиля.

– Многие из наших, кто пошустрее и поциничней, тоже выиграли. Моя родная сестра, например, с мужем одними из первых уехали в Штаты. Мы об этом узнали, когда они с чемоданами уехали в аэропорт, буквально на пороге открыли нам «страшную тайну». Даже матери, ни моей, ни его, ничего не сказали. Боялись, наверное, что вместо них мы поедим, – жёстко заметила Ануш.

Её шутя, называли «тройной армянкой», потому, что у неё у единственной были национальными не только фамилия, но и имя и отчество. Обычно Ануш очень нейтрально говорила о своих заокеанских родственниках, но сегодня стало понятно, что всё было не так просто.

– Like to like, – улыбнулась Римма, которая не упускала случая потренироваться в английском, кстати, весьма неплохом, как и у многих в группе, – почти у всех за плечами были престижные ВУЗы.

– А я вовсе не считаю, что те, кто уехали – выиграли, и уехали, потому что пошустрее были. Насчёт цинизма согласна, – хохотушка Лиля могла и умела говорить серьёзно. – Знаете, девочки, вы, наверное, будете смеяться, но когда я слышу Карс, Ван – мои корни оттуда, у меня так сжимается сердце. И хочется плакать. Плохо ли, хорошо ли, но наши предки жили здесь, передав нам эту землю и язык. Я всегда чувствовала эту связь с прошлым и неважно, что я говорю на армянском с акцентом. Я думаю и чувствую как армянка и поэтому живу в гармонии с самой собой, на своей земле, со своим мужем и детьми. Дети – армянами. И эту связь с землёй и корнями я не оборвала, и не променяю ни на какие побрякушки.

Она окинула взглядом собеседниц, и увидев в их глазах одобрение, продолжила.

– Те, кто уехали как беженцы в Штаты, потому что там сытнее – чужие и в Штатах, и здесь. Сегодня в Штатах сытнее, а завтра там хаос – не дай Бог, конечно, никому не желаю того, что пережили мы. Но, вы же видите, что творится. И они – «ненастоящие американцы», потому что никогда не смогут полюбить эту землю так, чтобы не пожалеть жизни за неё, тут же смоются оттуда и как перекасти-поле двинут в Мозамбик, если в Мозамбике окажется чуть-чуть сытнее. Или вспомнят про свои армянские корни, которые они предали за кусок синтетической колбаски. И, возможно, здесь для них места не найдётся. И, возможно, я, например, не захочу подвинуться, чтобы дать им место.

– Я тоже так думала, – тихо сказала Марита. – Но когда нет работы, вернее, для тебя нет работы, и тебя как будто заключили в беженский круг, который всё сужается и вот-вот задушит тебя, начинаешь сомневаться в правильности выбора. Моя мама даже из Баку не хотела уезжать, потом когда ... наш сосед.... он отвёл ...

Марита приехала в Ереван в девяностом, на пароме. Погромы она с матерью отсидели в подвалах, – рассказывая об этом, Марита так начинала заикаться и путаться в мыслях, что её сразу деликатно перебивали и переводили разговор на другую тему.

– Ну сегодня нет работы, а завтра она обязательно найдётся. Рано или поздно мы все устроимся. Ереван так изменился, везде строительство, офисы новые, – быстро отреагировала Ануш. – У меня одна знакомая, она вот устроилась уборщицей в одну программистскую фирму, а

потом когда все её узнали, про её университетский диплом, как только представилась возможность, перевели в отдел кадров.

– Ну это надо, чтобы повезло.

Все, как по команде, посмотрели в сторону места Леры, пустующего сейчас.

Леру можно было бы назвать «положительным примером интеграции и натурализации»: у неё была собственная благоустроенная квартира в центре, муж, дети, работа. Может быть – просто по-везло, а может – характер. Она для всех была реализованной сказкой, ею немного даже восхищались, как восхищаются Золушкой, ставшей принцессой, надеясь на её примере, что рано или поздно и на их улицу придёт праздник.

Сегодня Лера явно искала одиночества. Марита, которая иногда подолгу смотрела на Леру по-детски широко распахнутыми глазами, словно вбирая в себя флюиды уверенности и успешности, исходившие от неё, почувствовала, что у Леры не всё в порядке. На следующей перемене она подошла к ней:

– У тебя что-то случилось? Надеюсь, ничего непоправимого, если ты всё же пришла на занятия?

– Так, семейные проблемы, – очень вежливый тон Леры говорил о нежелании продолжить разговор на эту тему, а севший голос и предательская влага в глазах выдавали крайнее потрясение.

Марита встала, чтобы уйти, не желая навязываться, и уже стоя, сказала:

– У тебя ведь есть свой собственный угол, из которого тебя никто и ни при каких обстоятельствах не выгонит?

– Да, – удивлённо вскинула на неё глаза Лера.

– И деньги на хлеб на два дня вперёд?

– Да.

– Тогда все остальные неприятности можно либо перетерпеть, либо справиться с ними.

Мягкий, полный искреннего сочувствия, тон исключал даже лёгкий намёк на какое-либо подобие упрёка человека, у которого нет ничего, человеку, у которого есть всё. Леру окатила теплота чужой души, души такой силы, что не зачерствела и не почернела от постоянных лишений, невзгод и невезения.

И это тепло, идущее от таких простых и мудрых слов, словно облучили Леру флюидами добра, высушив влагу в глазах и вызвав улыбку облегчения на её бледном лице.

– А знаешь, Марита, ты права.

Действие, вызванное словами Мариты, было молниеносным и на неё опять смотрела уверенная и сильная Лера.

– А как у тебя дела, Марита? Присядь, поговорим.

– У меня всё нормально, – улыбнулась в ответ Марита.

Она села напротив, завязался разговор. Вроде, обычный разговор, но, слово за слово, слово за слово, строился невидимый мостик, – мостик, выводящий за пределы «беженского круга».

УРОК ДЕМОКРАТИИ

Что нужно беженцам в первую очередь – конечно же, лекции о демократии и правах человека. Сегодняшние властители мира, переделывая и разделявая его так и эдак, перемалывая без сожаления в кровавой мясорубке своих геополитических интересов сотни тысяч человеческих судеб, знали что сказать таким сломанным судьбам – для того, чтобы наш народ жил богато и красиво, вы должны лишаться домов, убивать друг друга и уничтожать свою экономику в локальных войнах, живя на наши бюджетобразующие гранты, – в этом и заключалась суть лекций по демократии и правам человека.

Когда активистка-общественница, обеспечивая «явку», прошла по комнатам общежития, где компактно проживали беженцы, в коридоре образовался маленький стихийный митинг. Подавляющее большинство склонялось к бойкоту лекции и лектора, на чьи командировочные могло прожить целый месяц всё общежитие. Но были и такие, под предводительством Аси, которые призывали пойти на лекцию и сорвать её, высказав американцу в лицо всё, что они об этом думают.

– Тогда, в 1990-ом, эти американские «учителя демократии» и прав человека ослепли и оглохли, и прямо во время погромов в Баку пожимали руки убийцам, подписывая блефовый нефтяной контракт, – Ася задыхалась от слёз и волнения.

В январе 1990 Асе было восемнадцать лет. Её семья оказала сопротивление «демократ-патриотам» из Народного фронта Азербайджана. Ася с матерью выливали кипяток из окна на пытавшихся залезть от соседей бандитов, а когда брат с отцом ножом и топором встретили взломавших дверь подонков, она сама выбросилась с девятого этажа.

Её спасли русские солдаты, как раз в этот момент подъехавшие к их подъезду. Офицер за доли секунды снял шинель и её поймали в этот импровизированный батут. Ася даже не потеряла сознания. Она не потеряла сознания, когда вместе с солдатами поднялась в их квартиру, и под грудой окровавленных тел бандитов – возмездие приходит ко всем рано или поздно, – этих подонков смерть нашла прямо в момент совершения преступления – опознала трупы отца и матери, тело исколотого, но оставшегося в живых брата. Он выжил благодаря самоотверженной заботе сестры в госпитале, перенесла сложнейшие операции. Сейчас он был женат, стал отцом двоих детей. Ася замуж не вышла, жила с семьёй брата, помогая им материально, – она работала администратором в итальянской гостинице.

– С живых людей в центре города сдирали кожу и сжигали на кострах среди бела дня, – и ни одного доклада ни в Сенате, ни в Кон-грессе, ни в Европарламенте. Ни одного сукиного сына журналиста из свободолюбивого Запада на месте этнических чисток в Геташене и Шаумяне, – слёзы в глазах Аси высохли, в них блесте-ла неприкрытая ненависть. – Вот она, демократия по-американски!!! Западные ценности! Мы на своей шкуре увидели их истинное лицо – лживое, лицемерное и преступное! И продажное, к тому же. А сколько шума, и главное, вранья, когда дело касается России!

– Американцы хотели разрушить Советский Союз, и они разрушили его, – мрачно добавила Света, – не всё было хорошо, пра-вильно у нас в стране, но за импортным ширпотребом и оплаченными диссидентскими истериками мы в упор не видели как рубят сук, на котором мы сидим.

– А вот вчера вы видели фильм Би-би-си? Честное слово, меня чуть удар не хватил, когда увидел, как лыбились эти цру-шни-ки, рассказывая как они всё это планировали и блестяще претворили в жизнь. Так же, как советники византийского Василевса разрабатывали и претворяли в жизнь планы по разрушению христианских государств Малой Азии и Балкан, подыгрывая туркам. И допретворялись до того, что Константинополь стал Истамбулом. Интересно, кто-нибудь из этих смеющихся цру-шников задумывался о судьбе Византии и напрашивающейся аналогии? – дядя Рубен был немного философом.

– А вот давайте завтра спросим про Византию у Джорджа, – с дрожащей улыбкой произнесла активистка, – давайте, все пойдём и спросим это у него самого.

Неожиданно для активистки мысль понравилась, люди стали живо её обсуждать, решая, кто и что спросит. Активистка облегчённо вздохнула, что от неё требовалось – она выполнила.

Явка была стопроцентной. Джордж, пожилой толстый американец, с открытым лицом викинга, явился без опоздания и, ши-роко улыбаясь, начал с того, что он сам немного беженец, потому что его родители эмигрировали в США из Мюнхена. Не успела переводчица затарахтеть про демократические ценности, как Ася поднялась с места и резко спросила:

– Сегодня американцы бомбили Белград. Мы хотим знать: бомбардировки – это демократическая ценность?

Переводчица оторопела, но быстро перевела. Мгновенно наступила гробовая тишина. Джордж посмотрел прямо в глаза Асе и чётко произнёс:

– It's a shame for the USA!

– Shame for the USA! – сказал он, переведя взгляд на сидящего Рубена.

Видя, что переводчица молчит, резко произнёс в её сторону:

– Translation!

– Это – позор для США, – тихо проговорила переводчица.

– Shame! – уже тихо, опустив голову, произнёс Джордж.

Паузу прервал дядя Рубен. Он встал и сказал:

– Мы пришли сюда послушать лекцию. Джордж, просим Вас, продолжайте.

Джордж благодарно улыбнулся:

– Of course, – и лекция была продолжена.

На маленьком перерыве координатор прошла по рядам:

– Прошу, кто-нибудь, скажите несколько слов Джорджу, поблагодарите за лекцию, скажите, как это было полезно для вас, скажите, что такие лекции очень нужны.

Люди отнекивались, некоторые очень грубо, но неожиданно Ася сказала:

– Я скажу благодарственную речь от нас от всех в конце.

Она вышла и пришла к концу лекции, держа в руках какой-то листок. В конце, когда координатор обратилась к сидящим, хотел бы кто-нибудь что-нибудь сказать, Ася прошла к Джорджу:

– Джордж, в знак нашего уважения к Вам, я бы хотела прочитать стихи Гейне о Лорелее на Вашем родном, немецком, языке.

Ich weiß nicht, was soll es bedeuten,*
Daß ich so traurig bin;
Ein Märchen aus alten Zeiten,
Das kommt mir nicht aus dem Sinn.

Die Luft ist kühl, und es dunkelt,
Und ruhig fließt der Rhein;
Der Gipfel des Berges funkelt
Im Abendsonnenschein.

Die schönste Jungfrau sitzet
Dort oben wunderbar,
Ihr goldenes Geschmeide blitzet,
Sie kämmt ihr goldenes Haar.

Sie kämmt es mit goldenem Kamme
Und singt ein Lied dabei,
Das hat eine wundersamme,
Gewaltige Melodei.

Den Schiffer im kleinen Schiffe
Ergreift es mit wildem Weh;
Er schaut nicht die Felsenriffe,
Er schaut nur in die Höh.

Ich glaube, die Wellen verschlingen
Am Ende Schiffer und Kahn;
Und das hat mit ihrem Singen
die Lore-Lei getan.

* _____

ЛОРЕЛЕЙ

Не знаю, о чем я тоскую.
Покоя душе моей нет.
Забуть ни на миг не могу я
Преданье далеких лет.

Дохнуло прохладой. Темнеет.
Струится река в тишине.
Вершина горы пламенеет
Над Рейном в закатном огне.

Девушка в светлом наряде
Сидит над обрывом крутым,
И блещут, как золото, пряди

Под гребнем ее золотым.

Проводит по золоту гребнем
И песню поет она.
И власти и силы волшебной
Зовущая песня полна.

Пловец в челноке беззащитном
С тоскою глядит в вышину.
Несется он к скалам гранитным,
Но видит ее одну.

А скалы кругом все отвесней,
А волны – круче и злей.
И, верно, погубит песней
Пловца и челнок Лорелей.

Под осыпавшимся потолком и штукатуркой на стенах, немецкий Гейне с Асиным русским переводом после каждого четверостишия звучал, как торжественная ода Баха – гимн вечным и истинным ценностям. Люди слушали затаив дыхание, непроизвольно улыбаясь. А глаза Джорджа наполнились слезами, которые он не хотел скрывать.

Он закивал головой, когда Ася закончила, и поцеловал ей руку:

– Lady... dear lady, шнорк... шнорк...

– Шноракалем, – пришла на помощь ему переводчица.

– Шноракалем, – повторил Джордж.

Шноракалем – это спасибо по-армянски.

ТИШИНА!

Джон, тренер семинара по конфликтологии и миротворчеству, организованного для беженцев, по-русски знал только одно слово – «тишина». Это был молодой задорный парень с волосами цвета спелой пшеницы и добрыми голубыми глазами. Однако слово «тишина» он умел произнести громко и строго, призывая участников, иногда не в меру говорливых, к молчанию.

– Нина, тишина! – и это останавливало даже Нину, которую не смогла бы остановить и разорвавшаяся перед ней бомба.

Перед началом координатор предупредила всех участников, чтоб ни одного слова не должно звучать о политике и войне:

– Мы будем обсуждать только теорию конфликтов, никаких примеров и рассказов про Сумгаит, Баку, Карабах!

Но люди забывались и тогда координатор жёстко произносила по-армянски:

– Тишина!

Этого переводчик не переводил, но Джон всегда чувствовал этот момент недосказанности из скомканных, проглоченных слов. Он подходил к допустившему оплошность участнику и ласково спрашивал:

– Вонцес?

Произнесённые Джоном по-армянски слова «Как ты?» всегда вызывали искренний смех, разряжавший напряжение. И семинар шёл своим теоретическим путём.

На кофе-брейке Оксана, прихорашиваясь перед зеркальцем, как и полагается двойнику Джини Лолобриджида, – сходство было в самом деле потрясающим, – вдруг заметила, как Лена, деловито вытащив какие-то напечатанные листы, встала с места.

– Ленуль, это твой новый рассказ? Дай почитать.

– Нет, это распечатка из Интернета. Про события в Баку в январе 90-го. Хочу кое-кому показать.

Лицо Оксаны покрыла мертвенная бледность. Она протянула руку:

– Дай на секунду.

Оксана взяла листы:

– Интересно, Алексей – его настоящее имя?

– Ты имеешь в виду автора? Я думаю, да. Всё по-на-стоя-ще-му, и должность его в то время – офицер спецназа, и фото. Правда, красавчик?

Оксана закрыла лицо руками. До Лены донеслось как из могилы:

– Меня ведь тоже русский спас. Меня и маму. Меня тогда ... с третьего этажа выкинули... Ну, я-то ничего не помню после того, как нашу дверь взломали... Мама рассказывала. Он ворвался, когда эти говнюки хотели маму выкинуть – и раскидал их всех. Они ведь трусы такие, половина сразу сбежала, а других он просто уложил на месте. Потом спустил маму, укутал меня в одеяло и понёс на руках до машины и доставил в госпиталь. Я там провела несколько месяцев. Он и документы потом принёс из нашей квартиры и некоторые вещи, которые соседи сохранили. Мы с мамой до Еревана добрались только в мае, представляешь? И из Баку он помог нам выбраться.

Оксана убрала руки от лица. Оно было абсолютно сухим, только в больших чёрных глазах поблёскивала влага.

– У меня что-то с головой. Такие провалы в памяти. Я имя его забыла, Лена, представляешь? Не помню. И мама не помнит. То ли на "А" начинается, говорит, то на "В", – Оксана застонала, – но точно помню, что он был заместителем начальника восьмого отделения милиции. Я и лицо его забыла. Но узнаю, если будет рядом, знаешь. Почувствую сразу.

Влагу в глазах Оксаны сменил лихорадочный блеск:

– Знаешь, я однажды проснулась ночью, – увидела плохой сон про Него и сразу почувствовала, что Ему очень плохо. И со мной такая истерика случилась, головой билась об пол, молила бога, чтобы всё, что отпустил мне – здоровье, жизнь, всё взял и отдал Ему – без остатка. Меня потом мама из транса выводила, но, зато, знаешь, у Него сейчас всё хорошо. Я чувствую. Ты веришь?

– Да, – проговорила Лена.

– Ты что это, плачешь, – Оксана вдруг улыбнулась своей уверенной улыбкой, – давай сюда сумочку, найдём платок – соплю вытирать.

И уже без тени шутливости добавила:

– Пусть Они плачут по своему "харам"-ному городу, который Они сами осквернили. А за нас наши мужчины отомстили. Как надо отомстили!

– Да! Это так! – глаза у Лены заблестели уже не от слёз.

– Тебе какой кофе сделать – сладкий или горький? – спросила Оксана, встряхнув чёрными кудрями.

– Не очень сладкий.

– Ну ты тогда иди по своим делам, а я пойду кофе приготовлю.

Оксана вышла, прямая, длинноногая, в обтянутых белых брючках – по последней ереванской моде.

Лена, собрав листы, уже выходила из зала, когда ей дорогу преградил Джон:

– Лена, вонцес?

– I am fine, – она слабо улыбнулась.

– Tear, – Джон вытер слезу, оставшуюся у неё в уголке глаза, – Why?

– Тишина! – Лена в точности повторила интонацию Джона. – Тишина, Джон!

– ОК! – Джон рассмеялся. – Тишина!

И прикрыл рот ладонью. Однако полные грусти его глаза говорили, что он всё прекрасно понимает без слов. Теперь рассмеялась и Лена.

И, словно эхо, им вторил из коридора серебристый смех Оксаны.

НЕЖДАННЫЙ ДРУГ

Вартан, поздно придя домой, и даже не прикоснувшись к ожидающему его на накрытом столе ужину, открыл шкаф и стал нервно перебирать фотографии, высыпая на пол бумаги, коробочки.

– Асмик, где мой альбом с афганскими фотографиями? Только не говори, что остался в Ереване!

Асмик, сдержав от его неожиданно резкого тона уже готовый сорваться с губ упрёк, молча достала старый альбом и протянула мужу.

– Ты иди спать, Асо, – он как-то странно, порывисто, как уже давно не обнимал, прижал её к себе, – я скоро приду.

– Как прошла встреча? Иранцы были в военной форме или в восточной одежде?

Асмик и не думала уходить. Армения впервые принимала делегацию высокопоставленных иранских военных, которые и сюда приехали, на границу, где служил её муж, и ей было интересно.

– Они все были в военной форме, как моя, в фуражках, как моя, и такие же усатые, как я, – Вартан пробовал шутить, но чувствовалось, что это ему даётся с трудом, – я поем и уберу всё сам, не жди меня, иди спать.

Асмик нехотя встала, проверила как сын и дочка, – они спали сладким сном, и легла в кровать. Порывистое объятие мужа вдруг всколыхнуло массу воспоминаний.

Её радость, не сравнимую ни с одной другой, когда она ещё тогда десятиклассница, услышала, что Вартан вернулся с Афганистана – его призвали в армию со второго курса института. Просто потому, что её сосед, армянин вернулся живым оттуда, откуда многие не вернулись. Он продолжил учёбу в институте, и не успев и года поработать, ушёл на войну в Карабах.

Опять была радость, когда он вернулся, потому что и оттуда многие не вернулись. Но опять это была радость чужой за чужого. Её неприятно удивил его новый облик, его цинично-дерзкий взгляд, каким он смотрел на женщин, откровенный взгляд, направленный на неё. И когда Вартан, неожиданно подойдя к ней на улице, когда она возвращалась с работы в очень престижном банке, спросил:

– Выйдешь за меня замуж?

Асмик очень холодно и прямо ответила:

– Я не люблю тебя.

После этого она проходила мимо, не здороваясь, не давая никакой надежды. Но однажды, когда она опять возвращалась с работы, а Вартан стоял неподалёку с группой своих друзей, он вдруг наперерез бросился к ней:

– Поцелуй меня, Асмик.

Ни одна армянка, как бы она не относилась к парню, не позволит себе унижить его в глазах его товарищей. Она поцеловала его в щеку, думая, что он просто выпил, и с удивлением, а потом с отвращением, уловив незнакомый неприятно сладковатый запах, заглянула в его пустые глаза с покрасневшими белками. Но он полностью контролировал себя и, не сделав ни одного движения, очень тихо произнёс:

– Выйдешь за меня замуж?

– Нет! – так же тихо и решительно сказала она, опустив низко голову и скрыв движение губ за распушенными волосами от пристально смотрящих на них зрителей.

После этого двор не знал покоя ни днём, ни ночью от сотрясавших стены оргий в квартире Вартана. Соседи молчали, переживая за парня, прошедшего две войны, а теперь не находящего себе ни покоя, ни работы, ни места под уже мирным солнцем. Конец оргиям был положен отцом Асмик, который предложил Вартану, пока тот не найдёт достойную для себя работу, заняться честным мужским трудом: сделать ремонт в их квартире. Радость, с которой Вартан принял предложение, была воспринята отцом Асмик как нечто само собой разумеющееся, в своей мужской самоуверенности не заподозрившего неладное. О чём впоследствии незадачливый тесть ужасно сожалел, убеждая всех на своём горьком примере никогда не делать людям добро.

Престижная работа, карьера, выгодное замужество в своём привилегированном кругу для красавицы Асмик улетучились в один солнечный день, когда она увидела Вартана в собственной квартире, клеящего обои, голого по пояс. Он был весь обожжён, в страшных рубцах. Асмик стояла у стены и не могла оторвать взгляда от этого уродства. И первобытный инстинкт, сильнее даже

инстинкта самосохранения, этот женский инстинкт, диктующий ей вылизывать раны охотнику, принесшего ей еду, воину, защитившего её, заставил Асмик ответить «да», когда Вартан, бросив обои, подошёл и спросил:

– Выйдешь за меня замуж?

Он вот точно также порывисто обнял её, как сегодня вечером, и она со сладким ужасом ощутила прикосновение тех уродливых рубцов. Этот сладкий ужас и заменял ей любовь, даже после того, как она стала женой Вартана и матерью его детей.

Асмик вздохнула, отгоняя прочь воспоминания, и посмотрела на часы – было два часа ночи, а Вартан всё ещё не ложился. Она прошла в комнату: он сидел за столом, тяжёло упёршись взглядом в фотографии, и курил. Асмик подошла к нему, села рядом. Потом осторожно взяла одну фотографию. Двое улыбающихся солдат в советской форме, один из которых был Вартан, стояли обнявшись. И на двух других фото, тоже были они вместе.

– Кто это второй?

– Тофик, азербайджанец, вместе служили, – глухо ответил Вартан.

– А что это ты его вспомнил?

Вечный парадокс: то, что мужчина не скажет ни под пыткой, ни за деньги, он с лёгкостью выбалтывает женщине.

– Увидел сегодня, в составе иранской делегации. Он весь побелел, увидев меня. А потом, когда понял, что я не стану его закладывать, улучил момент, прошёл мимо и, еле-еле слышно так, сказал: «Спасибо, брат».

– «Спасибо, брат»? И ты на это купился? Думаешь, он бы тебя не заложил? И потом, он же шпионит против нас, против тебя же!

– Сейчас, когда он понял, что раскрыт, – он просто исчезнет. Я «вспомню» всё точно завтра же утром, как только их самолёт оторвётся от нашей земли.

– Завтра утром?! И останешься на всю жизнь в этом захолустье?!!

Асмик бросилась к телефону. Вартан подошёл и выхватил трубку:

– Не смей!

– Это – предательство! – бросила в лицо мужа Асмик.

Она даже не увидела, как взметнулась рука Вартана, и, ощутив ожог на лице от пощёчины, не осознала, когда он её ударил. Также в прострации она слышала его слова, просто наблюдая, как шевелятся его посиневшие губы:

– О предательстве я знаю чуть-чуть побольше тебя!!! И не за телевизором, делая маникюр, а глотая грязь с собственной кровью!!!

Он захрипел, сдерживая стон, похожий на плач и прошёл в спальню. Асмик тихо сползла по стенке на пол. Как жить после этого? Как жить – прямо сейчас собирать чемоданы, чтобы завтра же утром с детьми уехать навсегда. Она сидела на полу без движения больше часа. Потом, когда к ней вернулось ощущение реальности, первое, что она услышала, это был шум дождя. Дождь, вода, море, бушующее море – казалось подсознание толкало её этими ассоциациями куда-то. Куда-то, в далёкое детство, сказку, да, старую-старую сказку. «Хочу быть владычицей морскою», – всплыла фраза непонятно почему.

Детство, как давно это было. Сейчас она – замужняя женщина, которая вдруг поняла, что совсем не знала своего мужа.

Нет, знала. То, что ей положено было знать – только маленькую верхушку айсберга на водой. Там, наверху, она была хозяйка, княгиня, царица. Ей позволяли вить из себя верёвки, посылать выбрасывать мусор, отправлять в магазин. Но туда, вниз, в мужское царство с его законами, правилами, понятиями о чести, братстве и предательстве – ей было нельзя. Владычицей морскою, этой подводной части айсберга – НЕЛЬЗЯ!

Та глупая баба, которая этого не поняла, осталась у разбитого корыта. Асмик встала, прошла в спальню. Вартан стоял у настёжь открытого окна, голый по пояс, ловя на себя капли дождя. Асмик как будто в первый раз увидела эти следы от ожогов, в первый раз содрогнувшись от пронесшейся вдруг мысли, а ведь как это было больно, вот так гореть живым в танке. И как больно сделала она ему только что...

Асмик подошла к этой спине и положила руки Вартану на плечи:

– Прости меня...

Неуловимое движение мышц и её руки были сброшены назад.

– Прости меня, любимый, – Асмик крепко-крепко обняла его, чтобы не смог больше оторвать её от себя.

Вартан вздрогнул. Он ещё ни разу не слышал этого слова от Асмик, ни когда надел ей на палец обручальное кольцо, ни когда принимал из рук медсестры конверты с их детьми, ни когда сам говорил ей «любимая».

Он обернулся с мокрым, то ли от капель дождя, то ли от скупых мужских слёз, лицом, и, задыхаясь, сказал:

– Я должен был так поступить, понимаешь, должен...

– Ты не должен МНЕ ничего объяснять, – Асмик улыбнулась ему и поцеловала в синие подёргивающиеся губы. – Так надо и всё.

ЖЕНЩИНА РУССКОГО ЛЕЙТЕНАНТА

Кто ты – брат мой или любовник?

Я не помню и помнить не надо.

Анна Ахматова

1987...

Глава 1

Марьям вышла из московского ГУМа с чувством легкой досады и тревоги. Серый промозглый ноябрьский день обострял чувство одиночества и тяжести в сердце. “Все было бы по-другому, если бы со мной был бы Он”, – подумалось ей. Вместе зашли бы в какую-нибудь уютную кафешку, и грея руки о горячую чашечку кофе, смотрели на голые ветви деревьев сквозь окно; и рядом друг с другом совсем не было бы холодно”. Это уже стало наваждением – постоянно думать о том, что она одинока, что ее никто не любит и никогда никто не любил, и что ее жизнь так и пройдет безрадостно и уныло. Марьям овладело плаксивое настроение и чувство острой обиды на судьбу. Впрочем, она была несправедлива, судьба иногда делала и подарки. Ведь как ей повезло с соседкой по номеру в гостинице. Шустрая Света была всего на год моложе нее, но у Марьям буквально сразу же сложилось твердое убеждение, что та крепко держит судьбу за хвост...

Все началось после 25 дня рождения. “Хватит, – сказала она сама себе. – Пора жить своим умом и делать то, что считаешь нужным”. Ей очень нравилась песня Виктора Цоя про билет на самолет и пачку сигарет. А что, если в самом деле осуществить эти неясные грезы. Купить билет на самолет и пачку сигарет для шика и улететь в прекрасную неизвестность.

И вот день великого переворота настал. Придя на работу, и улучив подходящий момент, Марьям прогнала прочь малодушные сомнения и решительно подошла к своему профоргу.

– Юля, как можно куда-нибудь поехать, в Москву, например? Где можно купить путевки, как это происходит? – она чувствовала, что говорит путано и запинаясь от волнения, и это злило ее.

– Ну ты прямо как с луны свалилась! Идешь в турбюро на проспекте Ленина. Там висит список маршрутов с датами и ценами. Находишь инструктора, он тебе оформляет бумаги. Если берешь по полной стоимости наличными – вообще никаких проблем.

Юля Полякова была из той категории людей, которые знают абсолютно все.

– Если хочешь в Москву, я бы посоветовала тебе Всесоюзный маршрут номер 1 “Измайлово” на двенадцать дней. Там и номера великолепные, и питание, и экскурсии на высшем уровне, и метро рядом, и чудесный парк близко. То, что надо для медового месяца. Ты что, замуж выходишь?

Юлины глазки хитро заблестели.

– Нет, нет, что ты! – Марьям аж задохнулась, не хватало еще слухов на работе. – Просто хочу поехать в отпуск куда-нибудь. Надоело дома сидеть. Ты мне подробно объясни, пожалуйста, куда, как и что.

На следующий же день она отправилась в турбюро. Быстро все нашла и вскоре получила на руки возжеленную путевку в “Измайлово”. Марьям была слегка обескуражена легкостью, с которой ей удалось выполнить задачу, казавшейся невероятно трудной. Раньше она никогда никуда не ходила одна, даже комсомольский билет пошла получать с отцом, и жутко робела перед

закрытыми дверями учреждений. "Можно добиться всего, чего хочешь. Надо только не бояться, и действовать." – необыкновенное ликование охватило девушку, как на крыльях она поспешила в аэрокассу и, постояв с полчаса в небольшой очереди, купила билет. Оставалось самое тяжелое – разговор с родителями. Но Марьям твердо решила, что поедет, даже если ее выгонят из дома: ни силой, ни слезами ее не удержать. Легко отстукивая по асфальту каблучками модных ботиночек, она направилась к метро. Девушка чувствовала себя приглашенной на праздничный бал, и даже улицы, по которым она ходила тысячу раз, казались ей необыкновенно парадными, залитыми безмятежно-радостным, празднично-солнечным светом.

Марьям вдруг осознала, что улыбается. Однако, в ее типично восточном городе девушке надо по улицам ходить быстро, глядя себе под ноги, желательно опустив голову, а то не избежать мерзких приставаний. Наиболее головоболеприносящими были деревенские ребята. Следуя на почтительном расстоянии от понравившейся девушки, они, не говоря ни слова, провожали ее до самого дома, и днями дежурили там, продолжая следовать по пятам, до тех пор пока не вмешивались родители, родственники или соседи девушки вместе взятые. Так и есть, кто-то увязался за ней. Ну что ж, она знает как отвадить любого приставалу. Парень поравнялся с ней и неожиданно заговорил на русском с иностранным акцентом.

– Можно познакомиться с тобой, красавица?

– Нет.– очень резко сказала Марьям. – Нет и еще раз нет. Иди, куда шел.

– Ты очень красивая, у тебя такие красивые длинные волосы и стройные длинные ноги.

Обескураженная наглостью араба, Марьям остановилась. Такого не посмел бы себе позволить ни один из местных.

– Ты похожа на наших девушек. Я – из Сирии. Здесь учусь в университете. Я знаком с вашими обычаями, вы обязательно должны выходить замуж невинными. Я все понимаю. Мне достаточно было бы просто твоей чудной фигурки. Ну а потом, когда ты ко мне привыкнешь.., – он поднес палец ко рту.

Чувство омерзения и тошноты охватило Марьям. Все лицо и шея мгновенно покрылись холодным потом. Ей хотелось ответить грубыми и оскорбительными словами, но зубы буквально заклинило. Она была не в состоянии издать ни звука. Сириец продолжал:

– Я не стану делать ничего, чего тебе не захочется. Ты мне так понравилась, что я согласен даже ждать, пока ты не будешь готова. Я буду делать хорошие подарки...

К Марьям вернулся дар речи.

– Я сама могу купить тебя всего с потрохами. Пошел вон, дешевка, еще одно слово, – и я позову милицию, вылетишь и из университета, и из страны.

Круто повернувшись, она быстро зашагала прочь. Хорошего настроения как не бывало, и она себя чувствовала обляпанной дерьмом. Ее затея с поездкой в Москву начала казаться безумством. Весь вечер Марьям раздумывала, не дать ли всему обратный ход. Но прошло немного времени и она, успокоившись, решила, что все ее страхи – просто глупость. Ну и что, сделали непристойное предложение, – ведь дала же достойный отпор. Она сумеет постоять за себя. Во всяком случае, надо научиться защищать себя.

Разговор с матерью Марьям отложила на следующий день. В доме все решала мать, обладательница редкой красоты и редкого для азиатской женщины властного и сильного характера. Когда и того, и другого оказывалось недостаточным для подчинения кого-либо, в ход пускалось обезоруживающее обаяние, и жертве ничего не оставалось, как капитулировать.

Разговор оказался намного тяжелее, чем могла себе представить Марьям. В свойственной ей безапелляционной манере мать заявила, чтобы дочь выбросила этот бред из головы, ни о какой поездке не может быть и речи.

– Не хватало ещё, чтобы люди стали говорить, что ты, как беспризорная сирота, мотаешься по городам и гостиницам, и неизвестно чем занимаешься. У нашей семьи безупречная репутация, и я не позволю даже малейшей тени лечь на нее. Сейчас, когда не сегодня-завтра может состояться блестящая партия, ты взбесилась и хочешь все испортить?

Мать любила поговорить о том, как должна себя вести девушка из почтенной семьи, как она должна быть высокомерна и недоступна для мужчин, строгой относительно легкомысленных развлечений типа дискотек, ужасной молодежной моды и всяких волосатых рок-групп, и в то же время послушной воле родителей. Ведь только такую девушку захочет взять в жены, именно в жены, а не просто так проводить время, серьезный парень с блестящими перспективами.

Марьям ответила матери впервые в жизни.

– Я всю жизнь, всегда, делала так, как Вы мне приказывали. Я не ходила на вечеринки, дискотеки, я не знакомилась на улицах, не поощряла сокурсников, ни с кем не встречалась. Потому что должна была думать только о блестящей карьере и о блестящей партии, которой ничего не должно было бы помешать. Это только падшие и гулящие весело проводят время в компаниях, а потом их ждет одиночество и помойка! И сколько их, таких "падших" оказалась на помойке?! "Падшие" разъезжают на переднем сиденье "Жигулей" и "Волг" со своими детьми и со своими законными мужьями. А одинока и никому не нужна именно я! А Вы сами?! Вы сами поступаете совсем не так, как учите меня!

Ею овладело нервное, близкое к истерике состояние. Подстегивало еще и странное молчание матери. Та сидела с непроницаемым лицом, гордо вытянув длинную шею, закинув по-девичьи стройные ногу на ногу – "Леди Совершенство", как все ее называли. Марьям вдруг поняла, что кричит, но никак не могла остановиться.

– Мне уже двадцать пять лет! А совсем скоро будет тридцать! Я даже не успею заметить, как пройдет пара лет между защитой диссертации, походами в библиотеку и вымучиванием ученых статей! А потом я стану смешной старой девой, над которой все будут подшучивать и проявлять показную жалость! Вот тогда Вы начнете искать для меня уже не самого лучшего жениха, а любого! Начнете завлекать кооперативной квартирой, машиной, богатым приданым. А послезавтра не побрезгуете даже неграмотным деревенщиной из района...

Вдруг мать резко повернула голову к Марьям, и посмотрела каким-то растерянным, горьким взглядом.

– Что, уже сегодня?

Женским чутьем Марьям безошибочно определила причину необычной неуверенности матери и уже усталым и глухим голосом продолжала:

– Что же касается приличий, то когда-то и о Вас говорили в деревне, что Вы ведете себя неприлично, когда сбежали в город учиться и жили в общежитии. Со второго курса Вы встречались с моим отцом, таким же голоштанником, и вам плевать было на то, что бабушки с бабушками думали по этому поводу. Ведь это любовь дала вам обоим силы добиться в жизни всего самим – квартиры, положения, карьеры... А Вы стали утонченной леди, которой сегодня восхищаются все те, которые еще вчера осуждали вас. Вы сделали из меня неудачницу и дуру! Дайте мне шанс, мама! Позвольте жить своим умом и поступать так, как я считаю нужным.

Наступило тяжелое молчание. Марьям всю трясло от нервной дрожи, она уже была в состоянии, близкому к обмороку, и вздрогнула от неожиданности, когда услышала:

– Когда ты едешь?..

Еще в самолете ее охватило совершенно незнакомое чувство свободы. Все складывалось как нельзя лучше. Соседкой по номеру оказалась некрасивая, вертлявая Света из Вачи.

– Про наш город у Высоцкого песня есть, слышала?

– Нет.

– Тебе сколько лет? Замужем?

– Двадцать пять, незамужем.

– А мне двадцать четыре. Я тоже незамужем пока. Но, наверное, как вернусь, так выйду. Есть один, уже год как привязанный ходит. В Москву приехала, чтоб отдохнуть от него, а он возьми и приедь сюда. Да еще тут неподалеку их база, он спортсмен. Представляешь, так он с утра торчит у дверей отеля и подкарауливает. Я ему говорю: я отдыхать приехала, понял, отдыхать от всего, и от тебя тоже. А он все равно приходит, в гости просится. А вот я ему скажу, что у меня соседка с Кавказа – и не разрешает ни приходить, ни звонить. Это подействует.

– Я не с Кавказа. – Марьям всегда раздражало демонстративное невежество в этом вопросе.

– А-а, какая разница! Будь другом, скажи ему, когда позвонит, а? Ну, чтоб отстал. Не люблю я его да замуж пора выходить, устраиваться как-то. Я так боялась, что какую-нибудь бабуську пришлют. Повезло. Вечером вместе на дискотеку пойдём.

Света взяла командование парадом на себя, и Марьям подумала, что так даже лучше. Она сидела на кровати и спокойно, удивляясь лишь про себя подобной откровенной расчетливости, слушала ее звонкий голосок, который доносился уже из прихожей:

– Ты не идешь обедать? Ну, если нет, то тут мне звонить должны, будь другом, ответь, пожалуйста. Только ничего не перепутай, умоляю тебя. Если позвонит Коля – это жених. Скажи ему, что я пошла по магазинам и не вернусь до вечера. Если Саша, – я с ним вчера здесь познакомилась – скажи чтоб часов в шесть позвонил, а если Леша, – чтобы обязательно перезвонил через пятнадцать минут. Для меня самое главное – это он. Не мальчик, а мечта. Могут

еще двое позвонить. Это я так, на всякий пожарный, дала телефон. Скажи, чтоб вечером позвонили. Да, если Коля позвонит, не забудь сказать, что ты не разрешаешь ему ни звонить, ни приходить сюда.

Света ушла, а обескураженная Марьям пыталась осмыслить обрушившийся на нее поток информации. Влюбленный до потери памяти жених, Саша – рак на безрыбье, Леша – мальчик-мечта... Да еще какие-то ребята. С этим в лифте познакомилась, когда поднималась, с тем – когда спускалась. И все это за один день. Неужели так может быть? Ну про жениха точно врет. Быть такого не может, чтобы караулил с утра, чтобы только одним глазком взглянуть на уродину эту. Марьям, как водится у женщин, была довольно безжалостна к дурнушкам и просто ненавидела тех из них, которые не только не имели каких-либо комплексов по этому поводу, а напротив, были даже очень уверены в своей неотразимости и пользовались, кстати, большим успехом у мужчин, чем писанные красотки.

Раздался телефонный звонок. Это был Коля. Марьям ответила незадачливому жениху в точном соответствии с полученной инструкцией, опустив, однако, насчет того, чтобы не звонил. Значит, жених в самом деле существует. Олух царя небесного! Не успела она переварить это маленькую горькую пилюлю, как телефон зазвонил снова. Это был мальчик-мечта. Надо же. Вот тебе и уродина. Поразмыслив немного, Марьям решила отбросить прочь предубеждения, женскую зависть и мелкое желание напакостить, и поучиться у Светы, выяснить в чем же секрет. Этот великий секрет, овладеть которым не помогли ни великая классическая литература, ни современная иностранная (шокирующая своей откровенностью). Почему ее, такую красивую, умную, хорошо воспитанную девушку из приличной интеллигентной семьи, не любит такой же красивый, умный и хорошо воспитанный молодой человек, почему она одна? Что не так? Надо докопаться и понять, чтобы исправить или исправиться.

В тот же день Света повела Марьям на дискотеку в измайловский бар "Люкс". Эта дискотека, считавшаяся одной из лучших в Москве, была довольно дорогая, что было в своем роде планкой, одолеть которую могли далеко небезбедные любители потанцевать. Ковролит на полу, роскошная стойка бара с высокими табуретами, глубокие, мягкие, обитые матово отливающей кожей диваны с низкими деревянными столиками, красиво оформленная площадка для танцев – весь интерьер до мельчайших деталей был выдержан в современном, дорогом и элегантном стиле. В воздухе витал тонкий аромат изысканных французских духов. Марьям с удивлением смотрела на девушек, одетых не просто модно и дорого. Эти блестящие лосины невероятных пастельных тонов, чудные сапожки, умопомрачительные кофточки из тонкой, незнакомой и прекрасной материи, эта потрясающая бижутерия – это было прямо "оттуда" и никак не иначе как от "Кристиан Диора" и иже с ним...

Света принесла коктейли в высоких бокалах и маленькие корзиночки с черной икрой – это полагалось по входным билетам. Коктейль показался Марьям необыкновенно вкусным, рядом со Светой она чувствовала себя защищенной, они танцевали, потом отдыхали, потягивая коктейль, потом снова танцевали. Вокруг были молодые, красивые лица, приятная и приветливая обстановка, и Марьям хотелось плакать от счастья. От Светы не отходил один высокий парень с каштановыми волосами и характерным украинским лицом, прямым пробором и усиками, спускающимися вниз вдоль подбородка. Весь последний медленный танец они оживленно что-то шептали друг-другу, и, видно, не дошептавшись, остались поговорить в вестибюле. Марьям решила, что глупо и нетактично стоять и ждать Свету и поднялась в номер. Плюхнувшись в кресло, она закрыла глаза и расслабилась. Вскоре раздался стук в дверь. Открыв дверь, Марьям застыла на месте. Рядом со Светой стоял кавалер из дискотеки с бутылкой шампанского в руках. Отодвинув оцепеневшую в дверях Марьям, Света потянула парня за собой и закрыла дверь.

– Ну, знакомьтесь. Это Маша, а это Витя. Ну, давай, Вить, открывай бутылку. Правда, здесь всего два стакана, но мы с тобой одним обойдемся, а второй отдадим Машеньке. Маш, ну ты че в коридоре стоишь? Проходи.

Марьям, очутившаяся в совершенно незнакомой ситуации и не отошедшая после зеркал и цветомузыки, не знала, что делать и как себя вести. Она молча прошла и села на кровать. Немного подумав, она решила, что ничего страшного не произойдет, если Витя немного посидит. Он оказался довольно остроумным парнем из Херсона, – пару раз Марьям даже рассмеялась, – и жил здесь же пятью этажами ниже. Дело приближалось к полуночи, когда Марьям не выдержала:

– Уже очень поздно, вы, наверное, тоже устали.

– Маш, а ты ложись и спи. Мы тебе мешать не будем. Немного еще поболтаем в коридорчике.

Они вышли в коридор, потушив свет. Марьям разобрала постель, стянула с себя джинсы и прямо в свитере растянулась в прохладной постели. Из коридора доносились шепот, хихиканье и причмокивания. Она начала уже было засыпать, как тихонько в комнату вошла Света и начала разбирать постель. Сон улетучился мгновенно, когда вслед за ней вошел Витя и начал стягивать с себя одежду. Марьям вся напряглась. Увидеть все своими глазами, о чем она знала только из литературы и по фильмам, прошедшие к тому же советскую цензуру – это было страшно. Но в то же время какое-то странное чувство, нет, не любопытства, а чего-то другого, которому она пока не могла дать определение, охватило ее. Мысли перескакивали с одной на другую, и Марьям попыталась унять нарастающую внутреннюю дрожь: “Почему бы и нет, в конце концов, все здесь взрослые люди, лишь бы меня не трогали, пусть делают что хотят”. Света прошла в ванную, донесся звук воды, струящейся из душа. Марьям лежала, затаив дыхание, но Витя не делал никаких попыток ни заговорить, ни подойти к ней, и она окончательно успокоилась.

Минут через десять вернулась Света и до Марьям донесся тихий шепот:

– Света, ты бы проверила, может еще не спит?

– А хоть не спит, не такая как все, что ли?

Рано утром Марьям разбудил легкий шум. Это Витя встал, оделся и вышел из номера, негромко закрыв за собой дверь. Марьям вновь провалилась в глубокий сон.

Так началась её новая жизнь в "Измайлово".

Глава 2

Марьям поднялась на лифте на свой 17-й этаж, подошла к столику дежурной за ключом. Никого не было и на этаже вообще не ощущалось признаков жизни. "Выскочит кто-нибудь, ударит по голове, никто и не услышит", – подумала Марьям. Ей даже показалось, что за спиной у нее кто-то стоит. Вся похолодев, она резко обернулась, но никого в холле не было.

– Есть кто-нибудь? – громко спросила Марьям. Ей было не по себе. Наконец, раздался мелодичный звончок лифта и из открывшихся дверей вышла дежурная.

– Ключа нет. Ваша соседка в номере.

К ее удивлению, дверь была не заперта и открылась от легкого прикосновения. Тихо прикрыв ее за собой, она прошла в комнату и увидела, что на полу, как-то неестественно запрокинув голову, лежит Света. Тишина и солнечный луч, падающий через окно на платье Светы, ярко освещая его, приобрели вдруг какое-то другое, иррациональное значение. Марьям вся похолодела, и словно не желая соглашаться с абсурдностью увиденного, как в тумане, сделала по инерции еще шаг в направлении лежащего тела и, вдруг, резко повернувшись, выбежала из номера.

Дежурная была на месте, говорила по телефону. Увидев белое лицо Марьям, быстро оборвала разговор.

– Что случилось?

Ответа не последовало.

– Вам плохо? Вызвать врача?

– Да! – Глаза Марьям засверкали безумным блеском. – Надо врача... к нам... туда... Ей, наверное, очень плохо...

Дежурная сразу же кинулась к номеру, а Марьям медленно опустилась на ее стул и безмолвно усталилась в противоположную стенку. Она словно со стороны наблюдала как вернувшаяся дежурная начала деловито звонить по какому-то номеру и что-то говорить в телефонную трубку. Марьям совершенно потеряла ощущение реальности и ничего не понимала. Вскоре к ней подошел весьма неопрятный мужчина лет сорока в сопровождении двух милиционеров. Сунув ей под нос удостоверение, он сказал:

– Следователь Анисимов. Вы, гражданочка, пойдете сейчас с нами.

Собрав все свое самообладание, Марьям встала и, не произнеся ни слова, последовала за представителями власти. Ее отвезли в отделение, провели в похожую на кладовку комнатуху и заперли. Обессиленно присев на скамейку, она приняла удобную позу и провалилась в спасительный сон.

Проспав несколько часов, Марьям была уже в состоянии осмыслить, что произошло. Перед глазами ясно встала картина прошедшего утра и дня, но то, что случилось в номере, казалось ей чем-то далеким, не имеющим к ней отношения событием. Марьям сразу же себя успокоила тем,

что ее задержание носит временный характер. Она всего лишь обнаружила в номере убитую Свету и не имеет к происшедшему никакого отношения. Разберутся и отпустят.

И все-таки Марьям нервничала. Она встала со скамейки, поправила одежду и снова села, откинувшись на спинку. Ясно, что она всего лишь свидетель, но и при всем при этом любой расклад дела будет для нее иметь неприятные последствия. Даже в лучшем случае, если попадется очень умный, честный, и, главное, очень добрый следователь, она обречена на все "прелести" общения с милицией. Неожиданно ворвалась шальная мысль: "А ведь могут и посадить. Сколько таких случаев было. Пиши потом в "Комсомольскую правду", Комитет советских женщин и в другие инстанции".

Марьям не питала никаких иллюзий относительно правоохранительной системы и хорошо знала о "телефонном праве". Но чем ей смогут помочь здесь ее родители, кто сможет защитить ее от произвола на чужой стороне? Раньше надо было об этом думать. Свободы захотелось, приключений – вот они, получай. Это – конец. Марьям вдруг спохватилась. За ней могут прийти в любой момент. Надо подумать, что говорить на допросе. Надо взять себя в руки – решила она. Полный самоконтроль, никаких слез, бормотания, лишних слов. Все-таки она в Москве, где есть закон и порядок, куда приезжают искать справедливость из провинций.

Вскоре за ней пришли. Следователем оказался тот самый неопрятный мужчина, который и привел ее в отделение. Несмотря на свое незавидное положение, Марьям с удивлением отметила про себя, что мысль работает ясно, и она даже может спокойно наблюдать за следователем, который ей больше напоминал пьяницу-грузчика из гастронома. Из облезлого "пыжика" неопрятными сосульками свисали седые волосы. Одутловатое лицо с красными прожилками, красно-фиолетовым носом и маленькими выпцветшими глазками не оставляли никаких сомнений относительно любимого вида времяпровождения. Картину дополняла местами разошедшаяся по швам грязная дешевая куртка неопределенного цвета.

Анисимов Павел Ефимович сразу взял «быка за рога», не отдав дань положенным в таких случаях протокольным вопросам.

– Имя-фамилию, откуда ты и зачем здесь – все это я знаю. Ты давай, рассказывай, как прикончила свою соседку. И без слез. Меня слезами не проймешь.

– Света... точно... умерла?

– Умерла, – хмыкнул Анисимов. – Убита Света. Может и непредумышленно. Виском об угол тумбочки. Так что, самое время для чистосердечного признания, потом поздно будет. Раскрутим на всю катушку. И надолго.

Следователь сделал паузу, чтобы дать Марьям время оценить всю серьезность сделанного им заявления и продолжил:

– Ну, что там было? Мужиков не поделили? Вцепились в волосья друг дружке, как это у вас, у баб водится. Так? Правильно мыслю? Ну давай, рассказывай, только без слез. От слез я злее становлюсь.

– Я приехала сюда по путевке, неделю назад, пятнадцатого ноября, – Марьям старалась говорить спокойно, преодолевая дрожь в голосе, – Света приехала за день до меня. Она была на год младше меня, мы ладили друг с другом.

– Ладили, говоришь? Кто ж тогда ее виском о тумбочку, а?

– Я после завтрака, в 8:45 ушла из гостиницы, зашла в Первомайский универмаг, потом поехала в ЦУМ, зашла в ГУМ и вернулась к обеду, – не меняя интонации продолжала Марьям, словно не расслышав реплики следователя. – Света не спустилась со мной к завтраку. Она хотела позавтракать попозже, а потом пройтись по магазинам. Когда я вернулась, в 14:30, приблизительно, то я захотела взять ключ от номера, но дежурная сказала, что ключа нет, соседка в номере. Дверь была не заперта, я вошла... а потом сразу же побежала к дежурной. Ничего не трогала и ни к чему не прикасалась.

– Вы сделали какие-либо покупки в названных Вами магазинах?

Марьям вздрогнула от резкого перехода на официальный тон и правильный русский язык.

– Нет, это был очень неудачный день. Я нигде ничего не купила.

– У Светланы Щербаковой были в Москве родственники, знакомые?

– Не знаю. Она мне ничего не говорила о них. Либо не было, либо просто разговор не заходил об этом.

– Кто вам звонил по телефону в номер?

– Мои родители. Не помню, чтобы звонили Свете. Я даже не знаю, есть ли у нее родители, где она работала и кем. Знаю только, что она из города Вача, что ей... было двадцать четыре года и что она была незамужем.

– А говоришь, подружались. Как вы обычно проводили свой день?

– Первые дни мы вместе ходили по магазинам, по городу, а потом каждая сама по себе – мне одно нужно, ей – другое. Вечером уже вместе шли на ужин, а потом на дискотеку, здесь же, в бар «Люкс».

– Знакомились там с кем-нибудь?

– Света любила танцевать, когда приглашали – танцевала, а так нет, не знакомилась.

– К вам в номер заходили гости?

– Нет. Никогда.

– Вы очень хорошо говорите по-русски. У Вас мать русская?

– Нет.

– А кто Ваши родители?

– Отец преподает в университете, доцент математического факультета, а мама – главврач роддома.

Воцарилась долгая пауза. Анисимов, часто моргая, но неотрывно, смотрел своими бесцветными глазками в лицо Марьям, потом довольно демонстративно оглядел ее медленным оценивающим взглядом с ног до головы. Даже причмокнул, разглядывая бриллиантовые серьги в ушах и самозаводящиеся швейцарские часы на левой руке. Но что-то определенно изменилось в лучшую сторону. Следующий вопрос был задан уже вежливым, мягким тоном.

– Как по-Вашему, что произошло с Вашей соседкой? Есть соображения?

– У Светы водились деньги. Она всегда возвращалась с покупками, покупала апельсины, бананы, «Фанту», пирожные. На дискотеку ходила каждый день, а ведь это дорогое удовольствие. Ну а про черных, вообще анекдоты слагают, какие мы богатые. Может быть это были просто воры, не заметили, что Света осталась в номере, зашли, а когда она попыталась поднять шум, ударили ее?

– Угу-у... – Не разжимая губ, произнес Анисимов, и откинулся на спинку стула. – Ну, что ж, я думаю, утро вечера мудренее. Сейчас мы Вас покормим, устроим на ночь. Такого комфорта, конечно, как в вашем полулюксе, не будет. Уж не обессудьте. Утром все решим.

У Марьям тревожно забилось сердце. "Я, что, задержана? На каком основании?" – хотелось ей закричать. Но она сдержалась. Молчание – золото, а в подобном месте – жизнь. Ни одного лишнего слова – это станет ее правилом с сегодняшнего дня.

Глава 3

В тупом оцепенении, потеряв ощущение времени, Марьям провела остаток вечера. При одной только мысли о том, какая буря сплетен и пересудов поднимется дома, когда узнают, что она в Москве попала в милицию, ей хотелось умереть. Неважно, ты убила или тебя убили, или ты просто оказалась в неподходящем месте в неподходящее время. Главное – сам факт. Родители Марьям имели очень большой круг знакомых, и малейшее темное пятнышко на репутации – это моральная смерть, бойкот, камни, бросаемые улюлюкающими детишками вслед. Вся, измученная такими мыслями, девушка наконец заснула.

Утром ее снова вызвали к следователю. Допрос вел Анисимов, на этот раз причесанный, умытый, облаченный в костюм и при галстуке. Перемена была столь разительная, что вначале Марьям его даже не узнала. С ним в кабинете находился еще один молодой человек в штатском, который молчал, но являлся главным, судя по тому, как оглядывался на него Павел Ефимович. Марьям встретила с ним взглядом, и поняла, что всё ещё может обойтись. Несмотря на полное неумение кокетничать, она нравилась мужчинам, и она это знала. Другое дело, что толку от этого было мало. До сих пор, по крайней мере. Так, бывало, на экзаменах в институте, когда по особому взгляду преподавателя, она знала, что может нести полную чушь, "отлично" ей обеспечено, потому что она – понравилась. Так и сейчас. Она ощущала на себе этот особый, долгий взгляд голубых глаз молодого человека в штатском с военной выправкой и уже знала, что всё обойдется. И если можно что-то не сделать или сделать в ее пользу – это будет сделано.

Марьям отвечала спокойно, тщательно продумывая каждое слово. Показания её не расходились ни на слово со вчерашними. Ни о каких знакомых Светы она не знает, никто никогда к ним в гости не ходил, никто не звонил.

– Ну что скажете, Сергей Николаевич, – обратился Анисимов к голубоглазому штатскому.

Тот ничего не ответил, продолжая молчать и смотреть на Марьям. Возникла неловкая пауза. Марьям стало не себе. Она решила посмотреть ему прямо в глаза, посмотрела робко и умоляюще, ведь сейчас от его слова зависело все. Анисимов кашлянул несколько раз, пошуршал какими-то бумажками на столе, поерзал на стуле.

– Сергей Николаевич, ...гм ...

– Марьям может продолжить свой отдых в Москве, в "Измайлово", номер, конечно, поменяем. – Прозвучал наконец ответ. – У нее есть еще шесть дней. Через шесть дней разговор продолжим, уезжать нельзя.

"Сергей Николаевич, Сергей, Серёжа...", – повторяла про себя как заклинание Марьям. Какое-то странное чувство вдруг охватило ее, как если бы она встретила с очень близким человеком. Это чувство некой сопричастности к чему-то очень важному, объединявшему их обоих, не покидало ее до самой гостиницы, куда её, по распоряжению Сергея, проводила женщина-сержант. Та оказалось разговорчивой, болтала без умолку, явно наслаждаясь собственным монологом и молчаливостью слушательницы. Слух Марьям включился, когда в трескотне появился нужный код: Сергей, Афганистан, женат, сынишка.

Она вошла в свой номер, собрала вещи.

– Проверьте, ничего не забыли?

– Нет.

– Тогда пошли.

Марьям с облегчением покинула роковой номер.

Глава 4

Марьям ждала этого звонка. Он позвонил из вестибюля и сказал, что поднимется через пять минут. На какой-то миг у нее закружилась голова и мозг пронзила острая, резкая, как при удалении зубного нерва, боль. Марьям бросилась в ванную, ополоснула лицо, выпила прямо из-под крана воды. Ей попала на глаза расческа, негнушимися руками она схватила ее и начала расчесывать волосы. Эти простые движения постепенно успокоили ее, она собралась и сосредоточилась.

Ровно через пять минут Сергей постучал в дверь. Он вошел и сел в кресло. Она стояла, опустив голову, но прямая, как натянутая струна. Длинные волосы словно шелковым покрывалом закрывали ее лицо. Сергей был очень бледен и как-то странно смотрел на нее.

– Почему вы скрыли, что у Щербаковой был жених, причем он жил совсем рядом на спортивной базе?

Марьям резко подняла голову, волосы фейерверком взмыли вверх и разом опали, змейками струясь по тонким плечам. Она спокойно и холодно спросила:

– Какой ещё жених? Мне ничего не было известно ни о каком женихе. И с какой стати я стала бы скрывать, если бы знала?

– Вы хотите сказать, что целую неделю жили бок о бок с девушкой, у которой должна была состояться свадьба через месяц-другой, и она ничего об этом не рассказала? Я скорее поверю, что дважды-два пять.

– Возможно, она что-то подобное говорила. Как за неё умирают, часами стоят на холоде, припав к окнам вестибюля, чтобы мельком увидеть её, спускающуюся в ресторан пообедать. Как какую-нибудь суперзвезду, топ-модель, Мисс Вселенную. И как толпы поклонников, влюблённых до безумия, не дают ей прохода. Я даже не вслушивалась в её слова, принимая их за бред самовлюбленной... дурочки. Мне и в голову не могла прийти мысль пересказывать эту чушь следователю, тем более, что я толком не слушала и просто не помню эти излияния.

– Почему же это все не могло быть правдой? Почему вы решили, что всё это – бред самовлюбленной, как вы сказали, дурочки? Вы должны были рассказать все, что вам известно, а чушь это или нет, решать нам. Жених, например, очень даже не бред, а реальность. И вы не могли этого не знать.

На какой-то миг Марьям растерялась, но тут же взяла себя в руки и голос ее повысился:

– Реальность? Откуда же мне знать это, если в течении недели, включая субботу и воскресенье, он ни разу не появился у своей невесты? Мы каждый день ходили на дискотеку в бар «Люкс», нас там двоих точно ещё помнят, пусть кто-то скажет, что с нами хоть один раз прошел парень. Ни разу. Никогда. Ни разу не было ни одного звонка. Что это за такие жених с невестой,

которые так близко друг от друга, и ни разу не захотели встретиться?! В течение недели можно ведь было бы встретиться хоть раз!

Глаза её сверкали, на лице не было ни кровинки, и смуглая кожа превратилась в матово-бледную, а губы, наоборот, порозовели. Марьям была как обнаженный нерв, и в своем высшем проявлении алертности она сорвала как задубевшую кору бесполоую оболочку, которая была возвращена холодным и контролируемым поведением. Сейчас в ней была задействована вся энергия, отпущенная природой женщине. Она была как горящий факел, и этот бушевавший в ней огонь выпустил на волю сексуальность, всегда запертую, остававшуюся под спудом морали. Сергею даже показалось, что вокруг нее исходит волнообразное движение воздуха, как от раскаленной печи. Он вдруг поймал себя на мысли, что не слышит слов, что на уме у него только пульсирующая жилка на ее тонкой шее. Он с ужасом осознал, что ему до безумия хочется впиться ей в губы поцелуем и взять ее немедленно, сейчас.

– ... якобы он ей надоел, она отдыхать приехала. А вот без нее, уродины мерзкой, жизни ему нет. Да какой нормальный человек мог в такое поверить, глядя на эту образину? – как сквозь вату донеслось до Сергея.

В этот момент она отвернулась. Сергей резко встал и не сказав ни слова, быстро вышел из номера.

Марьям, вся в пылу, собиралась выпалить очередную порцию слов и в этот момент услышала звук захлопнувшейся двери. Мгновенно её из жара бросило в холод. "Идиотка, что я наболтала. Дура, безмозглая дура.", – думала она про себя в полном отчаянии. Ей вдруг стало не хватать воздуха в этом ограниченном пространстве одиночного номера, он стал напоминать тюремную камеру-одиночку. Пришла еще одна мысль: "И всё-таки я не в тюрьме".

Захватив сумочку с деньгами, она вышла из номера и спустилась на скоростном лифте на первый этаж, решительно прошла в бар-экспресс, заказала горячий кофе и абсолютно все виды пирожных. Не обращая никакого внимания на удивленные взгляды немногочисленных посетителей и бармена, она без признака смущения уселась за столик и жадно набросилась на сладкое. Ей вдруг вспомнился идиотский вопрос: "Что бы вы делали сегодня, если бы знали, что завтра Вы умрете?". Теперь такой вопрос уже не казался ей таким уж идиотским. Более того, ей захотелось на него ответить. Она с наслаждением откусила пирожное, закрыла глаза и ответила как могла честно – вот так вот обожраться тортами и пирожными. И все? Это все, что тебе хотелось бы? Ну, будь честной до конца, наконец. Это всё? Нет! Не всё! Ещё хотелось бы... Вот именно.

Глава 5

Сергей почти бегом прошёл в конец коридора к запасной лестнице, спустился на несколько этажей и оттуда уже на лифте добрался до вестибюля. Когда он вышел на улицу и всей грудью вздохнул свежесть холодного воздуха, ему показалось, что никогда в жизни воздух не был таким свежим и прозрачным, с чудесным сосновым ароматом. И вообще, как здесь, оказывается, все красиво вокруг, и как волшебно выглядит Измайловский парк рядом. Впервые у него в жилах забурлила кровь, как после многолетней спячки. Хотелось по-юношески рассмеяться...

Он ничего не помнил из своей юности, кроме Афганистана и мирной жизни после него, больше похожей на отработывание трудовой повинности. Единственной силой, побуждающей его продолжать эту постыльную череду обязанностей, была любовь к матери. Не мог он допустить, чтобы погас маленький огонек надежды в этих бесконечно дорогих и несчастных глазах. Ради них он с содроганием отходил в ночные сны и просыпался бесконечно уставшим. Но теперь есть смысл нетерпеливо ждать завтрашнего утра. И послезавтрашнего тоже, может быть, каждого последующего утра. Завтра он вновь увидит её, девушку с прекрасным восточным именем, которое так созвучно родному русскому – Машенька. «Однако, её сегодня прорвало», – вдруг подумал Сергей. Неожиданно ему вспомнился "женский" анекдот про "счастливую бабу", у которой и муж есть, и любовник, и вчера в лифте изнасиловали. В мужской компании любили снисходительно подтрунить над женской логикой и умом, но сейчас этот анекдот уже не казался смешным.

Эх, Маша, Маша! Надо подумать, как грамотно из всего этого выпутаться. А подумать есть о чем.

На следующий день он позвонил ей, и быстро, чтобы не передумать, сказал, что им надо встретиться в вестибюле гостиницы. По роду своей деятельности он часто оказывался в опасной

ситуации, когда от него зависела жизнь людей и когда эти люди были готовы на что угодно ради своего спасения. Он знал это, он видел как некоторые его коллеги поддавались соблазну использовать свою власть над людьми, или как мучились, проникаясь человеческими сочувствием при ведении дел. Но до сих пор в его профессиональную деятельность не проникали какие-либо личностные эмоции, их просто не было. До сих пор.

Марьям появилась точно в назначенное время. На ней были джинсы, подчеркивающие стройную фигурку, шикарный ангорный свитер. Она села рядом, очень близко, явно продуманно, обволакивая запахом дорогих французских духов и посмотрела прямо в глаза. Да, было весьма благоразумно встретиться именно здесь, среди народа.

– Марьям, необходимо, чтобы Вы еще остались в Москве. Мне бы хотелось, чтобы это было в приемлемой для Вас форме.

– У меня еще две недели отпуска. Я могла бы оплатить проживание в Измайлово и остаться здесь. Я ведь до сих пор ничего не сказала родителям, у меня просто не хватает духу рассказать, да еще по телефону, что я влипла в такое страшное дело. Просто не представляю, что будет, когда об этом узнают на работе. А это возможно, чтобы никто ничего не узнал?

– Никто ничего не узнает, если Вы этого так хотите, Марьям, – спокойно сказал Сергей, стараясь не утонуть в чернящих глазах. И собрав все свое самообладание, добавил: – На сегодня все. Завтра подойдете к администратору и оформите продление. До свидания.

Он достал сигарету и закурил, не глядя на нее. Марьям молча осталась сидеть на своем месте. Продолжая смотреть прямо перед собой, он добавил глухим голосом, в котором слышалась бесконечная усталость:

– Идите, Марьям. Постарайтесь не отлучаться надолго из номера.

Марьям встала и, не мешкая, попрощавшись, направилась к лифту. Она была в панике. Только жесткое воспитание не позволяло ей забиться в истерику прямо в лифте. Она не вышла на своем этаже, поднялась на самый верх, потом спустилась на этаж, где располагался буфет, села за столик и мало-помалу в её голове начало проясняться. Во-первых, ее ни в чем не обвиняют, во-вторых, у нее есть родители, которые в состоянии замять неприятности, в третьих, ей пообещали, что никто ничего не узнает. У нее хватит ума не думать бесконечно о том, как все может обернуться плохо. Вот только ещё немножко подумать о нем. Какой он был сегодня официальный, хотя глаза были как две кровоточащие раны. Некому, видно, их залечить, хотя есть рядом другая, "счастливая" и ни на что не годная. Вдруг она на лице почувствовала влагу – это закапало из глаз. Лихорадочно стала искать платок, какое счастье: он оказался на месте. Она встала и, разозлившись на себя, решительно направилась в номер. Марьям ненавидела себя в эту минуту так как никого в жизни. Дрянь! Мало того, что от зависти ненавидишь весь мир, еще докатилась до того, что готова избить, растерзать и даже убить, пусть в своих мыслях, женщину, нашедшую себя в личной жизни. Из-за этих мерзких соплей, может быть, и погиб человек. Кто виноват в том, что по-человечески трахнуть не можешь, хоть и думаешь об этом день и ночь! Твои ровесники, мальчишки, сидевшие за партой, тот же Сергей, проходили все круги ада в Афганистане, пока ты спала на мягкой постели и с жиру бесилась, выбирая, какие французские духи больше тебе подходят. Почему тебя никто не любит, да потому что ты никого не любишь, занятая только своими ничтожными мыслишками, похожими на мыльные пузыри.

Она просидела всю ночь на полу, уткнув голову в колени. Утром в зеркале она увидела уже другого человека.

Глава 6

Звонок прозвенел утром, когда Марьям, поднявшись к себе после завтрака, сидела в странном оцепенении у телефона. Сергей сухо и немногословно предупредил ее, чтобы она не выходила из номера, он будет в течение часа. Марьям знала, что это будет "последний и решительный бой", и она была готова к нему. Но получилось иначе.

В дверь постучали, она не спеша ее открыла. Сергей, поздоровавшись, подошел к столику и положил на него лист бумаги, потом прошел к окну и не оборачиваясь, сказал:

– Ознакомьтесь с этим документом. Это показания Николая Волкова, жениха погибшей девушки.

Она начала читать. Руки ее задрожали, когда она дошла до места – "в тот день я, после утренней тренировки, побежал в "Измайлово" к корпусу Д. Внутрь, конечно же, не пустили и я

стоял снаружи в надежде, что смогу увидеть Свету, когда она будет спускаться к завтраку. Вместо нее я увидел ее соседку по номеру. Я видел их пару раз вместе, знал, что ее зовут Марьям..."

Перед глазами Марьям вдруг отчетливо встало то утро.

...Мне Света сказала, что она с Кавказа и поэтому не разрешает ни приходить в гости, ни даже звонить. Я догнал Марьям, мне хотелось поговорить с ней, убедить, что как мне тяжело не видеться с любимой девушкой.

– Здравствуйте, Марьям. Это я, Николай, жених Светы.

– Я в курсе. – Она так странно посмотрела на меня, но я сначала не понял почему у нее был такой взгляд.

– Я хотел попросить у вас разрешения звонить и приходить в гости к Свете. Света сказала, что вы не разрешаете.

Она расхохоталась мне в лицо и сказала:

– До сих пор Свете на мое разрешение было наплевать. Я даже не представляю, как можно было поверить в подобную чушь. Неужели любовь может быть на-столь-ко слепа?

Тон и выражение ее лица говорили яснее слов. Меня обманывают, а я веду себя как лопух. Я еще никого так не ненавидел, если бы не толкотня вокруг, я бы задушил ее. Она повернулась и хотела уйти, но я преградил ей путь.

– Если у Вас есть что сказать, Марьям, говорите прямо.

– А я и говорю прямо, уж прямее некуда.

Её глаза были полны злости. Она была как гюрза, черная и ядовитая.

– Путь свободен, номер 1721, 17 этаж, иди к своей невесте, никто чужой вам не мешает.

– Проведи меня мимо швейцара.

– Сам пройдешь. Вон толпа спускается с лестницы и собирается выйти. Смешайся с ними и незаметно пройди.

Она ответила очень грубо, но я должен был увидеть Свету во что бы то ни стало. Я сказал самым просящим тоном, на который был только способен:

– Марьям, я умоляю тебя, проведи меня мимо швейцара, я пробовал и с толпой, и без толпы, другим удаётся без проблем, а меня сразу засекают, даже пригрозили в отделение отправить, если попытаюсь опять. Меня тут уже все давно знают. Мне необходимо поговорить со Светой. В конце концов, мне тоже надоело в дураках ходить.

Она как-то очень странно улыбнулась, и не говоря ни слова, взяла меня под руку и мы подошли к проходу, она показала визитку и на вопрос швейцара сказала, что я её друг и мы минут пять поговорим в фойе. Подвела меня к лифту и, не говоря ни слова, ушла.

Я поднялся на 17 этаж, подошел к номеру 1721 и встал перед ним. Я стоял просто так и уже подумывал о том, чтобы уйти, даже не постучав. Вдруг дверь открылась и из неё буквально вылетел парень, одевая на ходу куртку и побежал к лифту. Я подумал, что хорошо, что не постучал, потому что точно ошибся номером и хотел уже уйти, как вдруг из-за двери послышался Светин голос: "Саша, Саша, ну куда ты?". Дверь распахнулась, выбежала полуодетая Света и, не замечая меня, сказала: "Кобель проклятый..." Тут она заметила меня и так зло сказала: "А, это ты? Чего приперся?" Я толкнул её обратно в номер, зашёл сам. Она ни капли не стушевлась, спокойно так взяла сигарету, закурила. И сказала: "Во-первых, я тебе не жена, и могу делать что захочу..." "Ты обещала выйти за меня замуж, я к тебе как к святой относился, дунуть боялся, а ты, оказывается, меня за дурака держишь", – перебил я её. "Дурак и есть, "дунуть боялся". И она засмеялась, нагло так. У меня в глазах потемнело и я её ударил кулаком в этот смеющийся рот. Она упала, а я ушёл, не обернувшись. Я не вернулся к себе на базу, пошёл в лес, я никого не мог видеть. Потом сел на электричку, поехал к другу, он на заброшенной даче жил, там выпили, не знаю сколько времени прошло. Потом, когда пришёл в себя, решил вернуться на базу, собрать вещи и уехать далеко в Сибирь. Там меня уже ждали с наручниками. Я даже подумать не мог, что это из-за Светы. Если бы я знал раньше, покончил бы с собой".

Марьям сидела, не шелохнувшись. Ей было страшно начинать разговор. В ушах все время стучало – "как гюрза, черная и ядовитая". И это прочитал он, и это – о ней. Может быть, он просто пробежал глазами это место, не обратил внимание. Тогда можно говорить.

– Вы прочитали? – Она вздрогнула от неожиданности.

– Нет. То есть да.

– Ваши показания немного расходятся с показаниями Волкова. Может, сейчас Вы вспомните, что встречались утром с Волковым в тот день, просто забыли сказать об этом?

– Нет. Я с ним не встречалась ни в тот день утром, ни когда бы то ни было ещё. И до смерти Светы понятия не имела о том, что у неё есть жених. Все его слова относительно меня – плод больного воображения. Он или шизофреник, или просто хочет запутать следствие своей ложью. Никакого Сашу он не мог встретить у нас в номере в 8 утра. Даже если бы Света и захотела позволить себе что-то в этом роде, я бы этого не потерпела.

Она постаралась выдержать его взгляд, но нервы её сдали:

– Сергей Николаевич, и что же будет теперь? Нам устроят очную ставку?

– Нет. – После долгой паузы последовал ответ. – Волков изменил показания, и в новой окончательной версии, которая собственно и войдёт в дело, не упоминается эпизод встречи с Вами.

– Изменил показания? И что это значит?

– Это значит, что Вы больше не имеете к этому никакого отношения.

– Не имею отношения... – прошептала Марьям заветные слова. И как молния пронзила мозг страшная мысль. – А если он снова изменит показания, придумает что-нибудь опять?

– Не думаю, ему, бедняге, сейчас не до этого, во-первых, а во-вторых, я постараюсь держать ситуацию под контролем.

– А когда я смогу уехать домой?

– Я бы попросил Вас задержаться ещё немного, – торопливо вставил Сергей, – пока дело официально не закроется. Ведь отпуск Ваш ещё не закончился, так что Вы можете продолжать отдыхать в Москве, не вызывая никаких подозрений дома. Кстати, Ваши родители не проявляют беспокойства?

– Нет. Они сами очень любят Москву, здесь много интересного – театры, музеи, и находят естественным моё желание остаться в Москве, если есть возможность.

– Ну, тогда всё хорошо. Мне пора.

Он встал и неторопливо пошёл к двери.

– Сергей Николаевич, можно Вас спросить, – запинаясь сказала Марьям, – что... будет... с Колей?

– С Волковым? – удивлённо спросил Колесников и как-то по-новому посмотрел на неё. – Странно, что ты об этом спросила.

Ухо сразу уловило переход на неофициальное и интимное "ты".

– Я могла бы, ну, может быть, помочь с адвокатом... – и осеклась под его взглядом.

Она отвернулась к стене, пряча горевшее от стыда лицо. Вдруг она почувствовала, как мужская рука прикоснулась к её косе, наматывая и пропуская её через пальцы.

– Не коса, а восьмое чудо света.

Она размякла от этой невинной ласки, и больше всего на свете ей захотелось уткнуться в грудь мужчине, перед которым не надо было строить из себя недотрогу, который знал, до какой степени она может быть плохой и не осуждал её, более того, уберег её от позора, рискуя собственной карьерой. Уткнуться и расплакаться. Но она не посмела перейти через границу жёстких правил поведения, на которых была воспитана.

– Мне в самом деле пора. – Донеслось до неё как сквозь туман. – Я позвоню завтра.

– Нет, не уходите сейчас, пожалуйста. Мне сейчас очень плохо... Я боюсь сейчас оставаться одна...

– Если бы ты только знала до какой степени мне это хочется самому. – Просто и искренне сказал Сергей. – Но я не хочу воспользоваться обстоятельствами и твоей слабостью. Когда дело официально завершится, а ты снова будешь сильной и независимой, вот тогда, если ты сама захочешь поговорить со мной просто как с обычным человеком, я с огромной радостью приду. Мне самому есть что тебе рассказать. Возможно, у нас больше общего, чем сейчас тебе кажется.

Он наружной стороной ладони вытер скатившуюся по щеке Марьям слезу. Она стояла, не шелохнувшись, боясь даже всхлипнуть.

– Ты бы позвонила друзьям, близкому человеку, поговорила бы.

– Нет у меня ни друзей, ни подруг по-настоящему близких, и не было никогда. Меня никто никогда не любил, кроме родителей, я никому по-настоящему не дорога. Мне некому звонить, а рассказать матери я не смогу... Я... я просто ненавижу себя.

– У каждого в шкафу есть свой скелет, Марьям. А у некоторых – даже несколько. Ты справишься, я знаю. Ты к тому же, очень красивая. Неужели тебе об этом никто не говорил?

Марьям смутилась, но глаза у неё заблестели. Это были именно те слова, которые она хотела услышать. Сергей вздохнул и открыл дверь.

– До свидания.
Марьям подошла к зеркалу и улыбнулась самой себе.

Глава 7

– Ну, как ты?

– Я в порядке.

– Я рад, что ты захотела встретиться со мной. Мне так нужно с тобой поговорить, даже не знаю с чего начать.

– Я хочу вам сказать, что очень-очень благодарна Вам за то...

– Нет-нет, Марьям, прошу тебя, не надо об этом.

– Я прекрасно понимаю, если бы не Вы, я бы по уши влипла...

– Марьям, прекрати. Тебе не за что быть благодарной. Мы сейчас просто обыкновенные люди, не имеет значения как мы познакомились. Пусть это останется в прошлом, которое я уже не помню. Если человек будет всегда всё помнить и никогда ничего не забывать, он свихнётся. По себе знаю.

Они сидели в креслах, разделенные журнальным столиком в номере у Марьям. На столике были пирожные, конфеты, кофе. Его Марьям приготовила маленьким кипятивником, а фарфоровые чашечки по этому случаю она специально купила в универмаге. Выглядела Марьям сногшибательно, в модной, очень женственной блузе и кокетливой коротенькой юбке в клетку. На ногах были тонкие колготки и только-только появившиеся в чековых магазинах французские плоские ботиночки из черной мягкой лайки. Она постаралась не злоупотребить духами, но от того, что волновалась, надушилась три раза "Маженуаром", и у неё у самой кружилась голова от его волшебного аромата.

– Даже мать, которая обязана заботиться о своём ребёнке, требует благодарности за то что она родила, кормила-поила, одевала и так далее. Моя мама, во всяком случае, от меня требует изъявлений благодарности практически ежедневно за беззаботную юность, за красивую одежду, за роскошь. Ну а Вы, Вы спасли мою честь и достоинство. Я прекрасно понимаю, что стоит за словами, что Волков изменил показания, несмотря на то, что Вы их так незаметно произнесли.

Всё это она проговорила скороговоркой, не давая Сергею вставить слова, несмотря на все его попытки. Произнося последнее предложение, она поднесла руки к горлу, как если бы задыхалась, дергая что-то у ворота блузки. Не успел Сергей опомниться, как она опустила руки, в одной из которых что-то блестело. Она разжала руку, и изумленный Сергей увидел золотую цепь с книжечкой-Кораном.

– Я от всей души прошу принять на память от меня эту вещь...

Сергей закрыл глаза, через секунду он встал и быстро пошёл к двери.

– Нет, Сергей, нет! Не уходи, прости меня! Я же, на самом деле, имела ввиду, просто на память, – в полном отчаянии закричала Марьям и бросилась за ним. Она настигла его уже у открытой двери, захлопнула её, продолжая говорить:

– Ведь друзья всегда оставляют о себе на память что-то, – не замечая, что оказалась в ловушке, в углу узкого коридора номера.

В следующее мгновение она почувствовала на себе всю силу мышц молодого натренированного тела. Она оказалась буквально пригвождена к стенке, не в силах даже шевельнуть мизинцем, а губы в первый раз в жизни почувствовали на себе крепкий, с привкусом табака, мужской поцелуй.

Автоматически включился инстинкт самозащиты: вырваться, ударить, убежать. Но она была совершенно лишена и свободы движения, и свободы выбора. И в следующее мгновение, когда инстинкт выключился, уступив место другому, не менее могучему, – ее всю заполнило восхитительное чувство от осуществления самой вожденной мечты, вот так красиво, до боли в мозгу, получить страстный горячий поцелуй...

Словно прочитав её мысли, железные объятия Сергея разомкнулись, поцелуй настолько ослаб, что напомнил дуновение легкого ветерка, ласкающего пылающие губы. Теперь выбор был: отодвинуть лёгкую как соломинка преграду и уйти... Если она даже слегка оттолкнет... Ну уж нет, ни за что! Она крепко сомкнула руки на широких плечах и ответила робким неумелым поцелуем.

День пролетел как одно мгновение. Сергей с удивлением обнаружил, что за окнами темно и, стараясь не потревожить девушку, уютно устроившуюся у него на коленях, посмотрел на часы. Было уже около десяти вечера. Он был в полном тупике и не знал, что делать дальше. И как любой

мужик, даже очень порядочный, принялся раздумывать о "перспективах". Даже теоретически труд-но было вообразить, что невинная девушка, к тому же из далёкой южной республики с жёсткими восточными традициями, захочет пойти на близость. Ну а что дальше? Всё-таки не мальчик, вот так вот просидеть в кресле. А "пойти в атаку" и получить по рукам и щекам с последующим позорным выдворением, сопровождаемым слезами разочарования, явно, не годится. Уйти самому – нет ни сил, ни желания, ни воли.

Пожалуй, разумней всего начать "разведку".

– Маш, ты не заснула? Знаешь, уже поздно. Тебе не хочется меня выставить, отдохнуть одной? – внутренне весь напрягшись, проговорил Сергей, – а что если в ответ получит – "ой, правда, как поздно, тебе пора".

Но ответа не последовало, только сильнее сжались её руки у него на шее. Это обнадеживало, но всё-таки не было приглашением остаться, а могло просто означать начало затянутого прощания. Он нежно погладил её колено и осторожно провёл рукой наверх. Реакции не последовало. Его рука нащупала непривычные очертания кружевного нижнего белья.

– Ты что, вот так и ходишь в этот холод по Москве? Ты же всё застудишь, так нельзя, надо одеваться тепло.

Марьям рассмеялась и нежно погладила его по лицу.

– Какой ты милый, как наверное, любой европейский мужчина. Вы совсем другие, никому из наших не пришло бы в голову даже подумать, не то что проявить заботу о здоровье женщины, о её желаниях, потребностях. Они потребители...

– Кто европейский мужчина? Я?

– Да, конечно. С такими чудными голубыми глазами и белой кожей. Она даже пахнет по-особому, пахнет чистотой.

– Да ты расистка, дорогуша. Что это за разговоры про белую кожу, – улыбнувшись, проговорил Сергей. Ему ещё никогда не было так легко и хорошо. – Я вот возьму и привлеку тебя за расизм.

– У тебя очень красивая улыбка. Я ещё ни разу не видела, как ты смеёшься.

– Потому что я не смеялся. Во всяком случае, я не помню когда это было в последний раз, наверное, в школе, до армии.

Он замолчал, но было видно, что порывается сказать что-то. Но вместо слов только порывисто обнял её.

– Маша, у меня просто нет сил оторваться от тебя. Без тебя я как больной, у которого отняли подушку с кислородом. Если не выгонишь, сам не уйду. Мне очень нужна ты, рассказать тебе кое-что, но я не уверен, что могу злоупотреблять твоим вниманием, терпением. В конце концов, ты не обязана выслушивать излияния психа.

– Ну что ты говоришь! Я больше всего на свете не хочу, чтобы ты уходил. Мне ещё никогда не было так хорошо, ты такой милый и нежный. Я хочу... я хочу тебя до смерти...

Она встала и протянула руки, сразу же встретившиеся с его ладонями.

– Маша, – хриплым голосом проговорил Сергей, – я не хочу, чтобы ты потом раскаивалась и сожалела об этом из-за последствий...

– А вот последствий никаких быть не должно, – жестко прозвучало в ответ.

Она с силой надавила на его плечи, и он буквально рухнул на пол. Она опустилась рядом на колени и нежным толчком опрокинула его навзничь. Длинные волосы шёлковым пологом закрыли его лицо и отгородили от всего мира.

– Ты сделаешь, как я тебя попрошу? – прошептала Марьям.

– Ты самая настоящая колдунья. Нет ... пери. Так ведь у вас они называются. Ты – пери, а я твой пленник, и ты со мной можешь делать всё, что захочешь. Только разве пери занимаются любовью с мужиками?

– Обязательно, а иначе от их волшебной силы ничего не останется.

Глава 8

... Выжженная глинистая земля, ни единой травинки, пыль, поднятая сапогами, безжалостное солнце, наверное, на земле нет более безрадостного места. Как только здесь существуют люди? Вон, видны их убогие жилища, назвать их домом язык не поворачивается. И как тут мог расцвести такой необыкновенной красоты цветок. Вон там, прелестный голубой цветок, или девушка в голубом одеянии. Она вышла встретить его, вот уже можно разглядеть

лицо, и можно быть уверенным, оно не несёт ненависти или холодного, насмешливого презрения. Конечно, ведь это его Маша, воспитанная в одной общей для них стране, говорящая на одном с ним языке. Вот она побежала навстречу ему, а он ей. И командир ничего не сказал, понятно, сам бог войны не удержит солдата в строю в таком случае. Вот уже слышен счастливый девичий смех, вот нежные руки сомкнулись в крепком объятии. Но что это вдруг за неприятный привкус во рту? Господи, это же кровь! Откуда?! Маша... Кровь хлышет из её перерезанного горла. Кто это сделал... Не я... Я не мог... Это не я-Я-Я...

...Марьям в банном халате вертелась в ванной перед зеркалом. "Я танцевать хочу. Я танцевать хочу...", – напевала она песню Элизы. Да что танцевать, она могла бы взлететь, до такой степени была наполнена счастьем. Вот он секрет, наконец-то она всё поняла. Жаль, что это произошло из-за трагедии. Бедные Света и Коля. Две погубленные молодые души. Но Любовь забирает время от времени свою страшную дань. А если бы она промолчала бы, сказала бы в тот роковой день, что Света уже ушла. И не встретила бы с Сергеем... Нет, против судьбы не пойдёшь, и в самом деле она ведь ничего такого не сказала. И ведь Коля не хотел убить девушку, он просто ударил её. Несчастный случай, завершивший цепь Светиной лжи и обмана. В этот момент она услышала крик. Это кричал Сергей. Она быстро выбежала из ванной, и увидела его на полу.

Тело его содрогалось в конвульсиях, сопровождаемые глухими стонами. Марьям застыла на миг, а потом подбежала к нему, опустилась рядом, подняла его голову и положила к себе на колени:

– Всё, Серёжа, это был просто сон. Сон. Кошмарный сон, он закончился.

Сергей открыл глаза, посмотрел на Марьям долгим взглядом, словно не узнавая и в глазах его отразилась невероятная боль.

– Нет, – с мукой в голосе ответил Сергей. – Он никогда не закончится. В один день я не выдержу...

– Нет, Серёжа. Он на самом деле закончился, твой кошмар. Я его сейчас прогоню. – Она посмотрела в горевшие лихорадочным огнём глаза и поцеловала их. – Ты ведь меня видишь во сне, прав-да? – вернее лицо, похожее на моё? И ты убиваешь ...

– Ты знаешь, Маша, когда я тебя увидел, я подумал, что эта сама смерть пришла за мной.

– Я так и поняла, я ведь знаю, что ты воевал в Афганистане. Я похожа на тех женщин, да? Но, окажись на твоём месте, я бы делала то же самое, что и ты. И поверь, чего бы мы там не делали, это детские шалости по сравнению с тем, что творят они. Без всяких кошмаров по ночам и самоистязаний. Я знаю, о чём говорю. – Добавила она глухо.

Утром Сергей проснулся с необыкновенно ясной головой. Комната была залита мягким солнечным светом. В номере было аккуратно всё расставлено по своим местам. Идиллическую картину дополняла особенно красивая сегодня Марьям, сидевшая в кресле и пьющая кофе. Правда, какая-то она была немножко чужая вроде. Или просто показалось...

Он молча прошёл в ванную, а когда вышел, то увидел, что постель была аккуратно застелена, а на столике в чашечке дымился ароматный кофе для него. В воздухе витала лёгкая напряжённость и недосказанность. Он подошёл к Марьям, взял её руки в свои и поцеловал их. Марьям довольно сдержанно улыбнулась, как будто из вежливости ответила на поцелуй и, кашлянув, сказала:

– Кофе остынет.

Сергей сел в своё кресло, с аппетитом уплетая пирожные, начал обдумывать слова для официального предложения.

– Маша, мне бы хотелось сделать для тебя что-то очень важное.

– Да, я как раз хотела тебя попросить, – перебила она его радостно, – я купила билет на самолёт позавчера. Ты сам знаешь, как сейчас трудно с билетами, даже за пятнадцать дней вперёд еле-еле достанешь. Так что на самолёте я смогу улететь только через двенадцать дней, а на поезде трястись одной в общем вагоне трое суток – с ума можно сойти. В купе тоже нет билетов на несколько дней вперёд. Я очень прошу тебя, посади меня на самолёт сегодня. Для вашей системы всегда имеется броня.

– Нет. Ты не уедешь ни сегодня, ни завтра, ни через двенадцать дней! Ты не дослушала меня. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Это – судьба. Это не просто так, что мы встретились. Нас все поймут. Я знаю, что ты хочешь сказать. Да, я женат. Но и для неё будет лучше развестись со мной сейчас, у неё будет шанс встретить человека, который по-настоящему её полюбит. Мы

прямо сейчас поедem домой к моей матери и поговорим честно с ними обеими. Я не могу тебя потерять.

В его глазах опять появились лихорадочный отблеск. Марьям заметно побледнела.

– Ты меня не потеряешь, если сам этого не захочешь. Я совершенно свободна, никаких обязательств ни перед кем у меня нет, я могу хоть сейчас идти в ЗАГС или ждать месяц, год, если потребуется. Но врваться в твою семью... нет, я не могу ... не должна. Не знаю даже, насколько это честно, вот так, как ты хочешь, поехать к твоей матери, это жестоко в любом случае. Может, это вообще неуместно! Может, сейчас твой сын тяжело заболел, а может, твоя семья ждёт тебя за праздничным столом, чтобы сообщить новость о предстоящем рождении второго ребёнка. А мне следует быть в тени, ждать от тебя вестей у себя дома. Кстати, меня ждут не только родители, но и работа, любимая работа. Я безумно соскучилась и по родителям, и по работе, и по дому. Я должна ехать.

– Хорошо, я погорячился. Я провожу тебя через пару дней, у тебя до конца отпуска ещё три дня, а там – суббота-воскресение.

Марьям резко поднялась с кресла и подошла к окну. Чувствовалось, что она в крайнем раздражении. Сергей поднялся вслед за ней.

– Маша, Машенька, что я сказал или сделал не так? Я тебя чем-нибудь обидел?

– Нет, нет! – Она обняла его, из её глаз потекли слёзы. – Я смертельно устала, я очень-очень хочу домой, мне здесь было так холодно, страшно. Я пережила здесь кошмар, да, и необыкновенное счастье тоже, с тобой, конечно... Но я чувствую себя больной, измождённой до смерти. Мне кажется, что я здесь не только дня, а даже часа не выдержу. Я тебя умоляю, давай поедem в аэропорт прямо сейчас. Каждые два часа есть рейсы, посади меня на ближайший.

Они ехали в аэропорт в полном молчании. Сергей сам сидел за рулём "Волги". Марьям хотела спросить, что эта за машина, но не решалась. Он гнал машину на большой скорости, и Марьям боялась как-бы они не перевернулись. Когда они вошли в здание аэропорта, то Марьям сразу же прошла в самое укромное, тихое место, и сказала, что подождёт его там. Сергей взял её паспорт с билетом и где-то уже через полчаса вернулся. Произшедшая с девушкой метаморфоза поразила его. Во-первых, на голове появилась откуда-то цветастая шаль, а во-вторых, холодный отчуждённый взгляд. Так смотрели на него Там, это было больно, но понятно. Но чтобы «родная» Маша смотрела так, и после того как он положил к её ногам всего себя – это было непонятно и обидно. Она нетерпеливо взяла билет, лицо её расцвело от радости:

– Ой, посадка прямо сейчас! Через пару-другую часов я буду дома.

Она, не поднимая головы, медленно сложила билет, положила в паспорт, затем медленно открыла сумочку и, не спеша, начала переключивать паспорт из одного отделения в другое. Наконец она, тяжело вздохнув, посмотрела на Сергея как смотрят на постороннего и сказала:

– Большое спасибо за всё. Мне надо идти, провожать больше не надо, я смогу найти нужное место.

И всё.

– Ты больше ничего не хочешь мне сказать? – Вдогонку спросил её Сергей.

Она обернулась. В глазах была влага, и, если не любовь, то что-то очень похожее на неё.

– Я унесу с собой твои кошмары.

Она быстро повернулась и ушла. Сергей остался стоять на месте. Он не допустит слабости: ему это не к лицу, бывшему афганцу, офицеру. Он сейчас же уйдёт, вот только убедится, что с посадкой всё нормально. Он прошёл к месту регистрации, стараясь держаться подальше. Вот, знакомые до боли небритые смуглые лица, женщины в цветастых платках и тяжёлых немодных пальто. А вот и она, необыкновенной красоты цветок в компании уродливых колючек. Вон, какая-то тётка со сросшимися бровями и здоровенным задом, чмокает и обнимает её. Марьям криво улыбается ей и что-то говорит в ответ. "Чужая среди своих, своя среди чужих", – подумал Сергей.

Скоро всему этому придёт конец, этому видимому братству, и уйдёт навсегда, как уходит сейчас Марьям.

Она прошла досмотр и исчезла из виду. Сергей прислонился к стене и закрыл глаза.

– Сынок, тебе плохо? – участливо прозвучал старческий голос с непередаваемой чисторусской интонацией.

– Нет, отец, всё хорошо. Спасибо.

Ему стало как-то очень здорово от родной теплоты, и он быстро вышел из здания аэровокзала.

Марьям прошла на своё место в салоне самолёта, сложила дублёнку и неожиданно услышала:

– Разрешите Вам помочь?

Симпатичный молодой человек, не услышав отказа, взял дублёнку и аккуратно положил её наверх.

– Спасибо. – Вежливо сказала Марьям, опустив глаза, и села на своё место.

Она подумала про себя, что раньше обязательно грубо и холодно ответила бы "нет", следуя маминым советам. Как она была глупа! Она боковым зрением видела, что парень смотрит на неё, без конца поворачиваясь в своём кресле. И вот она позволила их взглядам встретиться на миг, чуть-чуть улыбнулась уголками губ ничего незначащей вежливой улыбкой, и отвела взгляд. Через несколько минут молодой человек подошёл к их ряду и горячо попросил сидевшего рядом соседа поменяться местами, чтобы сесть рядом с бывшей сокурсницей, неожиданно оказавшейся с ним в одном самолёте.

– Мурад.

– Марьям.

– Я знаю. Я Вас видел пару раз в университете с Вашим отцом. А у меня с собой плеер, взял в дорогу послушать. Тут как раз кассета, я её давно искал. Хотите послушать?

Марьям надела наушники и вздрогнула, услышав:

Но если есть в кармане пачка сигарет,

Значит, всё не так уж плохо на сегодняшний день,

И билет на самолёт с серебристым крылом,

Что, взлетая, оставляет земле лишь тень.

– Если хотите, я перепису для Вас.

– Конечно, хочу. Это моя самая любимая песня.

Мурад вытащил из кармана записную книжку, открыл её на букву "М", и Марьям, ни на секунду не колеблясь, написала свой телефон.

Сергей, измотанный и опустошённый, вошёл в дом. Празднично одетый сынишка выбежал навстречу:

– Папа, а у нас праздник. Мама сделала вкусный-превкусный торт. Я уже попробовал кусочек. А то тебя всё нет и нет, а мне очень хотелось.

В комнате стол был красиво накрыт, как будто ждали дорогих гостей. Сергей прошёл к столу, налил водки и подождал, пока жена сядет рядом.

– А почему ты не спрашиваешь, в честь чего я так старалась?

– Потому что я знаю. В честь нашей дочки.

Он немного отпил. У неё на глазах появились слёзы.

– Ты заметил. Теперь, если кто скажет, что ты не обращаешь на меня никакого внимания, я знаю, что ответить. Но почему дочка, а вдруг родится мальчик.

– Дочка. Я даже имя знаю. Маша.

– Почему Маша? Я не против, но почему бы не назвать в честь твоей матери?

Она погладила его по щеке.

Ему в нос ударил запах жира и пота. То ли от этого, то ли от того, что кожа помнила другие прикосновения и другой, волшебный запах, его всего передёрнуло. Но он виду не подал. Выждав для приличия пару секунд, он похлопал по жениной руке и убрал её со своего плеча:

– Потому что это имя волшебное. Я выйду покурю.

Он вышел на балкон, всей грудью вздохнул свежий холодный воздух, и его всего пронизало чувство покоя в душе, и ещё ощущение сбывшегося чуда. И у этого чуда было имя – Маша...

ДЕВУШКА ИЗ ВЫСШЕГО ОБЩЕСТВА

Лале все завидовали, когда её сосватал парень, принадлежащий одной из самых уважаемых семей города. Всё было как в сказке – красивый, богатый «принц», дорогие подарки, золотые украшения, море цветов, счастливые глаза родителей. «Принцев» всегда мало, поэтому намерение двух представителей городской аристократии создать семью расценивалось окружающими как подарок судьбы – разумеется, для девушки. Свадьба должна была состояться

через несколько месяцев, когда жених закончит свою научную работу за рубежом. Будущее казалось безмятежным, полным радужных перспектив. Его родственники часто навещали её, приглашали на все семейные торжества. Но, отдавая дань их сердечности, она всё же предпочла бы все эти знаки внимания одному-единственному звонку. Даже не для того, чтобы услышать: «Люблю. Скучаю», хотя бы – вежливое: «Как ты? Как у тебя дела?». Надевая подаренные его родственниками драгоценности и обручальное кольцо, она продолжала делать вид, что всё хорошо, стараясь не замечать демонстративное хихиканье и насмешливые взгляды сотрудниц на работе. Его родители по-прежнему были очень внимательны к ней, передавая от него горячие приветы и невыразимые страдания по поводу вынужденного продления его пребывания за рубежом ввиду непредвиденных осложнений в процессе работы.

Лала оказалась в ловушке. Иллюзий относительно чувств жениха не оставалось никаких. Вопрос в том, что делать? Взять инициативу, а следовательно, и всю ответственность на себя и разорвать обручение? Мол, полгода не пишет, не звонит. Ну так, передаёт приветы через родителей, очень занят. Позвонить вдруг самой после многомесячного молчания – глупо, после первого «алло» даже слов других не подобрать. Ну а поехать к нему незваной гостьей... Н-да.

Всё приходит к тому, кто знает, как надо ждать, – всё время повторяла про себя Лала. Он должен сам прийти или позвонить и объяснить. Силой – она, во всяком случае, обручаться его не тащила. А со своей стороны, она не только не инициирует разрыв, но и не даст ни малейшего повода. Она будет безупречна, чего бы ей этого не стоило. Стоило это очень дорого – Лала забыла, когда в последний раз смеялась, её лицо осунулось, она практически не выходила из дома одна. Но уверенная поступь её красивых стройных ног всё же сохранялась.

Лето было в самом разгаре. Начальство тактично дало понять, что не может больше нарушать график отпусков, бесконечно отодвигая её отпуск, который когда-то планировался как медовый месяц. О том, чтобы поехать отдыхать одной – не могло быть и речи. И тут пришло спасительное известие. Её дядя с женой и детьми поехали отдыхать на море, а бабушка осталась дома одна. Лала сразу ухватилась за идею поехать к бабушке, – и возможность поменять обстановку, отдохнуть от тягостной атмосферы, привести мысли в порядок, и в то же время всё чинно. Поехать к бабушке, чтобы не оставлять её одну, – это так мило и благородно, даже у самых злых сплетников не за что будет зацепиться. Она сразу же купила билет на поезд на послезавтра, даже не пытаясь достать билет на самолёт.

Ей повезло с попутчиками. Двое мужчин с первой же минуты взобравшись на верхние полки, не слезали оттуда до следующего утра. Молодая женщина была молчалива и замкнута в своей какой-то тайной печали. Мерный стук колёс поезда убаюкивал и успокаивал. Лала чувствовала, как уходит её постоянные головная боль и напряжение. Отоспавшись за ночь, она проснулась очень рано. Утренняя прохлада приятно оведала лицо. Тишина, подчёркиваемая стуком колёс, ласкала слух. Однако она не стала отлёживаться, а поспешила по утренним делам, главным из которых было расчесать свои очень длинные волосы. Она распустила волосы в тамбуре, свежий ветер сразу же их растрепал. Лала застыла перед окном с расчёской в руках. Перед ней открылась прекрасная картина. Ночью и несколько часов ранним утром дорога пролегла вдоль государственной границы. И вот сейчас поезд ехал буквально в трёх метрах от колючей проволоки. Впереди возвышались величественные горы, а внизу бурлила быстрая пограничная река – и ни одной живой души. Лалой вдруг овладела такая тоска по простой и ясной жизни в таком богом забытом месте. Или, наоборот, богом благославленном месте, где ты, сливаясь с природой воедино, соприкасаешься с вечностью... Философский полёт мысли неожиданно был прерван стуком открывающейся двери. Кто-то вошёл в тамбур. Парного стука, свидетельствующего о том, что из тамбура прошли в вагон, не последовало. Это означало, что кто-то остался стоять у неё за спиной. Она резко обернулась. Это был пограничник. Из-за плеча выглядывало дуло автомата Калашникова. Из-под зелёной фуражки золотились коротко остриженные волосы. Голубые глаза смотрели с чистой грустью. Лала, отчасти от испуга, отчасти от дошедшей до автоматизма реакции на появление незнакомого мужчины, посмотрела холодно и враждебно.

– Помощь нужна? – спокойно спросил офицер.

Лала презрительно фыркнула. Ей никогда не нравились военные, их мужественные, не искажённые интеллектом лица. И вообще, это был совсем другой мир, незнакомый и чуждый. Однако глубоко в подсознании она по-женски отметила его «чисто арийскую внешность». Может быть, поэтому, она решила добавить ещё немного насмешки и с издёвкой протянула расчёску. Пограничник шагнул к ней, невозмутимо взял расчёску, собрал в ладонь её роскошные волосы и

начал их расчёсывать. Мгновенно по всему телу Лалы, начиная с кончиков пальцев ног до корней волос, пробежал «электрический ток». Ничего подобного она никогда не испытывала. Она вдруг отчётливо поняла значение слова «наслаждение». С сожалением Лала отметила момент, когда ей начали заплетать косу, значит, уже настал конец восхитительного «массажа». Лейтенант протянул ей расчёску, их взгляды встретились. Она только успела приоткрыть губы, чтобы сказать: «Большое спасибо», – как он наклонился к ней и поцеловал её в губы, по-солдатски грубо прижав к себе. Потом быстро отпрянул, дёрнул ручку двери вагона и исчез.

Сколько времени она простояла после этого – минуту или час – Лала сразу сообразить не смогла. Потом, очнувшись, она быстро побежала в своё купе от греха подальше. В вагоне ещё все спали. Значит, никто ничего не заметил. У Лалы отлегло от сердца, но пришло некое ощущение вины. Оказывается, такое возможно, вот так, задрожать от страсти рядом с человеком, о котором ничего не знаешь. И это может быть так сильно и так сладко. А ведь, возможно, если её женишок был бы на месте пограничника и увидел её такую естественную, с распущенными волосами, ему бы тоже захотелось расчесать её волосы, поцеловать её, и не расставаться с ней ни на одну минуту. Ведь они ни разу не были наедине, это было бы так неприлично. И она, стянутая этикетом как корсетом, всё время старалась сказать что-то высокое и умное. Ей всегда хотелось, чтобы ценили её прежде всего за интеллект, за блестящее образование.

Иногда, незначительный на первый взгляд эпизод может изменить человека. Лала как-будто получила от судьбы подсказку, тему для размышлений. Она даже не заметила как пролетели часы и наступил полдень, время прибытия поезда по назначению. Через полчаса она была уже у бабушки, которая была растрогана до слёз её приездом. Вздурораженность никак не проходила, усидеть дома было невозможно. Она красиво оделась и сказала бабушке, что идёт покупать обратный билет на самолёт.

– В такую жару, – охнула бабушка. – Сейчас же самое пекло. Пойдёшь завтра с утра.

– Нет, бабушка. Завтра может быть поздно, билетов может уже не быть.

Она села в троллейбус, который ехал до центра города, устроилась у окна и, наслаждаясь ощущением свободы и тем, что никуда не надо спешить, стала смотреть по сторонам.

Почти пустой троллейбус медленно полз по крутой дороге и вдруг остановился. Вскоре, вслед за водителем с троллейбуса сошли двое парней и, поговорив с ним, позвали остальных мужчин вниз. Лала осталась сидеть в салоне одна, а ребята, сняв рубашки, начали толкать троллейбус. Она выглянула в окно и увидела прямо внизу согнутую спину и руки с взбугрившимися мускулами. Капельки пота стекали по спине со светлых намокших волос. Ей вдруг очень захотелось увидеть лицо этого человека. Вдруг мозг пронзила резкая боль, в глазах потемнело, ей показалось, что какая-то сильная рука потащила её наверх.

...Очнувшись она на бархатных, вышитых золотом, подушках в очень маленьком помещении, со всех сторон закрытом занавесками, – и всё это плавно, как по волнам, передвигалось вперёд. Это была она и в то же время – не она. На ней было длинное, похожее на тунику, платье из прозрачной парчи с глубокими вырезами по бокам поверх шёлковой плотной длинной рубашки. Талия была перехвачена серебряным поясом. Ноги были обуты в лёгкие сандалии. Волосы были собраны в тугий узел на макушке и заплетены в множество мелких косичек. Голова была покрыта длинной, прозрачной накидкой. Теперь её звали по-другому – Инана. Она чуть-чуть раздвинула занавески, мелодично звякнул массивный золотой браслет на руке, на которой, помимо пары колец, был надет перстень – символ знатного происхождения. Она находилась на носилках, которые на руках несли четыре раба. Взгляд Инаны задержался на одном из них. Капельки пота стекали по его спине с намокших волос цвета спелой пшеницы. Ей вдруг очень захотелось увидеть лицо этого человека. Но этого никак не удавалось сделать – носилки, мерно покачиваясь, продвигались вперёд, не сворачивая. Инана вдруг отметила про себя, что на время забыла о своей занозе в сердце – о молодом, бесстрашном полковнике, потомке знатного рода, сочетающего в себе мужскую красоту и доблесть. Она, дочь правителя, искренне влюбилась в него, когда поняла по настроению отца о его намерении связать их узами брака. Ей не было дела до интриг отца, она улетела в розовые девичьи мечты. Ведь кормилицы и няни с детства ей рассказывали сказки, как однажды за ней придёт, сгорая от любви к красивой, целомудренной и умной царевне, знатный и богатый юноша. Всё именно так и было. Он стоял перед ней и разговаривал, опустив глаза, неукоснительно соблюдая этикет. Она была уверена – в опущенных глазах он скрывал пламя страсти. Так ей казалось, пока она “случайно” не услышала разговор двух своих дальних родственниц о его страстной любви к презренной рабыне, танцовщице. Он выкупил её, подарил дворец, выполнял все её капризы и прихоти. Поговаривали даже о том, что он собирается

объявить её своей женой, наплевав на своего правителя и его дочь. У Инаны потемнело в глазах, подкосились ноги, но духи царственных предков окружили её со всех сторон, взяли под руки и оставались всё время с ней, когда она, гордо улыбаясь, вышла к своим гостям. Но уже вечером она металась от жара и никто не мог понять причину неожиданной болезни царевны. Три дня она отказывалась от пищи, потом также неожиданно встала с постели, сказав, что совершенно здорова и взялась за свои любимые книги. На следующий день она заявила о своём желании повидать своего учителя. Девушек даже из знатных семей не принято было обучать, но отец не смог устоять перед просьбой любимой дочери, которая с детства сочиняла стихи, приводившие в искренний восторг самых уважаемых учёных мужей. Инана как раз находилась сейчас на пути к своему учителю.

– Откуда этот раб? – спросила она у начальника стражи, когда они добрались до места.

– Меня об этом не поставили в известность, госпожа, – заикаясь от волнения, еле выговорил он. – Я слышал, что он, вместе другими такими же странными людьми, приплыл к нам издалека. У них не было товаров или рабов, никто не понимал, что они хотят, а когда их окружили стражники, чтобы препроводить к правителю, они стали сражаться и все погибли. Он только один остался жив, потому что был ранен и по приказу господина полководца его выносили. Господин полководец был восхищён их воинским искусством и хотел узнать секреты воинского мастерства. Но этот презренный червь ответил чёрной неблагодарностью и всё время молчит. Господин полководец прогнал его на чёрные работы, но приказал не бить его. Он сказал, что тот ему ещё понадобится.

Глаза Инаны засверкали, но на лице не дрогнул ни единый мускул. Она сняла с пальца кольцо и бросила его стражнику – награда за приятную весть. Стражник поймал кольцо, и бросившись на колени, поцеловал край её платья, бормоча слова благодарности.

Во все времена и у всех народов женщина могла добиться всего, чего хочет. С этой секунды завязалась интрига, в результате которой светловолосый раб был передан учителю Инаны для получения новых знаний, а спесивый полководец в ярости перерубил всё, что можно было перерубить во дворце у своей танцовщицы.

Но на следующей день же день Инану постигло разочарование. Раб молчал. Он с аппетитом пожирал яства, надел дорогую одежду – и молчал, с дерзким вызовом глядя на Инану и её учителя, пытавшихся вызвать его на разговор всеми возможными способами, в том числе и языком жестов. Прошло ещё несколько дней без каких-либо изменений, потом ещё несколько. Интрига, в результате которой Инана утёрла нос своему обидчику, грозила сделать её посмешищем. При мысли о том, как ничтожная рабыня, сумевшая окрутить её жениха, будет злословить и насмехаться над ней в присутствии своих многочисленных блудливых подружек, которые потом разнесут эти колкости по всему городу – ей хотелось разбить свою голову в кровь. Чернь – они всегда вместе, всегда радуются, когда кто-то из них пролезает в дворцовые постели, а оттуда – в богатые платья, а бродячие певцы слагают об этом сказания, которые затем со слезами на глазах слушают во всех смрадных углах. И никто, никто не пожалеет бедную отвергнутую царевну!

И вдруг Инана спохватилась от этой мысли. Как, ей хочется, чтобы её пожалели? А они ведь очень близко друг от друга – Жалость и Любовь, и так часто незаметно, плавно переходят друг в друга. Возможно, оттого что гордая царевна, сама никогда никого не пожалевшая, не вызывает жалости – она не способна вызвать и чувство любви. Перед глазами предстало лицо непокорного раба, виновника её терзаний. Только нежелание признать своё поражение удерживали её от того, чтобы отдать его в руки палача. Но сейчас Инана смотрела на всё это иначе. Она поставила себя на его место. Сердце обступила со всех сторон тёплая влага и потопила его в себе. Ведь судьба и с ней может сыграть злую шутку и превратить в рабыню. А хватит ли у неё мужества и силы духа, презрев угрозу мучительной смерти, вот так простым молчанием бросить вызов самой судьбе. Все её переживания и страдания показались такими ничтожными и пустыми. И она сразу поняла, что должна делать. Возможно, она не может любить открыто как танцовщица или торговка, зато она может делать то, что танцовщица или торговка не смогут никогда. Она взяла в руки свиток и замерла на секунду от ужаса перед неизвестностью, как перед прыжком в пропасть.

На следующий день она собрала свою свиту, состоящую из ев-нухов и родственниц разной степени родства. То, что она собиравалась сделать, требовало свидетелей. Непокорный раб стоял перед ними, с холодным презрением в глазах ожидая дальнейшего развития событий. Инана развернула свиток и громко произнесла:

– Ты – больше не раб. Это – вольная. Теперь ты свободен и можешь идти, куда хочешь.

Наступила гробовая тишина. Все стояли молчаливее статуй из камня. Даже самые опытные евнухи не знали, что делать. Дело в том, что несмотря на то, что женщины обладали имущественным правом и могли наследовать и обладать целыми городами, всегда были рядом отцы, мужья, братья, сыновья, на худой конец – дяди, которые управляли и распоряжались их богатством. Но Инану интересовала только реакция раба, теперь уже бывшего. Холодное презрение на лице сменилось необычайным волнением. Разумеется, он всё понимал, у него было достаточно времени выучить язык – Инана и не сомневалась в этом.

Она дала знак ему подойти, раскрыла свиток и показала теперь свою печать. Он взял в руки свою вольную и произнёс:

– Госпожа прекрасна сердцем так же как и лицом.

Потом опустил на колено и поцеловал край её платья. Сердце Инаны готово было выпрыгнуть из груди. Сегодня же эти слова, сказанные искренне и от всего сердца, будут повторять все и везде. И целовали сейчас не её платье, а её. Но даже в эту минуту она ни на секунду не теряла контроля над собой. Дотронувшись рукой до его плеча, давая этим знак подняться, она сказала медленно и громко:

– Я всего лишь бледная тень моего отца, излучающего, подобно солнцу, мудрость, справедливость и милосердие.

– Да не прервутся наши дни благоденствия под сенью великого правителя, – услышав знакомые позывные, подхватил главный евнух, и вслед за ним все остальные.

Внешне Инана была холодна и невозмутима. И только очень глубоко в глазах мелькали искорки, неуловимые ни для кого, кроме встречных искр в его глазах. И её голос, послушный воле хозяйки, звучал отстранённо и царственно:

– Ты можешь покинуть страну. Или заняться, чем пожелаешь. Но я знаю одно место, где тебя очень ждут. Это – дом моего учителя.

– Я тебя понял, Инана. – Непокорная голова склонилась в гордом поклоне.

По знаку Инаны старый слуга подошёл к нему, чтобы проводить из дворца. А она сама, не глядя ни на кого, прошла в свои покои. Она знала, какими словами об имеющем важное государственное значение, прославляющее его славное правление, она объяснит свое беспрецедентное решение отцу. И как бы невзначай добавит, как этим будет посрамлен отвергнувший её полководец, на что отец, хитро засмеявшись, скажет, что гордится своей дочерью. Хотя всё это не имело для неё никакого значения, она просто по-женски пожалела сильного и гордого воина. Сильного, гордого и такого красивого... Она кружилась по комнате, кружилась, пока не потемнело в глазах...

– Девушка, Вам плохо? – Лала услышала далёкий-далёкий голос.

– Что?... Плохо?... Кому?

– Вам плохо? Может надо остановить троллейбус?

– Троллейбус? – У Лалы постепенно начало проясняться и в голове, и перед глазами: она увидела «раба», толкавшего троллейбус под её окном. – Нет, не надо троллейбус. То есть не надо его останавливать.

Он не успел надеть рубашку и Лала, ещё не совсем вернувшаяся из глубин генной памяти, вдруг повторила жест своей далёкой прапрапрабабушки и дотронулась до его руки. Он принял это за приглашение и быстро сел рядом.

– У Вас совершенно ледяная рука. Если нужно, я провожу Вас, куда надо. Меня зовут Алекс, я приехал к вам познакомиться с вашим древним городом и древними рукописями. Я – специалист по древнему Востоку.

– Я тоже не местная. – Очень громко сказала Лала. Она уже полностью пришла в себя и заметила тяжёлые взгляды парней. – Я приехала сегодня на поезде. Наверное, просто устала от дороги.

Она почти кричала. Алекс вздрогнул и удивлённо заморгал, но слова Лалы дошли до тех, кому они были предназначены и на них больше не стали обращать внимания. Лала облегчённо вздохнула и улыбнулась.

– А меня зовут Лала.

Две недели, наполненные беззаботным счастьем, солнечным светом и новым ощущением жизни, пролетели как один миг. Домой вернулась уверенная в себе, красивая девушка, которая сама делает выбор и у которой этот выбор есть. Вскоре приехал жених. Он позвонил ей через неделю после своего приезда – неотложные дела, и очень сухо сказал, что им необходимо встретиться и серьёзно поговорить.

– Завтра, у меня дома в 12 часов дня, – спокойно сказала Лала.

Вечером, когда она сообщила о предстоящем разговоре родителям, отец пришёл в негодование:

– Но завтра дома никого не будет в это время. Что скажут соседи? Ты, что, не могла сказать, чтобы он пришёл к нам вечером, или, на худой конец, встретились где-нибудь в парке.

– Я именно так и сказала, но он очень попросил встретиться у меня дома и в это время, – не моргнув глазом соврала Лала. Так было нужно. – Наверное, боится, что я устрою сцену, когда он попросит вернуть кольцо.

Её слова возымели нужное действие. Отец сразу сник, притих, руки у него задрожали. У матери увлажнились глаза.

– Ты, доченька, только не лезь на рожон. – Отец и не хотел скрывать, что именно это и должно произойти. – Пусть катится на все четыре стороны, но ты не груби ему, не ругайся, и, само собой разумеется, не плачь. Плевать на этого невежу, он недостоин тебя. Но пусть сам попросит тебя разорвать обручение. Я прощу тебя об этом.

Лала подбежала к отцу и крепко обняла его.

– Вы с мамой будете мной гордиться. – Лала улыбнулась спокойно и очень уверенно.

У неё был всего один шанс вернуть его и она решила использовать этот шанс до конца. Зачем? Ведь в случае разрыва, она обретала свободу, настоящую свободу. И уже не скованная ни общественным мнением, ни чувством долга перед семьей, она вырвалась бы в другой, прекрасный свободный мир другой цивилизации, о которой грезил тайком и где её ждали. Что её двигало – женское уязвленное самолюбие, нежелание выглядеть брошенной, или, может быть, нежелание потерять любимого? Даже одной из этих причин было бы достаточно, но в глубине души Лала призналась себе, что не первая и не вторая заставляла её добиваться этого брака. Главная причина была необъяснима на словах, но осязаема в душе. В душе, для которой *noblesse oblige* был главнее мечты и, возможно, главнее любви.

Она встретила его, хмурого и бледного, с милой вежливой улыбкой.

– Проходи, – её голос звучал естественно.

Она сразу же прошла на кухню и принесла два фантастически выглядывших бокала с коктейлем, кубиками льда, кусочками фруктов.

– Нет-нет, ничего не надо. – В его голосе чувствовалось раздражение.

– А больше ничего и не будет. – Она с такой же милой улыбкой взяла бокал и села напротив него, закинув ногу на ногу.

Лала была одета в чёрное платье-футляр, которое специально немного подкоротила и в туфли на шпильках. Изящным движением она перебрала длинную косу со спины на грудь, в памяти всплыл эпизод в поезде, и в чёрных, чуть раскосых глазах заиграли насмешливые огоньки.

Она заметила, как его взгляд скользнул по её ногам, и как будто притягиваемый магнитом застрял на них.

– Какой вкусный коктейль. Как ты его приготовила? – Он явно был сбит с толку.

– Это – шербет по старинному рецепту моей бабушки. Но я немного пофантазировала.

– У тебя получилось.

– Спасибо. – Лала опять улыбнулась.

На некоторое время воцарилось молчание. Лалу начали забавлять его попытки отвести взгляд в сторону.

– Ну так о чём ты хотел со мной поговорить? – Очень просто и мягко спросила она.

– А? Ах, да. Как у тебя дела на работе?

– У нас сейчас новая эра. Несколько лабораторий, в том числе и моя, получили гранты на осуществление научных проектов Международного Научно-Технического Центра. Закупили дорогое оборудование, участвуем в международных симпозиумах, зарубежные командировки – тем кому позволяет семейное положение, пишем доклады, публикуемся и, самое главное, выполняем интересную работу.

И вдруг она рассмеялась – звонко, заразительно.

– Извини, – сквозь смех сказала она, – к нам приезжали французы и произошёл очень смешной случай.

– Расскажешь?

– Не думаю, чтобы это было интересно мужчине. Так, женский трёп.

– Так это же самое интересное на свете, после футбола, конечно.

– К нам приехала группа учёных из Франции. И они устроили небольшой приём у себя. На этом приёме была почти вся наша лаборатория. А один из французов был молодой и красивый. И вот он вдруг подходит к одной из наших девушек, берёт её за руку, и они выходят. Но, в общем, это уже в конце банкета было, и почти никто внимания не обратил, кроме нас – близких подружек. Но потом мы собрались втроём и устроили ей допрос. Куда они пошли и что делали. И она с таким разочарованием говорит: «Мы пошли к нему в номер. Он сказал, что хочет подарить мне на память значок. И вот полчаса цеплял значок». А мы спрашиваем – куда цеплял. «На грудь», – говорит. Ну и дальше, что – так близко, буквально губа к губе, руки на груди – не поцеловал? А она с такой злостью: «Нет. Наверное, педик был». И тут Софа с такой яростью накинулась на неё: «Это не он педик, это ты – кретинка. Это же француз, там у них женщины – инициаторы. Он, бедный, себя превзошёл, буквально на блюде себя тебе преподнёс. А ты, азиатка, наверное, стояла как швабра». Та даже расплакалась.

– Спасибо. Давно так не смеялся. А это случайно не ты, там, с французом?

– Да ты что? – возмутилась Лала. – Я бы возможность поцеловаться с французом не упустила бы.

– Рад это слышать. – Медленно, не сводя с Лалы липучего взгляда проговорил он. – А знаешь, я обожаю значки. У тебя случайно нет какого-нибудь.

– Есть.

Лала грациозно встала с кресла и вышла из комнаты. Очень скоро она вернулась с каким-то значком на руках, подошла к его креслу, села на подлокотник и наклонилась к нему, чтобы нацепить значок. В эту же секунду она очутилась в сильных и жарких объятиях. Значок выпал у неё из ладони, уколов его в грудь.

– Ой, значок. «Участнику международной конференции по Древнему Востоку», – прочитал и с удивлением спросил, – откуда он у тебя?

– Не знаю. Наверное, брат откуда-то притащил.

... Отец устроил настоящий праздник: столы ломились от яств, было много гостей, музыкантов, танцующих. Но взоры всех были прикованы к дочери правителя, красавице Инане. Её с трудом можно было узнать – так изменили её очаровательная и нежная улыбка, мягкий и глубокий взгляд, серебристый смех, плавные и грациозные движения. Она, любимица отца, была удостоена чести сидеть рядом с ним на пиру, наряду с наследником. В конце пира, разгорячённый вином и зрелищами правитель приказал всем умолкнуть:

– А сейчас будет танцевать моя дочь.

Она кружилась, гибкая и изящная, не замечая восхищённых взглядов, пока вдруг не наткнулась на тяжёлый и мрачный взгляд полководца. Он был бледен и явно чем-то раздосадован. Но она тут же забыла о нём, он давно выпал из её дум. Она была вся во власти новой любви, любви страстной и взаимной. И сегодня ночью она ждала своего возлюбленного, того самого бывшего раба, который теперь помогал её отцу строить флот. Он опаздывал, её сердце начало сжиматься от плохого предчувствия. Наконец послышались шаги, и вошли две фигуры, завернутые в накидки. К одной из них Инана кинулась с радостным смехом, но наткнулась на полный тревоги взгляд:

– Я пришёл проститься, Инана.

– Что? Ты насмехаешься надо мной?

– Нет, любимая. Мне дан приказ на рассвете выйти в море, повести корабли на север.

– Кем, отцом? Он ведь даже слышать не хотел об этом!

– Нет, полководцем.

– Он не имеет права командовать флотом.

– Уже имеет, после сегодняшнего пира он попросил твоей руки и получил согласие. С этой минуты он считается зятем правителя.

– Этого не может быть. Он открыто живёт со своей танцовщицей, как с женой. Даже если из-за корысти этот наглец посмеет просить моей руки, отец укажет ему на дверь.

– Он целый месяц как не живёт с ней в своём дворце, а неделю назад отослал её куда-то. И тогда же он, оказывается, говорил с твоим отцом, но правитель не поверил ему сначала.

– Я не верю этой змее и сейчас. Я его никогда не прощу. Да мне плевать на него. Я люблю тебя.

– Ты меня быстро забудешь рядом с ним.

– Рядом? Его никогда не будет рядом со мной.

– Инана, любимая, если так, тогда нам надо бежать прямо сейчас. Мой головной корабль, самый быстрый и надёжный, с преданными людьми готов к отплытию в любую секунду. Завтра мы будем уже далеко. Начнём новую жизнь там, где нас никто не знает.

Инана закрыла лицо руками. Она вся дрожала.

– Я не могу выставить отца посмешищем перед собственным народом, перед всем миром.

– Прощай, Инана.

... – Ты плачешь? Чем вызваны эти слёзы? Я был грубым? – Лала услышала встревоженный голос и почувствовала нежные прикосновения, вытирающие её слёзы с уголков глаз.

– Я, наверное, заснула и увидела очень печальный сон.

– Ты была такая беззащитная, никогда не забуду твоё лицо таким... А что за сон?

– Про царевну, которая отказалась бежать с любимым, чтобы не выставить отца дураком.

– Это ведь не про тебя, правда?

– Нет. – Лала крепко обняла своего жениха. – Конечно, нет.

ЖЕНЩИНА В 40...

Свой 40-й день рождения Сона встретила спокойно. Муж, дети, квартира – всё у неё было. Конечно, пятнадцать лет замужества не были безоблачными – была и нужда, когда она ходила по соседям и пыталась что-то продать, болезни, смерть родителей. Но есть такие женщины, которые всё умеют, за всем успевают и которые никогда не говорят "больше не могу".

Её большие глаза, за сходство которых с глазами Одри Хэпборн, её называли "наша Одри", не потеряли ни своего блеска, ни мягкости. Может быть, приобрели чуть грустную глубину. Она тщательно следила за своим весом и была по-девичьи стройна. Правда, как-то так получилось, что карьеры она не сделала. Заботы о двух детях, семейный быт полностью лежали на её хрупких плечах. Формально Сона работала на университетской кафедре на полставки, но, конечно, это было совсем не то, чего она могла бы достичь, скажем так, при благоприятном стечении обстоятельств.

Зато сложилась карьера у мужа Азата. Был момент, когда он сломался, хотел всё бросить, пойти шоферить и этим кормить семью. Тогда она распродала все свои драгоценности, и какое-то время шила и вязала на заказ. Но сейчас всё было позади.

Женская интуиция, однако, не давала ей полностью радоваться жизни. Было что-то в Азате, внушающее тревогу, то, что на первый взгляд выглядело как обычно. Что поздно приходит домой – он всегда поздно приходил домой; молчит часами и приходит в ярость, когда начинаешь заговаривать с ним – он всегда был грубым, ничего не поделаешь – особенность кавказского воспитания мальчиков. Со всем этим она если и не мирилась, то молча терпела, потому что была уверена – Азат её любит и верен ей. У неё не было никаких сомнений в этом, когда он приходил к ней ночью, разбитый от усталости, и нежно, совсем как мальчик, целовал ей руки и говорил – "Я тебя очень-очень люблю, Сона", – и засыпал, уткнувшись лицом ей в шею.

Теперь он всё чаще и чаще засыпал в гостиной перед телевизором. А затем стал вообще не приходить домой ночевать. Сначала из-за проблем на работе, потом, когда проблем не стало – по причине загородных пикников в мужской компании, участились командировки. Она очень хотела верить, что за этим не стоит нечто разрушительное, но он перестал говорить, что любит.

Она молчала и ждала – месяц, другой, третий. От постоянной грызущей изнутри тревоги, с которой она не могла ни с кем поделиться, она сбросила ещё пару килограммов. Надо было что-то делать.

Она как раз размышляла об этом, ожидая детей в холле, где проходили курсы английского языка, когда заметила направленный на неё пристальный и полный запредельной тоски взгляд одной из родительниц. Между этой женщиной и Соной образовалось нечто, похожее на соревнование. Сона заметила, что стоит ей надеть что-то новое, как та появлялась в аналогичной вещи плюс кое-что из аксессуаров и драгоценностей. По материальной части Сона проигрывала – женщина одевалась очень дорого, но никакая одежда не могла скрыть дефекты фигуры, тем более при патологической – как казалось недоумевающей Соне – любви той к брюкам. Сегодня Сона была в короткой юбке и сидела, закинув ногу на ногу, давно привыкшая к восхищённым и завистливым взглядам, но этот взгляд её удивил – женщина признавала своё поражение в этом

молчаливом споре. И бросив на неё внимательный взгляд, Сона поняла – почему. Сегодня эта женщина одела длинную юбку, край которой немного задрался от неосторожного движения, и Сона увидела изуродованные страшнейшим варикозом ноги.

Её охватил ужас – они были наверняка ровесницами, и вот потихоньку та сходит с дистанции, как сходили с дистанции другие знакомые ровесницы Соны – у одной подруги вырезали грудь, у другой камни в почках, у третьей – миома, а её соседка Эмма умерла от рака в тридцать восемь лет, оставив сиротами троих дочерей. А сколько ей, Соне, отпущено? Пусть это не от неё зависит, но от неё зависит использовать свои уже дни и минуты пока ещё молодости для любви. Это – преступление перед собой, лишать себя последних лучей, последнего жара звезды по имени Любовь.

Глубокой ночью, когда Азат, наконец, появился домой и расслаблялся, уткнувшись в телевизор, она встала с постели, надела новый атласный коротенький халатик и вышла к нему.

– Сона, – даже не взглянув на неё, раздражённо сказал он, – почему ты не спишь?

– Я требую выполнения супружеского долга, – тихо, твёрдо, без тени кокетства сказала Сона.

– Что?!

– Что слышал.

Азат опустил глаза и тяжело вздохнул.

– Нам нужно поговорить.

У Соны засосало под ложечкой.

– Сона, я больше не могу с тобой спать, – выдал, наконец, из себя Азат.

– Ты болен, любимый? – спросила Сона со всей беспредельной нежностью и состраданием, на которое только способно человеческое сердце, – я тебе помогу, я всё сделаю...

– Какое великодушие, жертвенность... Ты ведь всегда шла на жертвы ради меня.

Сону поразила злость, с которой он говорил.

– А ты любила меня?

– Конечно, как ты можешь так говорить, – Соне вдруг стало не хватать воздуха.

– Ты – прекрасная жена. Красивая, верная, чистая, здоровая, прекрасная хозяйка, прекрасная мать – безупречна, одним словом. – Он прокричал последние слова и грязно выругался. – Совершенство, ну что тут добавить! Но только ты меня, меня, ты не любила! Ты любила своего мужа, и кто бы не оказался на моём месте – ты была бы точно такая же! Ты выполняла бы свой долг жены, матери точно так же!

Сона поняла только одно – она вызывает отвращение.

– Сона, я не хочу развода. И не потому, что ты – мать моих детей и я многим тебе обязан. Ты мне ... не безразлична. Я хочу приходить с работы в этот дом и видеть тебя и детей, и знать, что всё – в порядке.

Только услышав слово «развод», Сона поняла, как далеко всё зашло. Это был не результат стресса, выброс отрицательной энергии, а значит, явление хоть и неприятное, но временное – как она поначалу подумала. Её убрали с дистанции, её больше не хотели. Нашлась, видимо, та, которая любит его как уника, одного-единственного и неповторимого, и которой наплевать – муж он ей или другой. Интересно только, почему такой бескорыстной не нашлось десять лет назад, когда он был намного моложе, красивее и беднее, чтобы штопать его носки?

Сона подавила в себе желание ответить ему. Бесполезно было опровергать его абсурдные и глупые слова. Единственное, что ей оставалось – это собрав остатки воли и достоинства, уйти.

Сона прошла на кухню, выпила успокаивающее – без этого заснуть не удавалось уже пару лет и приказала себе не плакать, – она пока ещё молода и красива. И у неё есть шанс начать всё с начала.

Внешне всё оставалось по-прежнему. Там, на Западе или в Америке, женщина на её месте, конечно, подала бы на развод. А может быть, и не подала. Слишком сурова жизнь для одинокой женщины, слишком большая ответственность за детей, находящихся в самом сложном переходном возрасте. Как это не неприятно, но любящей матери приходится жертвовать и самолюбием, и женским счастьем ради детей.

Но Сона сделала соответствующие выводы из полученного урока. Теперь она стала работать на полной ставке, потихоньку взялась за преподавательскую деятельность. С удовольствием сама начала выезжать с коллективом на пикники, даже не ставя Азата в известность. Она тщательно старалась не выдать перемену в их супружеских отношениях неосторожным словом, намёком, даже вздохом. Ну а насчёт последних мгновений любви... были ведь женщины, хранящие верность

своим умершим возлюбленным. А, возможно, она встретит ещё свою настоящую любовь, кто знает – только не надо спешить и, как говорится, людей смешить.

С Азатом она практически не разговаривала. Для неё он перестал существовать как мужчина, не было ни явного, ни тайного желания вернуть его. И она была готова оформить официально развод по первому его требованию. Но он молчал, стал больше проводить времени дома и был очень внимателен к детям. По просьбе старшего сына он отправил их в конный лагерь, находящийся в живописнейшем уголке страны. Точнее, это был дорогой пятизвёздочный отель со всеми его атрибутами и уроками верховой езды на великолепных породистых лошадях. С ними поехала и мать Азата. Сона очень хорошо относилась к свекрови – интеллигентной, тактичной и мудрой женщине, и старалась избегать становившегося всё более тревожным вопроса в её всё ещё прекрасных чёрных глазах.

Однажды в размеренный и комфортный ритм отеля ворвался дерзкий молодёжный дух. Стройные, улыбающиеся, свободные и ещё не битые жизнью студенты и аспиранты как будто повернули к Соне ту грань жизни, за которой есть праздник и свет. Она, не раздумывая, присоединилась к организованному ими походу к дальней горной церквушке VII века. Сын Соны слегка подвернул ногу и немного прихрамывал, а дочку она просто не захотела взять, сославшись на трудный маршрут. Ей захотелось на несколько часов ощутить себя свободной.

Когда группа, возвращаясь, сделала небольшой привал, Сона намеренно отошла в тень большого дерева, далеко от всех, чтобы не слышать ничьих голосов, смеха. Чтобы была только земля, воздух и она. Вдруг она почувствовала, что рядом с ней кто-то есть. Она открыла глаза и увидела Артура. Ему было не больше 24-25-ти и он был очень хорош собой. Артур молча смотрел на неё, в его взгляде светился маленький огонёк и от неё, от Соны, зависело превратится ли этот огонёк в пламя. Она без колебаний обвила его шею руками и обожгла поцелуем, каким целует только женщина, знающая, что осталось очень мало и не тратящая драгоценного времени на кокетство и пустой флирт.

– Не здесь, – прошептала она.

– Конечно. Только скажи, где и когда.

– Сегодня. Встретимся вечером в баре.

– Если раздумаешь и не придёшь – я пойму.

"Я приду, милый мальчик", – подумала про себя Сона, но вслух ничего не сказала.

Вернувшись, уже в коридоре номера она вдруг уловила напряжённое молчание, исходившее из комнаты. Она вошла и с её лица сразу же сошла улыбка, когда она увидела Азата.

– Азат приехал буквально через пять минут после твоего ухода и с утра ждёт тебя, – очень мило проговорила свекровь.

– Зачем? – с холодным удивлением спросила Сона.

У свекрови остановился взгляд. Но она быстро овладела собой и торопливо вышла из комнаты, позвав за собой детей:

– Дети, пойдёмте со мной, купим мороженое.

Азат всё это время внимательно смотрел на Сону.

– Ты действительно не можешь сдержать своё отвращение, когда видишь меня или просто хочешь это показать моей матери и детям?

– Что тебе нужно от меня? – довольно грубо перебила его Сона.

– Я хотел спросить, достаточно ли я даю тебе денег, и не нужно ли тебе ещё.

– Во-первых, половина того, что ты зарабатываешь, это мои, понял, мои деньги. И я трачу свои собственные...

– Сона, мы – не дома. Не кричи, прошу тебя. Я совсем не это имел в виду, что ты подумала. Я ждал тебя, чтобы мы вместе поехали домой. Умерла Ано, завтра похороны.

Ано была близкой подругой Соны.

– Не может быть. Почему? – От шока у Соны пропал голос.

– Расскажу всё по дороге. У нас мало времени. До города около трёх часов езды.

Разбитая от усталости, Сона вошла в квартиру и сразу же подошла к телефону. Азат выхватил трубку из её рук.

– Не надо никуда звонить. Застрянешь у телефона на два часа. Лучше отдохни.

Соне показалась странной подобная забота, но день был слишком богат на события, и она молча пошла принять душ. Она расчёсывала волосы в спальне, когда туда вошёл Азат.

– Ты прекрасно выглядишь. А в этом халатике, и без косметики ты – как девочка. Даже лучше.

Он протянул руку, но Сона резко дёрнулась.

– Уходи, Азат.

– Сона, я очень глупо поступил, когда сказал, что Ано умерла. Но, иначе я не смог бы тебя привезти домой.

Сона в изумлении уставилась на него и бросилась к телефону. Набрал телефон Ано и поговорив с нею, она в ярости набросилась на Азата:

– Грязный циник, в последний раз ты мной манипулируешь! Ненавижу! Полгода назад я тебе надоела и ты бросил меня как старую ненужную вещь. Сейчас вдруг на тебя нашло и ты обманом приволок меня домой! Зачем?! Хочешь изнасиловать? Живую меня не получишь!

Азат стоял бледный и неуверенный, совершенно непохожий на себя. Он молча глотал обрушившийся на него поток слов и проклятий и, когда Сона, устав, разразилась слезами, подошёл к ней и опустил рядом с ней на колени.

– Сона, я виноват перед тобой. Я готов сделать всё, что угодно, только чтоб ты меня простила и вернулась ко мне.

– Нет. Пока мне сорок, мне надо научиться жить без тебя. А что если я тебе опять надоем года через два, или через два месяца? Я проявила малодушие, надо было нам развестись. Это сегодня я ещё как девушка, а завтра я буду просто старуха. И ты уйдёшь, даже не обернувшись. Но ведь и после пятидесяти лет надо жить, лучше этому научиться сейчас.

– Сона, я тебя любил пятнадцать лет и люблю сейчас, и буду любить такую, какой станешь и через пять лет, и через десять. Ты у меня в крови, ты – моя половина, без тебя всё теряет свой смысл. Мне это казалось зависимостью, поэтому я так жестоко тебя обидел и ещё более жестоко наказал себя сам. Прости меня.

Сона молчала.

– Ты должна меня простить! Я не какой-нибудь хахаль с улицы, которого за малейшую провинность гонят взащей. Я – отец твоих детей, в конце концов, я – твой первый мужчина.

Как ни странно, но именно последние слова тёплой каплей упав на обледеневшее сердце Соны, начали его оттаивать.

– Сона, я сейчас уйду. Будет так, как ты решишь.

Азат убрал голову с её колен и, отойдя, оставил её вдруг без тепла. Соне сразу же стало холодно, у неё закружилась голова и показалось, что на неё обрушивается потолок.

– Азат! – закричала она инстинктивно.

Он кинулся к ней из коридора и крепко обнял. Соприкосновение было таким жгучим и таким неузнаваемо новым, что Соне показалось, что её обнимает совершенно незнакомый мужчина. Она как-то сразу поверила, что нашла фундамент, на котором построит свою новую жизнь. Строили же наши предки христианские церкви на фундаменте старых языческих храмов.

ЖУРНАЛИСТКА И ХУДОЖНИК

Нанэ отмечала свой 30-летний юбилей с большой помпой. Было много подарков и сюрпризов от друзей и коллег, но главный подарок сделала она себе сама – это успешная профессиональная карьера, признание её таланта коллегами, редакторами зависимых и независимых изданий и программ. Она была всем нужна, любима, востребована. Обнаруженная недавно ещё одна грань её таланта – художницы, также была высоко оценена и обласкана критиками, профессионалами и полупрофессионалами, любителями и зрителями.

К ней зашла её бывшая школьная подруга и соседка – Ани. Они радостно поцеловались – так редко удавалось встретиться. Ани была замужем и жила теперь в одном конце города, а Нанэ снимала квартиру – в другом, она была самостоятельной девушкой, и жила как хотела.

– Слушай, Нанэ, ты теперь кто – журналистка или художница? – восхищённо рассматривая её картины, спросила Ани.

Она ахнула, увидев портрет Нанэ, подписанный самим Арто – живой легендой. Нанэ улыбнулась.

– Слушай, а ты слышала про Вагана, фидайна? Он – профессиональный художник, прошёл всю войну, и рисует. Его картины на Вернисаже продают. Он теперь в мамином районе живёт, были бы соседями, если бы не переехала.

– Нет, не слышала. Но было бы интересно познакомиться, – в Нанэ заговорила и журналистка, и художница. – А в каком стиле он рисует?

– Не знаю. Не видела ни его самого, ни его картин. Я совершенно случайно встретилась у мамы с его матерью, она заходила к ней по делу.

– Послушай, будь другом, узнай у мамы его адрес. Я ищу таких людей.

– Конечно. Позвони мне через пару дней.

Нанэ вспомнила про разговор с Ани через неделю и позвонила, лихорадочно стараясь выкроить в своём расписании пару часов для предстоящего визита.

– Нанэ, знаешь, мама адрес категорически отказалась давать.

– Почему? – удивилась Нанэ, которую, казалось, уже ничем нельзя было удивить.

– Она сказала, что он – шизанутый. Понимаешь, он был ранен в лицо.

– Он очень сильно изуродован?

– Понятия не имею. Я его никогда не видела.

– Но он же рисует. Разве нельзя прийти и посмотреть его картины? Мы все друг к другу ходим, это естественно для людей искусства. Я сама позвоню твоей матери и попрошу...

– Нет, Нанэ. Она так накричала на меня. Сказала, чтобы мы не связывались. Что неизвестно, как он отреагирует. Что его собственная мать называет его психопатом. Он рисует только войну и своих погибших товарищей.

Нанэ помолчала и потом спросила:

– Ты знаешь его полные имя, фамилию, отчество и год рождения?

Через две недели Нанэ вместе с общими знакомыми с Вернисажа пришла к Вагану домой. Он с матерью и незамужней сестрой жили в мрачном полуразрушенном собственном доме, на который мать еле-еле сумела наскрести денег, продав дом в деревне, доставшийся ей по наследству от отца, и большой земельный участок под сад. Мастерская Вагана располагалась в полуподвале, и, казалось, была создана для того, чтобы в ней рисовали Боль, Одиночество, Смерть и Забвение. После этого она часто заходила к Вагану – дверь его мастерской всегда была открыта, и молча смотрела как он рисует, иногда пятнадцать минут, иногда – пять. Он, казалось, её не замечал – не разговаривал с ней, не приглашал выпить кофе, не смотрел в её сторону – но и не выгонял. После того, как он однажды поймал её взгляд и сосредоточенно продолжил работу, Нанэ поняла, что он к ней привык.

Как-то раз, когда она зашла к нему утром по дороге в редакцию, мастерская была пуста. Но на мольберте прямо напротив двери стояла картина. Нанэ поняла: с ней хотят посоветоваться. Вскоре пришёл Ваган и встал рядом, повернувшись к ней неизуродованной стороной.

– Это картина для продажи? – спросила Нанэ.

– Да, если получится.

– А за сколько ты их продаёшь?

Когда Ваган назвал сумму, Нанэ вскрикнула:

– Но это едва окупит затраты на холст и краски.

– Я счастлив, получив и это. Всем нужны голые бабы.

– Но ведь ты – профессионал. Почему бы и тебе не рисовать обнажёнку и получать за это деньги. Работа есть работа. Она должна кормить человека.

Ваган закурил.

– Даже если бы захотел, не смог бы найти натурщицу, – молодую, красивую. Это – большие деньги. А рисовать без натуры – мальчишеские грёзы, а не полотно.

– Я могла бы тебе позировать. Говорят, у меня красивая фигура.

У Вагана сигарета выпала изо рта. Он закашлял.

– Нет, нет, Нанэ. Я вовсе не хотел... У меня даже мысли не были, что Вы меня так поймёте. И потом, Вы так заняты...

– Да, Ваган, я очень занята и у меня очень много работы. Но мы – коллеги и должны друг другу помогать. Мне тоже очень часто помогали. Совершенно бескорыстно. И если я сейчас хоть чем-то смогу помочь своему собрату – художнику, я как бы верну долг.

– Спасибо. А когда ты сможешь?

– У меня есть час. Давай прямо сейчас. Только закрой дверь.

Ваган закрыл дверь и отвернулся к окну.

– Всё. Я готова.

Нанэ стояла совершенно обнажённая, босиком и очень естественная. И Ваган сразу понял, кого он должен рисовать, саму богиню-воительницу Нанэ, такую же прекрасную и бесстрашную, как та Нанэ, которая стоит сейчас перед ним. Он сел на стул и начал рисовать карандашом в альбоме. В полном молчании он работал целый час. Потом, посмотрев на часы, сказал:

– Один час уже прошёл. Я бы не хотел, чтобы ты из-за меня опоздала.

– Да. Мне пора, – голос Нанэ прозвучал устало.

Ваган вышел, Нанэ оделась и позвала его:

– А можно посмотреть, что ты нарисовал?

Ваган молча протянул ей альбом, Нанэ восхищённо заулыбалась:

– Ты – мастер.

– Нанэ, я не хочу злоупотреблять твоим великодушием, но мне необходим ещё один сеанс.

– Завтра, в то же время. Пока.

Она быстро и деловито зашагала на своих каблучках, – уверенная, успешная, – своя в новой благополучной жизни, такой непонятной Вагану. Эта новая жизнь была не только непонятна, она казалась ему страшно неблагодарной, потому что наглухо заперла его в сыром полуподвале, и после того как выжала из него всё за своё сегодняшнее благополучие. Но, по-видимому, он ошибался. Вот эта дверь, из которой пришла к нему Нанэ, дерзко потревожив царящий здесь мрак, и войдёт завтра, и он сможет точно также выйти из своего полуподвала на солнечный свет, туда, где живёт Нанэ.

Она пришла на следующий день немного раньше.

– Хотела прийти пораньше, чтобы ты подольше смог поработать, но меня перехватила соседка, такая балаболка, еле избавилась.

Ваган заметил, что улыбается. Непосредственность Нанэ, полное отсутствие какого-либо жеманства, создавали особую ауру лёгкости и искренности. И когда она по просьбе Вагана запрокинула голову, собрав длинные волосы высоко поднятыми руками, он понял, что больше не может рисовать.

Он швырнул кисть на пол и, уткнувшись низкоопущенной головой в колени, резко сказал:

– Нанэ, немедленно уходи.

Она всё поняла.

Нанэ колебалась всего лишь мгновение. Нет, она пришла сюда не за приключениями и не была их любительницей, и что за чувство захлестнуло её сейчас и заставило подойти к Вагану – она сама не поняла. Но это было сильнее неё. Она подняла руками его голову и села к нему на колени, обняв его за шею.

– Нет, Нанэ. Я не хочу, чтобы ты меня жалела.

– Я тебя не жалею, я просто тебя хочу. Также, как и других до тебя, сумевших зажечь во мне это желание, – очень просто сказала Нанэ, целуя его в губы.

Ваган уже горел и сквозь пламя «пожара» он едва расслышал её слова:

– Нет, нет, не здесь, в этой грязи. Давай поднимемся к тебе в комнату.

Он почувствовал, что она хочет встать и удержал её силой. Ваган себя уже не контролировал и даже не услышал её просьбу, произнесённую в полном отчаянии:

– Ну, хотя бы предохранись...

Что он наделал, он понял, когда пришёл в себя и обнаружил, что обнимает безучастное и поникшее тело. Совсем как грубый варвар, который вместо того, чтобы любоваться прекрасным цветком и насладиться его запахом, взял и сожрал его.

– Нанэ, родная моя, прости. Ну, прости меня. У меня давно никого не было. Я не удержался... Почти, как в первый раз. И, даже, не почти... Ты – первая.

Нанэ, наконец, сумевшая высвободиться, еле сдерживая слёзы, сказала:

– Ты меня всю измазал!

– Если забеременеешь, я на тебе женюсь, – сказал Ваган.

Он сказал это от всей души и очень честно, но вышло глупо, поэтому Нанэ пришла в ярость и уже, не сдерживая слёз, закричала:

– Не забеременею! Не дождёшься!

Она кое-как нацепила одежду и, пройдя в ванную, хлопнула дверью прямо перед самым носом Вагана.

Он стоял за дверью и вдруг понял, что его мучает чувство, с которым распрощался, казалось, навсегда – чувство вины.

Столько лет все были виноваты перед ним. И родина, и президент, и народ, и Красный Крест – все, одним словом. А теперь он тоже оказался виноват, причём кругом виноват, и – перестал быть особенным и стал, как все.

Нанэ вышла из ванной, вымытое лицо ещё хранило отпечаток мужской, его, Вагана, обиды. Он привлёк её к себе:

– Ты меня ненавидишь?

– Ну что ты! Что за глупости!

– Тогда обними и скажи, что больше не сердишься.

Нанэ рассмеялась:

– Я совершенно не сержусь. Наоборот, я очень горжусь. Ведь, я – первая, правда?

– Да. Ты – первая, – твёрдо сказал Ваган.

Сам господь бог теперь не смог бы его убедить, что это было не так.

– Но такое счастье всегда связано с определёнными издержками, – прыснула Нанэ.

– А когда ты завтра придёшь?

– Давай лучше ты ко мне. У тебя здесь такая грязь. И вообще, никаких удобств – ни дивана, ни ванны, ни полотенца, ни кресла. Считаю, что стула у тебя тоже нет. Сейчас у меня нет времени, но в следующий раз, когда я приду, – я обязательно его разломаю.

– А как же картина?

– Какая картина? – удивление Нанэ было неподдельным.

– Нет, я так ляпнул. Когда мне к тебе прийти?

– Завтра у меня эфир в пять. В восемь приходи, поужинаем. Знаешь, что я приготовлю?

Аджарское хачапури.

– А если я хорошо себя буду вести, ты оставишь меня на ночь?

– Может и оставлю, – закокетничала Нанэ.

– А замуж пойдёшь за меня?

Ваган почувствовал, как она вздрогнула в его объятиях.

Её не один, и не два, и даже не три раза просили выйти замуж. И она всегда сходу отвечала «нет», заслужив репутацию «вздорной девчонки», которая с жиру бесится.

Но она не бесилась с жиру, она искала ту неповторимую интонацию, единственный зов, за которым хотелось бы пойти. И сейчас, именно сейчас ей показалось, что она услышала именно этот голос.

– Нанэ, ты выйдешь за меня замуж?

У Нанэ больше не было сомнений.

– Может, и выйду.

ЗАМОК НА НОВОКУЗНЕЦКОЙ

Посвящается железнодорожным войскам
(сентябрь 1985)

В 24 года жизнь прекрасна, особенно, если ты работаешь в «почтовом ящике». Туда многие стремились, несмотря на некоторые ограничения на выезд за границу. Зато, работая там, можно было попасть туда, куда других не пускали. Например, в Замок на Новокузнецкой, куда я была командирована. Командировка, честно говоря, не была так уж необходима. Я должна была выступить на Всесоюзном семинаре молодых учёных и специалистов, доклад мой был готов, но я, удачно выбрав момент, сказала начальнику отдела, что докладу не хватает кое-каких деталей, и он подмахнул заявление о командировке, сливнив сразу после подписи на свадьбу дочери.

Командировка всё же не совсем отпуск. И я, придя в себя на третий день после столичных впечатлений, решила заняться деталями доклада. Выйдя на Новокузнецкой, я позвонила по телефону-автомату:

– Здравствуйте, можно полковника Иванова.

– Он умер, – ответил женский голос.

– Что? Не может быть ...

– Может.

Последовал отбой. Что делать? Надо поговорить с его заместителем!

– Алло, а можно заместителя полковника Иванова?

– Кто его спрашивает? – ответил то же самый женский голос.

– Я с ВЧ №Х. У меня командировка...

– Минуточку.

Через секунду я услышала мужской голос:

– На Ваше имя выписан пропуск. Когда Вы сможете подойти? Ах, Вы уже здесь. Тогда ждём Вас через полчаса.

На пропуске был указан номер комнаты, и я, пройдя длинными коридорами, через полчаса вошла туда, приняв приличествующий в таких случаях скорбный вид.

В комнате сидел невероятно красивый подполковник с синими-пресиними глазами и светлыми волосами. Я протянула ему документы, подумав про себя, что с заместителями иногда даже приятнее иметь дело, чем с самими начальниками.

– А почему умер полковник Иванов? Начальник отдела разговаривал с ним три дня назад и просил передать ему письмо. Что случилось?

Подполковник ошарашено взглянул на меня и тихо спросил:

– Кто Вам сказал, что полковник Иванов умер?

– Я позвонила вот по этому телефону и мне так сказали.

– А голос был мужской или женский?

– Женский.

Подполковник понимающе ухмыльнулся. Потом позвонил по телефону:

– Она уже здесь. Все документы в порядке, – и положив трубку, посмотрел на меня, – полковник Иванов ждёт Вас. Пройдите вот в эту комнату.

– Какой Иванов? – теперь я ошарашено взглянула на него, успев в самый последний момент не задать ещё более глупый вопрос: «А разве он не умер?».

– Дмитрий Фёдорович Иванов, живой и невредимый.

Молоденький лейтенант бросился к двери и распахнул её передо мной. За большим столом сидел маленький, толстый, и как всегда бывает в таких случаях, лысый человек. Как правило, такие «случаи» имеют привычку быть страшными женолюбями. Краем глаза я заметила в углу комнаты эту «страшную» в самом прямом смысле привычку полковника Иванова, и, сложив дважды два, получила объяснение и его скоропостижной смерти, и чудесного воскресения.

– Уй ты какая, – часто-часто заморгал шаловливыми глазёнками Дмитрий Фёдорович, минут пять комкая письмо в моей руке и по-детски невинно улыбаясь. – Ну-ну, посмотрим, что это нам Константин Андреевич отписал. Так ты доклад готовишь? У-у-х, ты какая!

Он подошёл ко мне и неожиданно ущипнул за щёчку. Тут же в этот миг из угла смерчем накинута на него дама – то ли секретарь, то ли «товарищ», и потянув его за рубашку на спине, задним ходом утащила в другую смежную дверь. Через несколько минут эта дверь открылась и появилась голова дамы:

– Линиями связи занимается полковник Петров.

Дверь захлопнулась. Потом снова открылась:

– Второй этаж, четвёртая дверь от мужского туалета. Номер не помню.

Я очень быстрым шагом прошла через все двери в коридор, и, выйдя во внутренний дворик, отдышалась. Деревья и газоны дворика, как и во всех замках, были ухоженными и радовали глаз. Но ещё больше обрадовал глаз маленький магазин, забитый «дефицитом», и без очередей. Окончательно пришла я в себя в буфете за кулебякой, которую могли приготовить только самые искусные повара – в Замки, разумеется, приглашаются только такие мастера своего дела.

Отдохнув и подкрепившись, я отправилась на поиски полковника Петрова. Второй этаж, четвёртая дверь от мужского туалета, – всё правильно, вроде бы. Я открыла дверь и вошла. Комната была большая и разделена перегородкой, за которой громко говорили по телефону. В комнате же за столом сидел и писал только один мужчина в штатском. Я поздоровалась с ним и тихо спросила:

– Полковник Петров здесь сидит?

Он закивал головой и пальцем показал на перегородку. И так же тихо сказал:

– Подождите немного. Очень важный разговор с «периферией».

Разговор шёл крутой, и как-то неожиданно, вдруг перешёл в трёхэтажный мат. Мужчина в штатском резко вскочил с места и побежал за перегородку. Разом наступила тишина. Потом

вышел полковник Петров – высокий, квадратный, с благородной сединой, со свежими красными пятнами на щеках и шее, и беспомощно-виновато моргающими голубыми глазами:

– Вы, девушка, собственно, что тут делаете?

Ничего себе вопрос, с чего начать не сразу сообразишь и в спокойном состоянии, ну а после нечаянно подслушанного мужского разговора...

– Мне сказали, что Вы занимаетесь линиями связи, а мне...

– Да кто такое сказал, ё-й-й-ой, – полковник запнулся и зашёлся в кашле, беспомощно опустившись на стул.

Мужчина в штатском быстро налил воды в стакан и поднёс полковнику. Тот жадно выпил воду, и стараясь не смотреть на меня, сказал:

– Это полковник Смирнов занимается линиями связи. Четвёртая дверь от женского туалета на нашем этаже, но в обратную сторону.

– Да, я уже ушла. Извините. Спасибо, – это я произнесла в дверях.

Время уже было обеденное, коридоры заполнились офицерами. И я, чтобы не путаться под ногами, решила всё же зайти к Смирнову, и либо перехватить его до перерыва, либо переждать перерыв в спокойном кабинете.

Четвёртая дверь от женского туалета в обратную сторону, – вот, вроде, та самая дверь. Я открыла дверь и вошла. На меня тут же зашикали двое лейтенантов:

– Ш-ш-ш...

Слева в углу около окна за большим столом сидя в кресле дремал полковник, Смирнов, как я поняла. Перед ним на столе был укреплен карандаш. Голова полковника медленно, но неуклонно опускалась вниз прямо на остро очиненный грифель карандаша. Лейтенанты прекратили все дела и напряженно ждали кульминации. В сантиметре до грифеля полковник встрепенулся и выпрямился в кресле. Лейтенанты разочарованно переглянулись друг с другом, а полковник, увидев меня, усиленно стал тереть глаза:

– Это ты её привёл, Попрыгунчик? Доиграешься в один день.

– Да Вы что, товарищ полковник, – обиделся один из лейтенантов, – сама пришла.

– Да– а, сама пришла? – обратился ко мне полковник Смирнов.

Наконец-то был задан четкий вопрос, на который можно было дать четкий ответ:

– Сама, товарищ полковник.

– Чем обязан? – Смирнов важно нацепил на нос очки.

– Мне надо отметить командировку, – следуя заданной полковником Смирновым четкости в мыслях, как за путеводной звездой, ответила я.

– Ну, так это к полковнику Иванову, – он внимательно прочитал все документы.

– А он меня к Вам направил, – я это произнесла твердо и решительно, показывая всем своим видом на всю абсурдность и невозможность мысли о возвращении назад к полковнику Иванову.

– Ну, хорошо... – после некоторого колебания сказал Смирнов.

Полковник, на моё счастье, оказался человеком, не боящимся принимать решения.

...Я вышла из Замка. И когда должна была уже свернуть так, чтобы Он скрылся из виду, обернулась. Замок стоял величественный и милый. Прощай, Замок! Я провела в твоих стенах незабываемый день, соприкоснувшись к твоим тайнам, проблемам, трудным будням, весёлым розыгрышам. Немного помешала, как свойственно Случайной Гостье, но за это, Замок, посылаю тебе воздушный поцелуй!

БУЛКА

Челноки возвращались из Польши домой, в свои родные горы. Они все – члены тургруппы, были либо близкими, либо дальними родственниками, что-то вроде кланового подряда, и, как правило, занимали один самолёт. На этот раз с самолётом вышла накладка – их рейс был, оказывается, дополнительным, его отменили. Деньги за билеты с грехом пополам вернули – и всё, делайте теперь, что хотите. Билетов на нужный рейс в кассах оказалось всего два и то – через неделю. Руководитель пошёл по кабинетам, предупредив родственников, что если повезёт, и удастся «найти» самолёт – надо будет «скинуться». Ну, об этом даже и предупреждать не надо

было – все были готовы, вопрос был только в том, как к этой готовности отнесутся польские начальники.

Вскоре руководитель вернулся с поляком в форме, начальником смены, который, вроде, мог бы пойти навстречу застрявшим на неопределённый срок кавказским туристам при одном условии. Все согласно закивали головами, многие уже вытаскивали деньги.

– Мне – женщину на пять минут. И через полчаса вы все – в самолёте.

Поляк сказал это по-русски, – распад СССР только усилил распространение русского языка по всему миру, – не понять его было невозможно. Все его прекрасно поняли и оказались в состоянии столбняка.

Поляк невозмутимо оглядел всех и добавил:

– Я – в своём кабинете. Поторопитесь, если моё условие вам подходит. Если нет – больше меня не беспокойте.

И ушёл.

Все молча переглянулись. Незамужние и замужние покраснели. А пара разбитных разведёнок раздражённо пожали плечами – если бы тайно, на ушко бы намекнули, чтобы никто не слышал, ещё можно было бы – ради общего дела. А так демонстративно взять и пойти в кабинет – нет уж. И тут, к руководителю подошла Булка:

– Где кабинет?

Руководитель открыл рот и часто-часто заморгал:

– А – а – ы, в каком смысле?

– Где этот поляк сидит, которому женщина нужна?

Её звали Булкой, потому что её полное коричневое лицо «украшали» бородавки, совсем как коричневую корочку булки чёрненькие изюминки, всплывшие в результате запекания на поверхность. Она была «уже в возрасте», очень полная внизу. Купленные плащи и пальто всегда укорачивались почти наполовину и никогда не застёгивались на последнюю пуговицу. Булка обожала дешёвый парфюм со сладким запахом, который вместе с её природным ароматом создавали невыносимую ауру.

Руководитель безнадежно вздохнул и, махнув рукой, удалился с ней. Оставшиеся старательно делали вид, что ничего особенного не произошло. Всех мучил один и тот же вопрос, а что если поляк, совершенно справедливо, воспримет визит Булки как издевательство и посадит их всех за оскорбление должностного лица при исполнении служебных обязанностей. Через пятнадцать минут пришёл руководитель с милой секретаршей польского начальника, которая у всех собрала паспорта. Через полчаса их всех пригласили на посадку. Поляк оказался человеком слова. Сказал, через полчаса будете в самолёте – и слово своё сдержал.

И тут появилась, наконец, Булка.

– Где мои вещи? – зычным голосом спросила она.

– Вот, вот, мы всё принесли, – засуетился руководитель.

Она прошла вперёд, рассекая небольшую очередь родственников как нос корабля воду. Мужчины трусцой подбежали за ней с её чемоданами, услужливо выкладывая их на ленту транспортёра. В самолёт Булка тоже вошла первая, рядом с ней тут же заняли места мужчины, чуть не устроив потасовку между собой. Женщины устроились в хвосте, боясь даже взглядом выказать своё неудовольствие покинувшими их мужчинам, сгрудившимися вокруг Булки в тёплую компанию.

Все они старались её рассмешить, шутили, соперничая друг с другом.

– Эй, Фира, где ты там, – вдруг раздался властный зов Булки.

– Фира, Фира, зовёт тебя, зовёт, – пронеслось по салону.

– Да, я здесь, – Фира даже попыталась встать с места, совсем как школьница.

– У тебя, я знаю, обжора ты эдакая, всегда есть что-нибудь вкусенькое. Давай сюда.

По салону в направлении Булки поплыли коробки с печеньями, конфеты, журналы.

Фира переглянулась с сестрой:

– Слушай, как ты думаешь, а что она там с поляком делала? Неужели...

– Да нет, конечно. Он такой симпатичный мужик, европеец...

– Ой, а они, между прочим, такие извращенцы, – обернулась с сидения спереди одна из разведённых.

– Ну извращенец не в отношении же запаха. Ещё не описывались извращенцы, которым нравились бы вонючки.

– Ты не знаешь, – высокомерно вставила другая разведёнка, – в момент экстаза запахи не воспринимаются.

– Ну всё равно, – упорствовала Фира, – за пять минут ничего не успеть. И нечего тут из себя корчить, тоже мне, раскомандовалась.

– Ну, иногда и за две минуты укладываются, – тяжело вздохнула замужняя женщина с сидения сзади, – как бы там ни было, делала она что-то или не делала, но мы – в самолёте, и это – факт. Теперь она – героиня. Подождите, когда приедем, посмотрите, как она будет попрекать и напоминать. До конца жизни будем у неё в должниках.

– А ты с ней поругалась, – набросилась на сестру Фира, – теперь все будут говорить, что ты – скандалистка.

– А про неё будут говорить, что она – проститутка.

– Дура, проститутка – это комплимент. Мужики в очередь уже выстроились, сама посмотри. А вот скандалистка – это пятно. Никто на тебя смотреть даже не захочет. Так и останешься старой девой.

У несчастной, так неосмотрительно поругавшейся с Булкой, засосало под ложечкой. Она вдруг с ужасом припомнила, что еле-еле наметившийся жених был четвероюродным племянником двоюродной бабушки Булки – по кавказским меркам, довольно близкий родственник. У неё по щекам покатались тихие слезинки, а по салону торжествующе громыхал смех Булки.

От автора: в основе повествования – реальные факты. Если кто-то и усмотрит параллель с «Пышкой» Мопассана, то это потому, что история повторяется один раз в виде трагедии, а другой раз в виде фарса.

ИЗВРАЩЕНЕЦ

К заключению о том, что её муж извращенец Джаваир приходила постепенно с ростом их благосостояния.

Вышла замуж Джаваир в суровые, холодные и голодные постсоветские годы – как вдову взял за руку и пешком повёл к себе домой после ЗАГСА. На девятый этаж также поднимались пешком, таща тяжёлые чемоданы с приданым Джаваир – о лифте к тому времени думать забыли, еле-еле о свете удавалось хранить воспоминания, когда на два часа по веерному графику включали электричество.

И когда через пару месяцев обросший молодой муж вдруг начал странные приготовления в холодной зимней квартире: поставил стул в середину комнаты, из прихожей притащил зеркало и приладил его перед стулом, а потом вдруг с удовлетворённым видом притащил в комнату из кухни новый, кокетливый нейлоновый фартук Джаваир (тоже из приданого) и нацепил его на своей шее в качестве пелерины, Джаваир ещё не предполагала, во что она ввязывается.

– Ты не пострижешь меня? – вкрадчивым мягким голосом попросил Шаварш.

Этот вкрадчивый мягкий голос – единственный атрибут медового месяца, доставшийся на долю Джаваир, притупил её бдительность, которуюхватило только на то, чтобы робко попытаться увильнуть:

– Я этого не умею делать. И потом, по всей квартире будут волосы. Иди в парикмахерскую, дорогой.

– У нас на хлеб денег не хватает. А так сэкономим немного. Я знаю, ты на маршрутку деньги жалеешь, пешком ходишь.

– Нет, нет, я не из-за денег, просто это так полезно...

– Джавик-джан, это так легко. Я тебя научу, ты же у меня умница, лучше всякого парикмахера пострижешь.

"А волосы кто будет убирать?" – хотела вставить Джаваир, но тут Шаварш взял её руку и поцеловал – невероятная ласка для горца, ну а что говорить о неизбалованной горянке... Вопрос остался незадаанным – впрочем, он, по сути, был риторическим.

Закончилась война, снова круглосуточно подавался свет в квартиры, денег стало хватать не только на хлеб, но Джаваир продолжала стричь мужа дома, пока до неё не дошло, что, парикмахерскую, наконец, семейный бюджет вполне выдержит.

– А я не из-за денег не хочу идти в парикмахерскую. Я хочу, чтобы меня стригла ты, – заявил Шаварш в ответ на радостную весть об окрепшем семейном бюджете.

– Что значит, не хочу-хочу?! – задохнулась от возмущения Джаваир. – Нет, я больше не позволю тебе квартиру превращать в парикмахерскую.

Шаварш очень сильно обиделся, но Джаваир была непреклонна. Ничего, подуетса немного и пойдёт стричься как все нормальные люди.

В субботу она взяла детей и пошла к матери.

– А где Шаварш? – удивилась мать.

– Он занят. Придёт попозже, – делая вид, что ничего не произошло, сказала Джаваир.

Когда во двор собственного дома матери вошёл Шаварш с другом, она от радости, забыв этикет, бросилась к нему на шею.

– Лучше накрой на стол, – буркнул Шаварш, отстраняя жену.

– Да, дорогой, конечно, – Джаваир не любила ссориться и очень страдала, когда обиженный супруг бойкотировал её по своему обыкновению.

Выйдя из кухни во двор за картошкой, она вдруг с ужасом увидела стул в середине двора, перед которым друзья уже установили большое зеркало из прихожей.

– Нет! Только не это! Послушай, Карен, ты же умный человек, хоть тоже физик, как мой муж. Не иди у него на поводу. Пусть идёт в парикмахерскую.

– Все парикмахеры – "сапожники", – меланхолично ответил Карен.

– Больше "сапожники", чем ты? – Джаваир от ярости совершенно потеряла голову.

– Да. – Карен ответил очень твёрдо, Шаварш же вообще даже не оглянулся на жену.

– Ну хватит. Я не разрешаю. Это дом моей матери.

– Вот именно, и здесь ты – не хозяйка, как у меня дома. А твоя мама мне разрешает. Так что, давай иди на кухню, – в голосе Шаварша звенело неприкрытое злорадство.

– Мама, мама! – Джаваир вбежала в дом. – Мама, умоляю, только ты можешь положить этому сумасшествию конец. Выгони их немедленно!

Мать с каменным лицом огрела Джаваир веником:

– Заткнись сейчас же! Здесь тебе не твоя девятиэтажка. Я не позволю тебе позорить меня перед соседями и перед Кареном. Займись обедом для гостя, а потом уберёшь двор.

Предательство матери потрясло Джаваир до глубины души. Она осталась непонятой самым близким человеком.

После тяжёлых раздумий, Джаваир пришла к выводу, что, всё же, «извращение» мужа довольно безобидное, бывают вещи намного хуже. И потом, сразу такие отклонения искоренить невозможно. Она проявит мягкость вкупе с непреклонностью в данном вопросе – и вылечит Шаварша. Неизвестно, как дальше бы развивались события и выдержали бы брачные узы разработанный Джаваир курс лечения Шаварша, но Шаварш к моменту следующей стрижки уехал в длительную заграничную командировку.

Джаваир в тоске по любимому мужу совершенно забыла про его мелкие недостатки и безобидное извращение. Он звонил ей из Парижа и говорил: "моя любимая, я так по тебе скучаю", – она смеялась, как девочка и ждала, ждала его из Европы.

Первое, что заметила Джаваир, когда вошёл Шаварш в дом после командировки – это его отросшие до плеч волосы. "Надо немедленно отправить его в парикмахерскую", – подумала Джаваир в страстных объятиях соскучившегося мужа.

– Да, а я тебе такой подарок привёз из Парижа, – с горевшими от любви глазами сказал Шаварш.

Джаваир с трепетом взяла симпатичную коробочку, завёрнутую в блестящую тонкую фольгу с сердечками. "Шкатулка, шкатулка с амурчиками. А в шкатулке – кольцо, как раз на семилетие нашей свадьбы", – у Джаваир от волнения на глазах выступили слёзы.

– Как раз к семилетию нашей свадьбы, – будто прочитав её мысли, сказал Шаварш.

Джаваир разорвала фольгу, разодрала картон коробки – и перед её замутнённым взором предстала машинка для стрижки волос.

УЧЕНЫЕ – СВЕТ, А НЕУЧЕНЫЕ – ЩАСТЬЕ!!!

– Ой, девочки, такого подонка ещё поискать надо. Как он над ней издевался! Она – настоящая красавица, а он ей изменял. И с кем?! С самыми последними шлюшками. Я – свидетель! Всё своими глазами видела. Приходил домой пьяный и, представьте, избивал её! А у неё братья такие крутые, могли его в бараний рог скрутить, но она молчала, терпела, не хотела семью разрушать. Вбила в себе голову, мол, для детей лучше плохой отец, чем самый расхороший чужой дядя. Шила по ночам, торты пекла на заказ. Руки у неё – золотые! Из ничего – так накроет стол, так приготовит салаты, – пальчики оближешь. Я – знаю! Я – свидетель! Вот так терпела, мучалась, пока он, ОН, её не бросил. Негодяй! Уехал в Москву, и – такой подлец – ни одного рубля своим собственным детям ни прислал. Да бог с ними, с деньгами, ни одной строчки детям не написал, ни разу не позвонил.

А она, девочки, как он отвалил – так сразу и устроила свою жизнь. И так хорошо! Вышла замуж в Гер-р-манию. Причём, этот подонок всегда мечтал жить именно в Гер-р-мании. И вот она там, а он – нет. И такой благородный человек её новый муж, все условия создал для неё, усыновил детей, чтобы ни фамилии, ни отчества от того негодяя не осталось.

– А как он усыновил детей при живом отце? Это ведь – целое дело. Тем более для немцев-педантов?

– Гм, гм. Кажется, они не были расписаны. Она в 10-м училась, когда вышла замуж, ей тогда ещё восемнадцати не было. А потом, когда начались льготы для матерей-одиночек, она сама решила не регистрировать брак.

– А как вообще она вышла замуж в Германию, откуда она его нашла, сидя здесь?

– Ну, не знаю. Она – такая красавица, все были на её стороне, кто-то захотел помочь, наверное. Познакомили, или ещё как. Не знаю, в общем.

– Вот так вот. И десятый класс не закончила, и мать-одиночка с двумя детьми, и замуж в Германию с руками-ногами оторвали. А меня родители просто убивали этой учёбой. Мне казалось, что если не выучусь – солнце надо мной не взойдёт. Два диплома дома – нархозовский и университетский. А вот осталась с этими дипломами, – без работы, и без мужа. Может, если бы вместо библиотек по мужикам ходила бы, сейчас – в Швейцарии жила бы, да ещё вырывали бы друг из под друга!

У всех остальных вырвался тяжёлый вздох. У них у всех было высшее техническое.

ПРЕДОПРЕДЕЛЁННОСТЬ

Сказка

– Ну а сейчас всё внимание на меня. Что я сейчас расскажу – просто сенсация! – Гарик от возбуждения брызгал слюной.

Компания молодых людей, собравшихся отметить окончание института, сразу же прекратила шум. Все с удивлением посмотрели на молчуна Гарика, который умел говорить только о футболе.

– Вчера мы с дядей поехали на карьер заказать камень. Ходим, осматриваем глыбы, и вдруг, видим – огромная такая глыба, пра-вильной овальной формы. Мой дядя говорит, – какой странный камень, и похоже на то, что его обрабатывали. Мы отошли не-много назад и остолбенели. Если посмотреть издали, очень чётко можно было увидеть лицо. То, что на первый взгляд казалось выбоинами, явно имело искусственный характер и было глазами, носом и ртом.

Девушки дружно заохали.

– Ну мы сразу к шефу этого карьера, спрашиваем, откуда камень. Он говорит, да отсюда и откопали. Он тоже посмотрел, удивился очень и дал слово, что не разрешит трогать его, пока не посмотрят специалисты.

Гарик залпом выпил стакан «Фанты». Он и не рассчитывал на такой эффект. Пятнадцать пар глаз в полном молчании не сводили с него глаз.

– Ну мой дядя, вообще, патриот такой. На следующий день, мы с ним едем в Академию наук, там нас посылали то в один кабинет, то в другой – а он не сдаётся. Пробью эту стену бюрократов, говорит, ради нашей истории. В общем, нашли специалиста-археолога, дядя его – в машину и в карьер. И что бы думали? Камень этот оказался жертвенником доурартийского периода! Представляете! До-урар-ти-й-ского! V тысяч лет до нашей эры! До Урарту!

– Давайте завтра поедem в этот карьер! – все закричали одновременно. – Посмотрим на жертвенник. Пока его оттуда не забрали.

Астхик почему-то сразу же не захотелось ехать туда. Но на следующий день Ваагн с Гариком зашли за ней, прочно уселись в кресла и сказали, что не уйдут без неё. Ваагн был её соседом по лестничной площадке, другом детства, одноклассником, сокурсником. Они с детства были неразлучны, и с детства их терроризировали легендарными тётками – богиней любви и красоты Астхик и богом войны Ваагном. По легенде, Астхик и Ваагн были любовниками, и нимфы богини Астхик выливали из своих кувшинов воду в виде фонтанов, скрывая от посторонних взоров свою богиню во время её встреч с Ваагном. В честь этого каждый год на протяжении веков, в последнее воскресенье июля все жители страны обливают друг друга водой. Астхик всегда с ужасом встречала этот день, так и не привыкшая к шуточкам типа – «а что всё-таки ты там делаешь с Ваагном, пока мы вас прикрываем водой».

Они твёрдо отменили все поползновения родителей и окружаю-щих их сосватать. Все давно привыкли к их дружбе, в том числе поклонницы Ваагна и воздыхатели Астхик. Но Ваагн с Астхик всех успешно обманывали – их связывала не только дружба. Возможно, так они восставали против predeterminedности.

Пейзаж карьера с вывороченными камнями, безлюдьем и этот камень – послание далёких предков через тысячелетия – наводили странное оцепенение. Молодые люди обменивались фразами вполголоса, немного подавленные космической мощью и масштабом Времени и Незнаемого. Астхик подошла вместе со всеми к камню. Она положила ладонь на его поверхность и почувствовала слабую пульсацию. Она с трудом оторвала, казалось, приклеившуюся руку от камня. Потом внимательно посмотрела на остальных. Все спокойно прикасались к камню: вот, Гарик похлопал по нему несколько раз, Эля проводит ладонью по выбоинам – ничего необычного.

– Ну, ладно, едем обратно, – сказала Эля, самая нетерпеливая. – Задавили и удавили меня совсем. Скорей везите обратно в город, и – на дискотеку. И только в «Аква», и чтобы был сплошной пластик. И ни одного камня больше.

Все быстро зашагали от камня прочь, кроме Астхик, ноги которой, казалось, отказывались ей повиноваться. Медленно пятясь, она с трудом делала маленькие шаги назад, как будто преодолевая неведомую силу притяжения. И в какой-то момент, когда она всё же отошла от камня на небольшое расстояние и почувствовала, что притяжение ослабло, в ушах у неё раздался дикий рёв. В это же мгновение она увидела ожившие глаза камня, разинутый рот и чёрный воронкообразный зев.

Она закричала от ужаса, упав на колени, и припала к земле, ухватившись за кочки, словно ища у неё защиты. Рёв в ушах прекратился также неожиданно, как начался. Она почувствовала, что её поднимает с земли Ваагн.

– Ой, тут, наверное, больно падать на камни, – посочувствовали девушки.

Астхик даже была рада, что её падение не вызвало особого интереса и все скоро об этом забыли.

На следующее утро, когда она осталась дома одна, к ней тут же поднялся Ваагн.

– Ну, как, там мои любимые коленки? – нежно, как всегда, обнимая её спросил он.

– Болят, – игриво надув губки, пожаловалась Астхик.

– О, бедная моя девочка, где больно – здесь? – Ваагн начал покрывать поцелуями её колени, постепенно поднимаясь выше.

Астхик залилась восторженным смехом – так её Ваагн редко баловал, а кроме него, она близко никого к себе не подпускала.

– Ну а почему ты упала тогда у камня? – прошептал он ей на ухо.

– Я просто оступилась.

– А почему ты так напряглась сейчас?

– Вовсе нет.

– Ты что-то увидела и ужаснулась.

– Нет!

– Ты можешь обмануть свою мать, но меня ты обмануть не сможешь. Я – твой двойняшка, я сразу почувствовал, что ты испугалась до смерти.

– В таком случае, ты бы увидел то же, что и я.

– Мы – не сиамские близнецы. И потом, в тебе есть повышенная чувствительность, тебя даже называют экстрасенсом.

– Я ничего не видела, – сопротивлялась из последних сил Астхик.

– У тебя синие круги под глазами, ты целуешься так, как будто хочешь забыться. Но у тебя не получится. Лучше расскажи мне сейчас всё.

Астхик расплакалась.

– Я бы так не настаивал, – Ваагн крепко обнял её, целуя заплаканное лицо, – если бы не почувствовал сам кое-что. Меня как-будто что-то всё время удерживало около камня. Тебя ведь именно это напугало.

У Астхик не было больше сил противостоять его напору и несмотря на то, что её не покидало плохое предчувствие, она всё рассказала.

Ваагн тут же пошёл к двери.

– Нет, Ваагн, умоляю тебя, не ходи туда! – в отчаянии закричала Астхик.

– С чего ты взяла, что я иду туда?

– А разве нет?

Ваагн остановился и посмотрел на неё.

– Астхик, у меня есть уникальный шанс прикоснуться к чему-то неведомому. Даже если за этим стоит что-то разрушительное, даже если это соприкосновение повлечёт за собой смерть. Ведь иначе, человечество никогда не увидело бы мумии фараонов, не узнало бы о радиации. За всё за это заплачено жизнями. Ведь никто ничего не почувствовал, кроме тебя и меня, возможно...

– Возможно, мне всё померещилось из-за жары.

– Тогда, тем более, ничего страшного нет в том, чтобы ещё раз прокатиться туда и просто посмотреть на камень. Если это нам не предопределено – нас там никто и ничто не ждёт.

Остановить Ваагна было невозможно, ей ничего не оставалось, как поехать вместе с ним.

Как и в прошлый раз, в карьере было безлюдно. Когда их взглядам открылся камень, Ваагн остановился и посмотрел Астхик прямо в глаза:

– Мы сейчас начнём приближаться к нему каждый сам по себе. Посмотрим, что мы почувствуем по мере приближения. Ничего не произойдёт, – значит, показалось в прошлый раз. А если не показалось, – значит, ты будешь действовать, как тебе подскажет твоя интуиция, а я – как подскажет моя мне.

Он поцеловал её в губы и сказал:

– Не надо было привозить тебя сюда.

– Без меня ты пропадёшь, – очень серьёзно ответила Астхик.

Она первой почувствовала притяжение, и сразу же остановилась, сделав резкий шаг назад.

– Я пока ничего не чувствую, – сказал Ваагн и зашагал дальше.

Астхик осталась на границе зоны безопасности, не сводя с Ваагна взгляда.

Он подошёл к жертвеннику, дотронулся до него рукой, – ничего необычного, и в тот момент, когда он обернулся к Астхик и с улыбкой помахал ей рукой, камень задрожал. Ваагн упал, камень завибрировал со всё большей частотой. Вот уже вместо камня образовалась чёрная дыра, вот уже не видно Ваагна в облаке пыли вокруг этой дыры, а вот уже нет облака пыли вместе с Ваагном – всё засосала чёрная дыра.

Астхик стояла и смотрела на действие со смешанным чувством ужаса и желания противостоять. Она сконцентрировала всю свою волю, всю энергию, дополнительную силу от родной земли, в которую как-будто вросла. Она нашла Ваагна в чёрном хаосе, – они всегда находили друг друга, даже разделённые большим расстоянием, – и начала бороться.

– Не отдам, – вдруг закричала она, чувствуя, что силы у неё на исходе.

И, как выбившиеся из сил и проигравшие, казалось, бой борцы вдруг с невесть откуда взявшейся силой мощным толчком низвергают на лопатки могучего противника, так и она послала Ваагну импульс всей своей энергии, – всей, которой обладала.

В том месте, где находился камень, прогремел глухой взрыв. Когда облако чёрного дыма рассеялось, и Астхик увидела идущего ей навстречу Ваагна, она упала на землю без чувств.

Очнулась она от капель дождя. Ваагн сидел рядом на камне и держал её голову на коленях. Она сразу же почувствовала проникающие лучи его тепла, отогревающие и похолодевшую кровь, и уставший мозг. Он здесь, рядом – значит всё хорошо. Вода с неба иголочками покалывала лицо, шею, открытые плечи, массируя, проникая через поры в клетки и восполняя запасы живительной влаги. Прогремел гром, дождь усилился.

– Наше небо как будто хочет очистить нас от нечисти своим душем, – сказала Астхик.

Ваагн восторженно, услышав её голос, вскочил на колени, прижал её к себе:

– Астхик, моя Астхик, – срывающимся голосом сказал он.

Капли дождя маскировали слёзы, но не могли заглушить хрипов из горла.

– Поедем домой, – произнесла Астхик и, опираясь на него, медленно поднялась.

В машине они не обменялись ни словом. Два следующих дня Астхик не вставала с постели, – она спала. Сквозь сон она слышала плач матери, слышала нервное покашливание отца, но не в силах была даже просто открыть глаза и сказать, – не беспокойтесь, я просто сплю.

На этот раз до неё донеслись крики матери:

– Негодяй, я тебя принимала как сына у себя дома! Куда ты её отвёз и что ты с ней сделал?

– Ничего я не делал. Мы просто ехали на машине.

– Почему тогда она не встаёт с постели два дня?! Ноги твоей чтоб больше не было у меня дома! Никакой дружбы! Хватит! Дай бог, она встанет, я её отправлю в такую даль, – подальше от тебя!

– Она просто устала от экзаменов. Может быть, сейчас она уже проснулась и слышит нас.

Асхик быстро оделась и вышла из своей комнаты.

– Астхик, доченька, как ты?

– Всё хорошо. А почему ты так кричала, мама?

– Почему кричала? – мать судорожно вздохнула. – Потому что моя дочь позволяет себе на несколько часов пропадать из дома неизвестно где и неизвестно с кем, а потом от усталости спит двое суток без просыпу, став предметом пересудов у всего города! Ты хоть на секунду подумала о нас с отцом?!

– Я была с Ваагном, ну, задержались немного...

– Немного задержались? – у матери в глазах появился стальной блеск. – Мы с отцом тебя слишком распустили. И вот как ты ответила нам на наше доверие. Но с сегодняшнего дня всё будет по-другому.

– Вам не надо беспокоиться. Мы так долго отсутствовали, потому что обсуждали наше будущее и не заметили, как пролетело время. – сказал Ваагн. – Мне предложили прекрасную работу на Тибете, я попросил Астхик выйти за меня замуж и уехать вместе со мной туда.

– Женитесь и делайте, что хотите, хоть на Тибете, хоть на Северном полюсе!

Мать быстро вышла из комнаты и прошла к себе в спальню, громко хлопнув дверью.

– Астхик, нам надо серьёзно поговорить, – тихо сказал Ваагн, – давай спустимся ко мне, у меня сейчас никого нет.

У Астхик тревожно забилось сердце, разумеется, разговор должен был пойти далеко не о такой приятной вещи, как свадьба.

– Я видел Его там. И их всех. Всех, кого Он жестокими жертвоприношениями унёс из мира людей. И ещё унесёт – для новых жертв уже готовят места. Камень должен был стать ловушкой для нас обоих. Я нужен был Ему как воин, а ты – как жрица. Для Него Его агенты подбирают воинов и жриц по всему миру. Но ты не попала к Нему в ловушку и помогла мне вырваться оттуда. Этого Он нам не простит.

– Кто – Он?

– Молох. Пять тысяч лет назад люди сами сжигали своих детей ему в жертву, ну а сейчас Ему требуется устраивать истерии «отцов цивилизации», организовать резолюции Ассамблеи, развёртывать «акции возмездия» – но результат тот же. Опять люди сжигают детей – какая Ему разница, – делают люди это под барабанный бой жертвенных барабанов, в печах крематориев или же под подвывание бомбардировщиков «отцов цивилизации».

– А что я и ты можем противопоставить этой злой и страшной силе, если даже «отцы цивилизации» идут у Него на поводу?

– На каждую силу со временем находится противостоящая сила. Меня Они – Противостоящие, как они называют себя, нашли сами и предложили защиту. И если мы захотим, мы можем стать Противостоящими, но сначала нас будут учить.

– Похоже, для тебя всё ясно. Ты всё решил. С кем ты и против кого. И всё решил за меня. Так вот, мне не нужна ничья защита. Я не хочу, чтобы меня учили тому, чему я сама учиться не хочу.

Ваагн побледнел. Под глазами у него резко очертились тёмные круги, сделавшие особенно выразительными его голубые глаза.

– Ты не хочешь остаться со мной?

Астхик бросилась ему на шею:

– Очень хочу. Хочу детей, хочу простой человеческой жизни.

Она почувствовала, как вздрогнул Ваагн.

– А если твою простую человеческую жизнь в один день объявят опасной для цивилизации и сожгут огнём ракет или бомб, уничтожив твоих детей, которых достигнут даже в бомбоубежище? Ты же видела, как это делали с другими.

– Ну почему ты и я?

– Потому что это было predetermined, когда нас ещё только зачали. Потому что Я – Победитель Дракона, а Ты – Звезда, обладающая мегаэнергией, и Мы – всегда вместе.

– Наши имена – это просто имена, мы – не боги, мы – обыкновенные слабые люди.

Ваагн закрыл лицо руками.

– Скажи ей, Ваагн, – вдруг услышала Астхик мужской голос.

Она резко обернулась и увидела очень высокого чернокожего мужчину.

– Астхик, это – Представитель, его послали для того, чтобы обеспечить нашу защиту.

– Что ты должен мне рассказать? – прошептала Астхик Ваагну, не сводя глаз с Представителя.

Ваагн молчал.

– Жизнь на Земле связана с Солнцем. Но есть на Земле Экосистема, не зависящая от Солнца, – заговорил Представитель на слишком правильном литературном языке, используя аппарат син--хронного перевода. – Эта Экосистема Мрака развивалась параллельно с Солнечной и обладает Разумом. Несколько тысяч лет назад они вступили в контакт с человечеством, который до сих пор носит паразитический односторонний характер. Им нужны наши сожжённые дети, а также воины и жрицы, выполняющие Его приказы в мире людей. Его многие народы почитали даже как бога, и приносили детей в жертву добровольно. Но сейчас времена другие, и Он использует другие методы и к, сожалению, другие масштабы. Если Его не остановить – всей нашей цивилизации придёт конец.

– А как я могу удостовериться, что Вы – не агент Молоха, и это – не очередная Его уловка заполучить нас с Ваагном.

– Во-первых, Вы бы так долго не разговаривали со мной, почувствовав опасность, как тогда у камня. Во-вторых, есть и более вещественные доказательства. – Представитель вытащил из кармана конверт и протянул его Астхик. – Главное сейчас, – это принять правду о самих себе и о своём predetermined.

– Я – обычный человек, и я сама решаю, что мне делать.

– Ну, к сожалению, если это и возможно иногда в мире людей – то в очень-очень ограниченном пространстве места и времени. У человека даже не спрашивают, хочет ли он родиться вообще. А необычные люди – пленники своего таланта, своих уникальных возможностей. Ну а у тех единиц, которым удалось хотя бы на миг соприкоснуться с Экосистемой Мрака – нет выбора, кроме как войти в число Противостоящих. Они – мутанты.

– Мы с Ваагном – мутанты?

– Вы, Астхик, – нет. Вы – человек с удивительными экстрасенсорными способностями, выходящими за рамки обычных человеческих возможностей, но всё же – человек. А вот Ваагн – уже нет.

Астхик вскрикнула и зажала рот рукой, подавляя стон отчаяния.

– Я знаю о вашей любви. Мы все были потрясены её силой, когда регистрируя очередную попытку Молоха заполучить человеческий материал, узнали, как хрупкая девушка спаслась сама и вырвала своего возлюбленного из Его лап. Вы можете остаться с ним у нас, став по своей воле, мутантом, как он. Но у Вас, Астхик, есть выбор. Вы можете остаться в своём мире людей, в котором есть другие очень сильные и важные для Вас чувства. Мы обеспечим Вашу защиту и при желании можем убрать из памяти воспоминания обо всём этом.

Представитель немного помолчал и вдруг сказал:

– Мы, кстати, так и собирались сделать. Нашими правилами строжайше запрещено превращать людей в мутантов искусственно. Но Ваагн очень хотел, чтобы Вы всё узнали и сделали выбор. В случае Вашего согласия мы пойдём на исключение из правил, хотя предпочтительнее было бы этого не делать.

Астхик посмотрела на Ваагна.

– Подумай, любимая, – сказал спокойно Ваагн.

– Мне не о чем думать. У моих родителей есть двое детей, кроме меня, – старший брат и младшая сестра. Они будут спокойны за меня, зная, что я вышла замуж и уехала далеко-далеко. Детей у меня от тебя нет, а не от тебя – у меня быть не должно. Ты – моя судьба.

Ваагн радостно засмеялся и, обняв Астхик, закурил её в воздухе:

– Всё-таки женила меня на себе.

Астхик ответила ему грустным смехом. Они, целуясь, кружились, совершенно забыв о Представителе, и, наткнувшись на него – чуть не сбили с ног. Представитель, кашлянув, произнёс:

– Иногда предопределённость мне кажется очень милой штукой.

Конец

Астхик – звёздочка (армянский), распространённое женское имя.

Ваагн – имя древнеармянского бога войны, имеющего также имя Вишапахар (Убивающий Дракона), распространённое мужское имя